Н. Д. Виноградовъ.

Педагогическая Психологія,

въ связи съ общей педагогикой.

Часть II.

Лекціи, читанныя на Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ 1913—1914 уч. г.

МОСКВА,
Типо-Литографія С. М. Мухарскаго.
1914 г.

Прив. 1958
Пр.

BF
721

203
46

ПОНЯТІЕ ОБЪ ЭМОЦІЯХЪ. ТЕОРІЯ ЭМОЦІИ ДЖЕМСА-ЛАНГЕ. ОСОБЕННОСТИ ДѢТСКИХЪ ЧУВСТВОВАНІЙ. ЗНАЧЕНІЕ ЧУВСТВА ВЪ ОБЩЕЙ ЭКОНОМІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. КЛАССИФИКАЦІЯ ЧУВСТВОВАНІЙ.

Я перехожу теперь къ анализу другой сложной сферы душевной жизни, которая извѣстна подъ именемъ эмоцій или чувствованій. Послѣднее названіе введено для того, чтобы отличить эту сферу душевной дѣятельности отъ той формы психической жизни, которая проявляется въ дѣятельности ощущеній. Тѣмъ не менѣе и въ практикѣ обычнаго словоупотребленія и въ психологическомъ языкѣ мы нерѣдко встрѣчаемъ смѣшеніе терминовъ „чувство" и „чувствованіе", что едва ли желательно. Но во всякомъ случаѣ, если словомъ „чувство" будетъ обозначаться то, что именуется чувствованіемъ, то, конечно, здѣсь терминъ „чувство" уже будетъ употребляться въ своеобразномъ смыслѣ. Затѣмъ, эти виды душевныхъ состояній именуются, въ особенности въ новой психологіи, терминомъ „эмоцій". Буквальнымъ значеніемъ этого термина въ этихъ состояніяхъ оттѣняется элементъ движенія, волненія, поскольку жизнь чувства дѣйствительно связана съ разнообразными внѣшними обнаруженіями. Затѣмъ, нужно сказать, что этотъ терминъ „эмоціи" употребляется въ двухъ оттѣнкахъ: иногда имъ обозначается все разнообразіе душевныхъ переживаній, именуемыхъ чувствованіями, иногда же подъ нимъ разумѣются только наиболѣе сложныя и высшія формы этой сферы нашей психики. Но мы будемъ употреб-

лять терминъ „эмоція" въ самомъ широкомъ смыслѣ, т.е. въ приложеніи ко всѣмъ душевнымъ переживаніямъ этого типа. Эти переживанія характеризуются тѣмъ, что въ нихъ на первое мѣсто выступаетъ элементъ удовольствія или неудовольствія, пріятнаго или непріятнаго. Конечно, этотъ элементъ присущъ и разнообразнымъ интеллектуальнымъ состояніямъ,- и нашимъ ощущеніямъ и воспріятіямъ, и нашимъ представленіямъ, и даже болѣе высокимъ формамъ интеллектуальной дѣятельности - въ видѣ сужденій и разсужденій. Но въ жизни чувствованій этотъ элементъ пріятнаго или непріятнаго выступаетъ на первый планъ и занимаетъ доминирующее мѣсто. Затѣмъ, дальнѣйшій анализъ этихъ процессовъ показываетъ намъ, что здѣсь есть тѣсная связь съ самыми разнообразными интеллектуальными и волевыми состояніями. Такимъ образомъ, это состояніе пріятнаго или непріятнаго, удовольствія или неудовольствія мы не можемъ мыслить совершенно отвлеченно, не связывая его съ ощущеніями, воспріятіями, представленіями, съ нашей логической дѣятельностью. И, дѣйствительно, мы знаемъ изъ анализа органическихъ ощущеній, что состоянія удовольствія или неудовольствія возникаютъ въ связи съ дѣятельностью опредѣленныхъ органическихъ системъ. То же самое можно сказать относительно ощущеній органовъ внѣшнихъ чувствъ, разъ намъ извѣстно, что для порожденія многихъ формъ удовольствія или неудовольствія необходимы извѣстныя ощущенія или воспріятія. Затѣмъ, мы знаемъ, что очень часто эти состоянія удовольствія или неудовольствія возбуждаются въ связи съ нашими представленіями, когда извѣстное представленіе или извѣстная идея влечетъ за собой то или другое чувство.

Такимъ образомъ, есть тѣсная связь между эмоціональными возбужденіями и интеллектуальными процессами. Эта связь обнаруживается и въ наиболѣе сложныхъ формахъ нашей интеллектуальной дѣятельности, напримѣръ, въ нашихъ наиболѣе углубленныхъ логическихъ процессахъ, когда мы предполагаемъ извѣстное умственное напряженіе, сопровождаемое своеобразными переживаніями пріятнаго или непріятнаго, удовольствія или неудовольствія. Все это показываетъ, что самые разнообразные виды наиболѣе сложныхъ формъ эмоціональной жизни возбуждаются въ связи съ различными типами интеллектуальной дѣятельности. Что касается, теперь, волевого элемента или активности, то и здѣсь есть тѣсная связь съ эмоціональными проявленіями, поскольку эта связь выражается въ томъ, что многія изъ эмоцій связаны съ извѣстными влеченіями или стремленіями, и нѣкоторыя изъ нихъ находятъ свое конкретное воплощеніе въ связи съ извѣстными поступками, актами, очень сложными явленіями человѣческой жизни, которыя и служатъ обнаруженіемъ нашей активности. Все это указываетъ на то, что мы не можемъ эту сферу душевной жизни мыслить совершенно изолированной, представляющей какую то своеобразную область, которая не имѣла бы связи ни съ жизнью ума, ни съ дѣятельностью воли. Но тѣмъ не менѣе здѣсь всетаки названный элементъ удовольствія или неудовольствія, пріятнаго или непріятнаго выступаетъ на первый планъ и придаетъ своеобразный колоритъ тѣмъ душевнымъ переживаніямъ, которыя мы называемъ чувствованіями или эмоціями. Съ другой стороны, мы постоянно наблюдаемъ наиболѣе тѣсную

связь этихъ своеобразныхъ душевныхъ состояній съ различными физіологическими процессами. Конечно, эта связь нашей психики съ тѣлесными или физіологическими процессами обнаруживается и во всѣхъ другихъ формахъ нашей душевной жизни–и въ интеллектуальной сферѣ и въ сферѣ активности или воли. Но въ интеллектуальной сферѣ мы видимъ наиболѣе тѣсную связь чисто психическихъ переживаній съ явленіями нашей нервной системы или даже нашего мозга, даже опредѣленныхъ частей нашего мозга. Что касается активности, то тамъ для насъ наиболѣе тѣсна связь между психическими явленіями, т.е. извѣстными желаніями, стремленіями, и между ихъ обнаруженіемъ въ видѣ того или другого движенія, когда, слѣдовательно, здѣсь на первый планъ выступаетъ такая органическая система, какъ мускульная. Что же касается жизни чувствованій, то, конечно, и эти душевныя состоянія связаны и съ нашей нервной системой и въ частности съ нашимъ мозгомъ, связаны также съ мускульной дѣятельностью. Но здѣсь наблюдается еще одна форма связи, именно связь съ наиболѣе глубокими чисто органическими процессами, съ процессами, имѣющими мѣсто въ явленіяхъ дыханія, кровообращенія, въ явленіяхъ дѣятельности железъ и т.п. Эта тѣсная связь констатирована уже давно въ разнообразныхъ психологическихъ и физіологическихъ изслѣдованіяхъ. Но уже въ новое или даже новѣйшее время мы видимъ попытки на почвѣ этой связи объяснить и самое существо эмоціональныхъ проявленій, когда здѣсь предполагается, что настоящее чувство, настоящая эмоція можетъ возникнуть только въ томъ случаѣ, если произойдутъ извѣстныя органическія измѣненія. Такимъ образомъ, разнообразныя

физіологическія явленія, которыя мы наблюдаемъ въ процессѣ переживанія эмоцій страха, гнѣва и т.п., разсматриваются уже не какъ послѣдствія извѣстныхъ душевныхъ состояній или не какъ спутники этихъ состояній, а какъ необходимыя предшествующія условія, которыя вызываютъ самое чувствованіе, и если бы не было всѣхъ этихъ физіологическихъ измѣненій, то не было бы и самихъ эмоцій. Съ этой точки зрѣнія самыя разнообразныя формы эмоціональной жизни сводятся въ концѣ-концовъ къ сознанію тѣхъ различныхъ физіологическихъ измѣненій и процессовъ, которые происходятъ внутри нашего организма. Зерно этого взгляда и составляетъ сущность своеобразной теоріи для объясненія самой природы эмоціональной жизни, теоріи, которая извѣстна подъ именемъ теоріи Джемса-Ланге, такъ какъ этотъ взглядъ связанъ съ изслѣдованіями двухъ ученыхъ, именно извѣстнаго американскаго психолога Джемса, умершаго въ 1910 году, а также довольно крупнаго датскаго ученаго, анатома и невропатолога, Карла Ланге. Эта теорія возникла въ противовѣсъ болѣе раннему взгляду на существо эмоціональной жизни, по которому все разнообразіе эмоціональныхъ проявленій объяснялось присутствіемъ въ нашей душѣ своеобразныхъ представленій, такъ что различныя чувствованія или эмоціи классифицировались съ той точки зрѣнія, что въ опредѣленный моментъ въ нашемъ сознаніи присутствуетъ извѣстное представленіе, идея, мысль, и въ связи именно съ ними возникаютъ тѣ или другія душевныя переживанія, именуемыя эмоціями. Это интеллектуалистическое толкованіе природы душевной жизни ведетъ свое начало отъ извѣстнаго нѣмецкаго философа-психолога Гербарта. Это воззрѣніе вы-

звало противъ себя протестъ, какъ воззрѣніе крайне односторонее, не захватывающее самаго существа эмоціональной жизни. Упомянутые мною ученые Джемсъ и Ланге въ особенности подчеркиваютъ несостоятельность этого интеллектуалистическаго объясненія и указываютъ между прочимъ на то, что такого рода объясненія являются совершенно безполезными для научной классификаціи чувствованій, потому что здѣсь классифицируются не самыя чувствованія, а интеллектуальныя состоянія, и потому въ обозначеніяхъ чувствованій мы встрѣчаемъ иногда простыя синонимическія названія, когда, напр., говорятъ о такихъ чувствованіяхъ, какъ месть, злоба, ненависть, отвращеніе, причемъ не вскрывается природа извѣстнаго чувствованія, а только оттѣняются нѣкоторыя второстепенныя особенности этихъ душевныхъ переживаній, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интеллектуалистическаго толкованія. Поэтому упомянутые ученые, Джемсъ и Ланге, стремились создать новую, болѣе совершенную классификацію чувствованій, причемъ они предполагали, что основаніе для такой классификаціи можно найти въ тѣхъ разнообразныхъ физическихъ измѣненіяхъ, которыя мы наблюдаемъ въ процессахъ извѣстныхъ чувствованій или эмоцій, когда, дѣйствительно, здѣсь есть нѣчто объективное, находящееся въ самомъ нашемъ организмѣ. На почвѣ анализа этихъ органическихъ измѣненій можно создать болѣе прочный базисъ для классификаціи чувствованій. Ланге, напр., говорилъ, что если бы мы ограничились только субъективными изслѣдованіями, то мы никогда бы не пришли къ какимъ бы то ни было объективнымъ, достовѣрнымъ или для всѣхъ принудительнымъ результатамъ. Такъ, изслѣдованіе цвѣтовъ,

разъ оно опиралось только на субъективныя данныя, не приводило ни къ какимъ цѣннымъ результатамъ до тѣхъ поръ, пока не былъ найденъ объективный признакъ, который состоитъ въ данномъ случаѣ въ томъ, что свѣтъ пропускается черезъ призму, и здѣсь уже получается опредѣленное сочетаніе цвѣтовъ, цвѣтной спектръ. Такого рода комбинація цвѣтовъ является фактомъ болѣе прочнымъ, чѣмъ психическія переживанія при воспріятіи цвѣтовъ. Какъ въ этой области явилась возможность настоящаго научнаго изслѣдованія, когда было сдѣлано физическое открытіе, такъ, по мнѣнію Ланге, и изученіе анатомо-физіологическаго субстрата эмоціональной жизни можетъ пролить свѣтъ на самую природу эмоціональныхъ переживаній и можетъ содѣйствовать болѣе прочной и устойчивой ихъ классификаціи.

Намъ необходимо будетъ разобраться въ этой теоріи, поскольку то или другое отношеніе къ ней является цѣннымъ съ точки зрѣнія педагогической: вѣдь здѣсь, несомнѣнно, возможно будетъ установить то или другое педагогическое воздѣйствіе, въ смыслѣ подавленія или, можетъ быть, усиленія извѣстныхъ чувствованій, именно путемъ вліянія на тѣ анатомо-физіологическія условія, которыя являются необходимыми для возникновенія извѣстной эмоціи. Я прежде всего коснусь теоріи Ланге, потому что изложеніе этой теоріи уже уяснитъ намъ самую сущность этого воззрѣнія и, съ другой стороны, поможетъ также понять особенности тѣхъ измѣненій, которыя внесены въ эту теорію Джемсомъ. Ланге думаетъ, что для того, чтобы изучить болѣе глубоко самую природу эмоціональныхъ переживаній, и чтобы на почвѣ та-

кого изученія установить наиболѣе прочную и точную классификацію чувствованій, необходимо изслѣдовать тѣ разнообразныя анатомо-физіологическія измѣненія, которыя наблюдаются въ моментъ переживанія того или другого чувства. Для этого, по мнѣнію Ланге, необходимо выбрать наиболѣе типичныя эмоціи и затѣмъ выяснить, какія именно анатомо-физіологическія измѣненія происходятъ въ то время, когда совершаются эти чувствованія. Ланге выбираетъ такія чувствованія, какъ печаль, радость, страхъ, гнѣвъ. Затѣмъ сюда же онъ присоединяетъ какъ бы производныя отъ этихъ эмоцій чувствованія, напр., разочарованіе, замѣшательство, нетерпѣніе. Ланге думаетъ, что всѣ разнообразныя анатомо-физіологическія измѣненія, которыя наблюдаются при этихъ переживаніяхъ, можно свести къ двумъ основнымъ процессамъ, а именно къ процессамъ въ системѣ кровообращенія или къ измѣненіямъ въ сосудо-двигателяхъ (вазомоторахъ), а съ другой стороны – къ процессамъ, которые имѣютъ мѣсто въ нашихъ мускулахъ, или къ измѣненіямъ произвольной иннерваціи. Сюда же относятся дополнительныя измѣненія, какъ, напр., спазмы органическихъ мышцъ или инкоординированныя, безпорядочныя движенія, которыя наблюдаются въ явленіяхъ замѣшательства, нетерпѣнія, гнѣва и т.д. Вотъ тѣ основныя тѣлесныя явленія, которыя мы наблюдаемъ, когда переживаемъ эти чувствованія. Эти явленія, т.е. измѣненія въ сосудодвигателяхъ и измѣненія произвольной иннерваціи, могутъ быть двоякаго рода. Такъ, мы можемъ наблюдать сужденіе кровеносныхъ сосудовъ и въ связи съ этимъ уменьшеніе произвольной иннерваціи, какъ это мы видимъ, напр., въ чувствѣ страха, когда наблю-

дается задержка движенія или даже неподвижность. Благодаря суженію кровеносныхъ сосудовъ теченіе крови по сосудамъ замедляется, кровь приливаетъ къ сердцу, и въ связи съ этимъ наблюдается явленіе поблѣднѣнія. Затѣмъ, здѣсь же въ отношеніи нѣкоторыхъ другихъ эмоцій можно наблюдать и противоположныя явленія, а именно увеличеніе произвольной иннерваціи и расширеніе кровеносныхъ сосудовъ. Такъ, напр., въ чувствѣ гнѣва или въ чувствѣ радости, которыя выражаются въ сильномъ возбужденіи, мы можемъ наблюдать явленіе покраснѣнія, которое свидѣтельствуетъ о расширеніи сосудовъ. Съ другой стороны, мы видимъ здѣсь усиленіе произвольной иннерваціи, которое выражается въ рядѣ движеній, причемъ эти движенія иногда являются инкоординированными, т.е. безпорядочными, все равно какъ въ эмоціяхъ перваго типа мы можемъ наблюдать спазмы органическихъ мышцъ, какъ, напр., въ явленіи страха. Одни изъ этихъ процессовъ, продолжаетъ Ланге, наблюдаются въ одной группѣ названныхъ эмоцій, другіе - въ другой. Такъ, если мы возьмемъ такія эмоціи, какъ печаль, страхъ замѣшательство, то мы увидимъ, что въ этомъ случаѣ наблюдаются суженіе кровеносныхъ сосудовъ и уменьшеніе произвольной иннервацiи. Если же мы возьмемъ такія эмоціи, какъ гнѣвъ, радость, нетерпѣніе, то здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіями противоположными, а именно съ расширеніемъ кровеносныхъ сосудовъ и увеличеніемъ произвольной иннервацiи. Далѣе, говоритъ Ланге, возникаетъ вопросъ, о томъ, какія же изъ этихъ органическихъ явленій оказываются первичными, и какія вторичными, какія раньше возни-

кают въ время эмоціональныхъ переживаній, явленія ли въ связи съ измѣненіями кровообращенія, или явленія въ связи съ измѣненіями мускульной дѣятельности, произвольной мускульной иннервації. Ланге говоритъ, что его собственныя изслѣдованія и изслѣдованія многихъ другихъ ученыхъ привели къ тому выводу, что здѣсь первичными оказываются явленія вазомоторныя или сосудодвигательныя, т.е. необходимо, чтобы сначала произошли измѣненія въ системѣ кровообращенія, а затѣмъ уже послѣ этихъ измѣненій возникаютъ измѣненія въ произвольной мускульной иннервації. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія анатомо-физіологическаго изслѣдованія оказывается, что дѣятельность мускуловъ, различныя движенія,- уже явленія вторичныя. Далѣе Ланге думаетъ, что собственно эти анатомо-физіологическія измѣненія являются предшественниками эмоцій, а не представляютъ собою процессовъ, которые возникаютъ уже послѣ эмоцій. По обыкновенному представленію, говоритъ Ланге, дѣло изображается такъ: если напр., человѣкъ получаетъ печальное извѣстіе, если, положимъ, мать получаетъ неожиданное извѣстіе о смерти сына, то мы думаемъ, что непосредственно послѣ этого возникаетъ глубокое чувство печали, душевное состояніе во всей сложности и глубинѣ своего проявленія. Затѣмъ слѣдуютъ слезы, потомъ мы можемъ наблюдать различнаго рода движенія или задержку этихъ движеній, какъ это встрѣчается въ явленіяхъ глубокой печали, отчаянія и т.п. По наиболѣе распространенному представленію всѣ эти измѣненія разсматриваются уже какъ результатъ извѣстнаго душевнаго переживанія. Но самъ Ланге думаетъ, что дѣло обстоитъ совершенно

иначе, что всегда настоящее чувство печали или радости, во всей сложности и глубинѣ переживанія, можетъ возникнуть только тогда, когда произойдутъ уже извѣстныя физіологическія измѣненія, именно когда непремѣнно будетъ приведена въ движеніе система кровообращенія, затѣмъ мускульная система. Съ этой точки зрѣнія процессъ переживанія упомянутыхъ эмоцій нѣсколько иной, чѣмъ представляетъ обычная психологія, т.е. послѣ полученія печальнаго извѣстія несомнѣнно слѣдуетъ извѣстный процессъ въ нашемъ мозгу, въ нашей нервной системѣ, но настоящая эмоція, настоящее глубокое горе возникаетъ не непосредственно послѣ этого процесса, а лишь послѣ того, какъ этотъ процессъ найдетъ свое отраженіе въ нашей системѣ кровообращенія, и послѣ того какъ онъ вызоветъ соотвѣтствующія измѣненія въ мускульной системѣ. Затѣмъ уже сознаніе всѣхъ этихъ органическихъ измѣненій и создастъ настоящее чувство печали или радости. Такимъ образомъ, наша система кровообращенія, наши сосудодвигатели или вазомоторы, являются необходимымъ условіемъ для пробужденія настоящей эмоціи; больше того, по мнѣнію Ланге, можно сказать, что сосудодвигательная система является источникомъ нашихъ радостей и печалей. Это доказывается самыми разнообразными наблюденіями, между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что многія лекарственныя вещества, такъ наз. наркотики, которыя дѣйствуютъ прежде всего на кровеносную систему, могутъ дѣйствовать измѣняющимъ образомъ на наше настроеніе (слѣдовательно, здѣсь послѣ измѣненій въ кровообращеніи слѣдуютъ измѣненія въ нашей центральной нервной системѣ, въ нашемъ мозгу, и въ связи съ этимъ измѣняется наше настроеніе). Если бы

продолжаетъ Ланге, у насъ не было кровеносной системы, мы проходили бы черезъ жизнь безчувственные и безстрастные; мы могли бы получать самыя разнообразныя впечатлѣнія при помощи нашихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, благодаря разнообразнымъ воздѣйствіямъ на нашу центральную нервную систему, но мы никогда бы не переживали настоящихъ эмоціональныхъ состояній; и если бы не было этихъ измѣненій въ кровеносной системѣ то мы имѣли бы дѣлишь съ абстрактными холодными представленіями, но это были бы мысли объ эмоціяхъ, а не самыя эмоціи.

Въ этомъ заключается сущность взглядовъ Ланге. Что касается теперь взглядовъ Джемса, то эти воззрѣнія являются дальнѣйшей разработкой или углубленіемъ взглядовъ Ланге. Нужно сказать, что взгляды Ланге и Джемса были высказаны независимо другъ отъ друга, въ первой половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и оба эти ученые пришли къ характеризуемой теоріи совершенно самостоятельно. Во взглядахъ Джемса есть нѣкоторое различіе по сравненію съ воззрѣніями Ланге Это различіе заключается въ томъ, что Джемсъ особенно выдвигаетъ значеніе такъ называемыхъ внутренностныхъ измѣненій, т.е измѣненій, имѣющихъ мѣсто въ различнаго рода нашихъ внутренностяхъ, не только въ системѣ кровообращенія, но и въ системахъ дыханія, питанія или пищеваренія, въ разнаго рода железахъ и т.д. Съ точки зрѣнія Джемса всѣмъ этимъ физіологическимъ процессамъ принадлежитъ основное значеніе въ дѣлѣ возбужденія извѣстныхъ эмоцій, и если бы не было этихъ процессовъ, то не было бы настоящаго конкретнаго, сильнаго чувства. Джемсъ думаетъ поэтому, что эти тѣлесныя возбужде-

нія, какъ онъ выражается, являются необходимымъ условіемъ для возникновенія эмоцій, и несомнѣнно мы непосредственно сознаемъ эти тѣлесныя возбужденія и ихъ роль въ созданіи эмоцій. Болѣе тщательныя, какъ анатомо-физіологическія, такъ и психологическія, изслѣдованія только подтверждаютъ значеніе этихъ тѣлесныхъ измѣненій въ процессѣ возникновенія эмоцій. Съ этой точки зрѣнія, говоритъ Джемсъ, мы можемъ утверждать, что чувство является уже въ извѣстномъ смыслѣ результатомъ этихъ тѣлесныхъ измѣненій. Если, напр. мы испытываемъ какое-нибудь сильное, яркое эмоціональное переживаніе, напр., чувство печали, страха, гнѣва, то, по мнѣнію Джемса, во всѣхъ этихъ случаяхъ, для того, чтобы явилась опредѣленная эмоція, необходимы предшествующія органическія измѣненія, и потому мы, говоритъ Джемсъ, должны представлять дѣло совершенно обратно тому, чѣмъ какъ представляетъ обычная человѣческая мысль или обычное психологическое объясненіе Такъ, напр., если мы видимъ опечаленнаго человѣка, если мы наблюдаемъ слезы на его лицѣ то мы можемъ предположить, что въ организмѣ этого человѣка происходятъ физіологическія измѣненія, которыя являются необходимымъ условіемъ для самаго чувства. То же самое можно сказать и о другихъ эмоціяхъ. Съ этой точки зрѣнія, говоритъ Джемсъ, мы можемъ употреблять совершенно парадоксальныя выраженія: такъ, мы можемъ говорить, что мы опечалены потому, что мы плачемъ; что мы боимся потому, что мы бѣжимъ; что мы приведены въ ярость, потому, что наносимъ удары. Такимъ образомъ, предполагается пѣлый рядъ органическихъ

измѣненій для того, чтобы возникло настоящее чувство. Если бы мы, анализируя какую-нибудь эмоцію, говоритъ Джемсъ, попробовали вычесть изъ нея всѣ эти органическія измѣненія, то отъ этой эмоціи не осталось бы ничего, кромѣ холоднаго интеллектуальнаго представленія. Я, говоритъ Джемсъ, не могу себѣ представить, что такое было бы чувство страха безъ усиленнаго сердцебіенія, короткаго дыханія, дрожанія губъ и т.д. Если бы уничтожить всѣ эти чисто-органическія состоянія, то едва ли была бы настоящая живая эмоція.

На первый разъ эта теорія можетъ показаться парадоксальной и противорѣчащей фактамъ. Поэтому необходимо болѣе серьезное и глубокое доказательство истинности этой теоріи, въ связи съ тѣми возраженіями, которыя выдвигаются противъ нея. Здѣсь, прежде всего, указывается то возраженіе, что будто бы мы непосредственно и внутренно никогда не сознаемъ тѣхъ тѣлесныхъ измѣненій, которыя должны были бы наблюдаться въ процессѣ переживанія извѣстнаго чувства, напримѣръ, какой нибудь эстетической эмоціи. Такъ, когда мы смотримъ драму или слушаемъ музыкальную пьесу, то, повидимому, порождаемыя въ насъ чувства очень далеки отъ той физической основы, которую Джемсъ въ данномъ случаѣ считаетъ необходимой. Но, говоритъ Джемсъ, если бы мы углубили анализъ, то увидѣли бы, что на самомъ дѣлѣ мы сознаемъ чисто физическія измѣненія, которыя происходятъ въ дѣятельности дыханія, которое мы задерживаемъ или усиливаемъ, въ системѣ кровообращенія, когда мы наблюдаемъ задержку сердцебіенія, испытываемъ чувство дрожи, мурашекъ и т.д. Значитъ,

здѣсь есть несомнѣнно сознаніе извѣстныхъ физическихъ измѣненій. Эта мысль о томъ, что эти физическія измѣненія, независимо отъ предшествующаго интеллектуальнаго состоянія, могутъ вызывать чувство, по мнѣнію Джемса, косвенно доказывается анализомъ патологическихъ случаевъ, именно анализомъ болѣзненныхъ проявленій, гнѣва, страха и т.п., какъ мы наблюдаемъ у душевно-больныхъ или даже у нервно-больныхъ лицъ, когда встрѣчается состояніе безпричинной тревоги, постояннаго опасенія, хотя нѣтъ никакихъ реальныхъ основаній для этого чувства. То же самое можно сказать о явленіяхъ безпричинной радости, безпричиннаго возбужденія, которыя въ болѣзненномъ состояніи могутъ доходить до степени маніи. Все это, по мнѣнію Джемса, объяснимо только такимъ образомъ, что здѣсь, въ связи съ извѣстнымъ болѣзненнымъ разстройствомъ, происходятъ измѣненія въ кровообращеніи, въ дыханіи, пищевареніи, что эти измѣненія отражаются на нашей нервной системѣ, на нашемъ мозгу, и затѣмъ уже мы сознаемъ эти измѣненія, такъ сказать, непроизвольно, а въ результатѣ этого сознанія и порождается извѣстное настроеніе. Такимъ образомъ, если бы мы даже и не желали этого настроенія, оно все-таки неизбѣжно возникнетъ именно въ связи съ этими физіологическими процессами, которые являются предшествующими въ отношеніи самого чувства. Затѣмъ, говоритъ Джемсъ, здѣсь можетъ быть выдвинуто такое возраженіе, что вѣдь если эта теорія справедлива, то, повидимому, только стоитъ создать эти органическія измѣненія, какъ уже невольно должно возникнуть извѣстное чувство.

Библиотека ООН

Но какъ будто бы на первый разъ опытъ этотъ не подтверждается, потому что можно вызвать извѣстныя движенія, соотвѣтствующія гнѣву, радости, страху или другой эмоціи, но на самомъ дѣлѣ настоящаго чувства въ этомъ случаѣ не возникаетъ. Затѣмъ, повидимому, наиболѣе сильнымъ возраженіемъ противъ этой теоріи является тотъ фактъ, что вѣдь мы знаемъ, что нѣкоторыя лица, у которыхъ эта внѣшняя экспрессія особенно сильно развита, напр., актеры, въ состояніи вызывать въ себѣ всѣ эти внѣшнія обнаруженія и физическія измѣненія, которыя соотвѣтствуютъ эмоціямъ (когда актеръ представляетъ, напр. человѣка испуганнаго, разъяреннаго или опечаленнаго, то здѣсь имѣются на лицо извѣстныя органическія измѣненія), и однако же въ этихъ случаяхъ нѣтъ настоящаго чувства страха, гнѣва и т.п. Но самъ Джемсъ не считаетъ этотъ доводъ убѣдительнымъ, потому что, во-первыхъ, опытъ показываетъ намъ, что если сами мы будемъ искусственно, извѣстными движеніями, вызывать процессы, соотвѣтствующіе настоящему чувству, то, несомнѣнно, усиливается и самое чувство, какъ это мы видимъ въ явленіяхъ страха въ связи съ бѣгствомъ, когда, вслѣдствіе вызываемыхъ бѣгствомъ измѣненій въ организмѣ, усиливается и чувство страха. То же самое можно сказать и относительно другихъ эмоцій, относительно печали или радости, когда усиленіе извѣстныхъ движеній, вообще приведеніе въ дѣйствіе извѣстныхъ органическихъ системъ, усиливаетъ то или другое чувство. Такимъ образомъ, мы, несомнѣнно, наблюдаемъ эту связь или зависимость чувства отъ этихъ физическихъ измѣненій. Затѣмъ, что касается наблюденій надъ актерами, то, говоритъ Джемсъ, эти

наблюденія также не могутъ опровергнуть его теоріи, а, можетъ быть, отчасти даже подтверждаютъ ее. Джемсъ ссылается здѣсь на работу одного изслѣдователя, именно Арчера, который опрашивалъ выдающихся актеровъ относительно того, что они испытываютъ во время игры, когда оказалось, что, дѣйствительно, нѣкоторые изъ нихъ совершенно не переживаютъ той эмоціи, которую изображаютъ. По мнѣнію Джемса, въ этихъ случаяхъ нѣтъ связи между тѣлесными движеніями и тѣмъ душевнымъ переживаніемъ, которое совершается въ этотъ моментъ. Но нѣкоторые актеры передавали Арчеру, что такая связь, несомнѣнно, есть, и что иногда они достигаютъ такой степени возбужденія, что дѣйствительно испытываютъ если не полное чувство, то все-таки чувство, приближающееся къ настоящей эмоціи. Джемсъ думаетъ, что это различіе въ показаніяхъ актеровъ объясняется тѣмъ, что нѣкоторые изъ актеровъ дѣйствительно въ состояніи вызывать не только мускульныя движенія, но и затрагивать и внутренніе органы, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ можетъ получаться состояніе, близкое къ тому, которое переживается въ настоящей эмоціи. Если же этого нѣтъ, если затрагивается одна только внѣшняя мускульная дѣятельность, то понятно, что здѣсь нѣтъ настоящей эмоціи. Джемсъ полагаетъ, что ссылка на актеровъ была бы убѣдительна лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что напр., актеръ, изображающій испуганнаго человѣка, можетъ сознательно воспроизвести или создать въ своемъ организмѣ всѣ измѣненія, которыя соотвѣтствуютъ чувству страха. Если бы дѣйствительно было доказано, что всѣ эти измѣненія произведены человѣкомъ, но чувства не послѣдовало, тогда эта теорія

была бы опровергнута. Но Джемсъ полагаетъ, что ни одинъ актеръ не можетъ создать необходимыхъ измѣненій въ организмѣ, а обычно воспроизводитъ мускульныя движенія, соотвѣтствующія настоящей эмоціи, тогда какъ, напр., чтобы вызвать искусственное чувство страха, необходимо произвести измѣненія и въ системѣ кровообращенія, и въ системѣ пищеваренія, и въ разнаго рода железахъ. Слѣдовательно, вся эта ссылка на актеровъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть убѣдительна и не можетъ служить такимъ опровергающимъ аргументомъ для этой теоріи. Затѣмъ, Джемсъ приводитъ еще одно возраженіе, которое нерѣдко выдвигается противъ его теоріи; а именно, съ точки зрѣнія теоріи Джемса, для того, чтобы явилась извѣстная эмоція, какъ конкретное живое чувство - необходимо внѣшнее яркое обнаруженіе этой эмоціи, въ видѣ дѣятельности мускульной системы и извѣстныхъ измѣненій внутри нашего организма. А между тѣмъ, повидимому, обыкновенный опытъ показываетъ, что мы можемъ задержать эти измѣненія, но чувство все-таки наблюдается, существуетъ. Слѣдовательно, сущность чувства заключается не въ этихъ измѣненіяхъ, не въ сознаніи этихъ измѣненій. Такъ, напр., указываютъ на то, что разгнѣванный человѣкъ можетъ подавить въ себѣ чувство, можетъ овладѣть собою, но это подавленное чувство гнѣва можетъ перейти въ глубоко скрытую ненависть, злобу. Значитъ, здѣсь, несмотря на отсутствіе внѣшнихъ обнаруженій, эмоція все же существуетъ. Но, говоритъ Джемсъ, все это было бы убѣдительно только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что разгнѣванный человѣкъ подавилъ въ себѣ всѣ физическіе процессы, которые соотвѣтству-

ютъ чувству гнѣва. На самомъ же дѣлѣ разгнѣванный человѣкъ можетъ подавить въ себѣ только проявленіе произвольной мускульной дѣятельности, сдержаться только въ этомъ смыслѣ, но остальные внутренностные процессы могутъ продолжаться, и вотъ именно въ сознаніи человѣкомъ этихъ процессовъ и отражаются уже какъ бы нѣсколько измѣненныя формы гнѣва, напр., ненависть, злоба и т.д. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія здѣсь опять есть, несомнѣнно, тѣсная зависимость самаго чувства отъ его внѣшнихъ обнаруженій. Далѣе указывается на то, что, напр., чувство печали является наиболѣе глубокимъ въ тотъ моментъ, когда печаль не проявляется чѣмъ-нибудь внѣшнимъ; когда же, напротивъ, печаль выразится въ слезахъ, разнаго рода движеніяхъ, тогда она ослабѣваетъ. Слѣдовательно, это внѣшнее обнаруженіе не усиливаетъ чувство, а какъ бы ослабляетъ его. Но и это замѣчаніе, говоритъ Джемсъ, неубѣдительно, потому что для самой печали, для ея яркаго обнаруженія необходимо внѣшнее выраженіе, необходимы слезы, рыданія и т.д. И если мы думаемъ, что наступаетъ облегченіе, когда только начались эти обнаруженія, то мы ошибаемся: облегченіе наступаетъ позднѣе, когда обнаруженія закончились, когда истощилась извѣстная физіологическая энергія, когда явился общій упадокъ органической силы, когда наступаетъ реакція, которая и выражается въ пониженіи чувства. Такимъ образомъ, Джемсъ полагаетъ, что всѣ эти разнообразныя возраженія, которыя выдвигаются противъ его теоріи, не могутъ быть убѣдительны и не опровергаютъ ее. Но Джемсъ думаетъ, что эта теорія и не можетъ считаться вполнѣ и безспорно доказанной

въ настоящее время, потому что она является настолько сложной, что при современномъ состояніи анатомо-физіологическихъ и психологическихъ знаній трудно, конечно, прослѣдить всѣ эти процессы и доказать, что дѣло обстоитъ именно такъ, какъ это онъ утверждаетъ. Джемсъ думаетъ, что единственнымъ убѣдительнымъ доказательствомъ могла бы служить такъ называемая внутренностная анестезія, безчувственность всѣхъ внутреннихъ органовъ, т.е если бы былъ такой случай, что у человѣка былъ бы неповрежденнымъ мозгъ, всѣ же внутренности были бы не чувствительны, и если бы такой человѣкъ, получая самыя разнообразныя впечатлѣнія - радости, печали и т.д., на самомъ дѣлѣ не испытывалъ никакого чувства. Тогда, говоритъ Джемсъ, его теорія была бы доказана. Наоборотъ, если бы въ такомъ случаѣ обнаружилось, что такой человѣкъ съ внутренностной анестезіей прекрасно переживалъ бы страхъ, радость и другія чувства, его теорія была бы опровергнута. Но, конечно, такого рѣшительнаго доказательства не можетъ быть, потому что полная внутренностная анестезія влечетъ за собой смерть. Но, говоритъ Джемсъ, если нельзя достигнуть полной анестезіи, то бываютъ случаи частичной анестезіи, т.е. частичнаго, иногда очень значительнаго пониженія чувствительности внутренностныхъ органовъ подъ вліяніемъ различнаго рода заболѣваній, когда понижается чувствительность органовъ пищеваренія, кровообращенія, дыханія, и когда, дѣйствительно, здѣсь наблюдается, въ связи съ этимъ, и ослабленіе эмоціональной жизни. Джемсъ въ своихъ трудахъ приводитъ нѣсколько такихъ случаевъ частичной анестезіи, сопровождающейся значительнымъ

пониженіемъ эмоціональной жизни. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, частично его теорія подтверждается. Въ позднѣйшихъ работахъ Джемсъ дѣлаетъ ссылки на анестезію въ связи съ внушеніемъ, когда подъ вліяніемъ внушенія, особенно у истеричекъ, наблюдается прежде всего именно это явленіе внутренностной анестезіи, т.е. когда эти лица, подъ вліяніемъ внушенія, утрачиваютъ чувствительность, у нихъ не наблюдается этихъ конкретныхъ живыхъ эмоцій, послѣ соотвѣтствующихъ впечатлѣній, тогда какъ аналогичныя впечатлѣнія являются достаточными для пробужденія этихъ эмоцій у нормальныхъ лицъ, или у лицъ, которыя не испытываютъ этой внутренностной анестезіи.

Итакъ, совокупность всѣхъ этихъ наблюденій, а также анализъ тѣхъ разнообразныхъ возраженій, которыя выдвигаются противъ этой теоріи, думаетъ Джемсъ, достаточны, чтобы признать эту теорію, если не вполнѣ достовѣрной, то во всякомъ случаѣ правдоподобной. Въ виду этого намъ необходимо теперь остановиться на анализѣ этой теоріи, на оцѣнкѣ ея съ точки зрѣнія ея соотвѣтствія или несоотвѣтствія съ фактами, потому что то или другое отношеніе къ этой теоріи можетъ имѣть извѣстное практическое значеніе съ точки зрѣнія педагогики. Но прежде чѣмъ перейти къ анализу этой теоріи, къ оцѣнкѣ ея, необходимо предостеречь себя отъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, которыя связаны съ пониманіемъ этой теоріи. И здѣсь нужно замѣтить, что эта теорія со времени своего появленія вызвала огромную литературу. Явились ея ревностные защитники съ одной стороны, съ другой стороны, выступилъ цѣлый рядъ противниковъ, и вотъ изъ этой по-

лемики, а также изъ панегирической литературы мы убѣждаемся, что далеко не всегда понимали вѣрно самую сущность этой теоріи. Эта невѣрность пониманія выражалась въ различныхъ отношеніяхъ. Что касается защитниковъ ея, то здѣсь можно назвать французскаго ученаго и психолога Рибо, а также извѣстнаго французскаго психолога и философа Фулье, итальянскаго психолога, также довольно крупнаго, Серджи. Всѣ эти ученые считаютъ эту теорію истинной и вполнѣ соотвѣтствующей фактамъ. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ и цѣлый рядъ возраженій противъ теоріи, главнымъ образомъ, изъ среды нѣмецкихъ, а отчасти англійскихъ и американскихъ ученыхъ. Здѣсь можно назвать и знаменитаго Вундта, и очень извѣстнаго нѣмецкаго психолога Штумпфа, и нѣкоторыхъ англійскихъ и американскихъ ученыхъ, какъ, напр., Уорстеръ и др. Что касается недоразумѣній, которыя связаны съ неправильнымъ толкованіемъ этой теоріи и которыя выяснились изъ полемической литературы, то прежде всего неправильно толкованіе этой теоріи нѣкоторыми учеными, какъ теоріи матеріалистической, по которой будто бы вся душевная жизнь, именно эмоціональная жизнь, сводится къ чисто органическимъ процессамъ, не только къ процессамъ нервной системы или мозга, но къ процессамъ болѣе элементарнымъ, къ чисто органическимъ растительнымъ проявленіямъ животной жизни. Такая точка зрѣнія совершенно несправедлива, потому что, какъ мы увидимъ ниже, Джемсъ вообще не является матеріалистомъ, а въ данномъ случаѣ онъ признаетъ громадное значеніе за психическимъ элементомъ въ процессахъ возбужденія эмоцій, и отчасти въ процессахъ теченія чувствованій, когда онъ предполагаетъ,

напр., опредѣленное воздѣйствіе на нашъ умъ, въ видѣ извѣстныхъ представленій, мыслей и т.д. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія о матеріализмѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, и всѣ эти обвиненія въ матеріализмѣ основаны на недоразумѣніи. Затѣмъ, другимъ недоразумѣніемъ является такое толкованіе этой теоріи, что будто бы эта теорія носитъ монистическій характеръ, и будто бы мысль Джемса заключается въ томъ, что всѣ наши наиболѣе сложныя, глубокія душевныя состоянія, эмоціональныя переживанія, только соотвѣтствуютъ извѣстнымъ органическимъ процессамъ, и процессамъ не только мозговымъ или нервнымъ, а именно процессамъ болѣе глубокимъ, внутренностнымъ, имѣющимъ мѣсто въ нашей системѣ кровообращенія, пищеваренія, въ железахъ и т.д. Такое монистическое толкованіе этой теоріи, котораго, между прочимъ, держится извѣстный Рибо, является также ошибкой, потому что Джемсъ, несомнѣнно, стоитъ на точкѣ зрѣнія дуализма. Джемсъ считаетъ всѣ эти органическіе процессы явленіями предшествующими и въ этомъ смыслѣ какъ бы обусловливающими эмоціональныя состоянія, такъ что послѣднія въ порядкѣ времени являются вторичными или послѣдующими.

Для того, чтобы разобраться въ самомъ существѣ теоріи Джемса-Ланге, необходимо свести къ основнымъ положеніямъ сущность этихъ взглядовъ, тѣмъ болѣе, что эти взгляды развиваются не однимъ, а нѣсколькими мыслителями и съ нѣсколькими разнообразными оттѣнками. Если бы мы попытались опредѣлить сущность этой теоріи, то ее можно было бы выразить въ двухъ основныхъ положеніяхъ. Первое положеніе можно формулировать такимъ образомъ, что

нашимъ душевнымъ состояніямъ, именуемымъ эмоціями, необходимо предшествуютъ разнообразныя внутренностныя измѣненія, т.е. измѣненія внутри нашего организма, въ системѣ кровообращенія, питанія, пищеваренія, что всѣ эти физіологическіе процессы являются предшествующими по отношенію къ эмоціямъ, и уже результатомъ сознанія этихъ измѣненій являются эмоціи, какъ своеобразныя душевныя переживанія. Другое положеніе можно выразить въ такой формѣ, что сущность того, что мы называемъ чувствованіями (напр., эстетическія, моральныя, религіозныя эмоціи), заключается въ совокупности разнообразныхъ органическихъ ощущеній, которыя получаются на почвѣ упомянутыхъ физіологическихъ процессовъ. Эти два положенія, по моему мнѣнію, исчерпываютъ самое существо этого своеобразнаго психологическаго воззрѣнія. Для того, чтобы разобраться, насколько эта теорія соотвѣтствуетъ фактамъ, нужно остановить свое вниманіе на анализѣ каждаго изъ этихъ положеній. Я сначала обращусь къ анализу перваго положенія, которое я формулировалъ такъ, что всякому нашему эмоціональному состоянію предшествуютъ извѣстные физіологическіе процессы, и что безъ этихъ процессовъ не можетъ быть настоящей эмоціи. Прежде всего важно разсмотрѣть, соотвѣтствуетъ ли это положеніе фактамъ, т.е. дѣйствительно ли эти измѣненія предшествуютъ нашимъ эмоціямъ, а не являются ли они просто спутниками или даже послѣдствіемъ извѣстныхъ эмоціональныхъ переживаній. Что касается истинности этого положенія, то доказать его сейчасъ очень трудно или даже невозможно при современномъ состояніи нашихъ знаній, хотя отсутствіе полной доказанности сов-

сѣмъ не свидѣтельствуетъ о томъ, что это воззрѣніе не соотвѣтствуетъ фактамъ. Дѣло въ томъ, что это положеніе можно было бы доказать только въ томъ случаѣ, если бы мы могли, при анализѣ опредѣленной эмоціи, прослѣдить весь ходъ процессовъ, и физическихъ и психическихъ. Но если мы возьмемъ положеніе дѣла въ современной наукѣ, то мы увидимъ, что состояніе нашихъ анатомо-физіологическихъ знаній еще не настолько совершенно, чтобы мы могли прослѣдить всѣ эти процессы на всемъ протяженіи, во всѣхъ измѣненіяхъ. Съ другой стороны, и нашъ психологическій анализъ настолько еще далекъ отъ совершенства, что трудно сказать, въ какомъ отношеніи находится та или другая эмоція къ физическому состоянію, трудно опредѣлить, что извѣстное психическое состояніе радости, печали и т.д. явилось раньше или послѣ тѣхъ или другихъ физическихъ измѣненій. Для этого требуются такія средства и такая тонкость изслѣдованія, которыхъ мы, къ сожалѣнію, еще не имѣемъ въ наукѣ о природѣ человѣка. Затѣмъ, здѣсь можно, конечно, надѣяться на случаи такой анестезіи, о которой я упоминалъ раньше, т.е. если бы сама природа давала намъ такіе эксперименты, чтобы мы наблюдали, что у извѣстнаго человѣка анестезированы его внутренніе органы, но вполнѣ правильно функціонируетъ мозгъ, и онъ испытываетъ всѣ эмоціональныя состоянія; тогда, конечно, эта теорія была бы опровергнута. Но такое состояніе полной анестезіи представить трудно, такъ какъ оно влечетъ за собою смерть. Что же касается частичной анестезіи, то она отнюдь не опровергаетъ, а даже въ извѣстномъ смыслѣ подтверждаетъ эту теорію; хотя, съ другой стороны, здѣсь можно ду-

мать, что это ослабленіе эмоціональной жизни въ связи съ анестезіей объясняется не только этой анестезіей - самой по себѣ, но и тѣмъ, что она вліяетъ на мозгъ, на нашу центральную нервную систему, такъ что пониженіе эмоціональныхъ переживаній связано не непосредственно съ дѣятельностью этихъ органическихъ функцій, а именно съ дѣятельностью уже нашей центральной нервной системы, на которой отражается эта органическая жизнь. Затѣмъ, здѣсь можно ожидать извѣстнаго прогресса, въ объясненіи эмоціональной жизни, отъ нашего самонаблюденія, когда можетъ встрѣтиться такое явленіе, что мы наблюдаемъ у себя извѣстныя органическія измѣненія, а самаго чувства не испытываемъ. Но, какъ я уже упоминалъ, здѣсь этому самонаблюденію не можетъ принадлежать рѣшающаго значенія, потому что мы никогда не можемъ сказать, что мы, дѣйствительно, наблюдаемъ всѣ органическія измѣненія, которыя предшествуютъ извѣстной эмоціи, или которыя являются результатомъ этой эмоціи, потому что на самомъ дѣлѣ мы можемъ вызвать искусственно и непосредственно наблюдать только наиболѣе периферическія функціи органической дѣятельности, напр., работу мускуловъ въ актахъ произвольныхъ движеній, но мы не можемъ сознательно вызвать какихъ-нибудь измѣненій въ железахъ и т.д. и не можемъ сказать, что всѣ эти измѣненія произошли раньше или послѣ. Наконецъ, разумѣется, нужно надѣяться на спеціальныя психологическія или психо-физіологическія изслѣдованія, которыя и производятся, дѣйствительно, въ настоящее время, производились и вслѣдъ за появленіемъ этой теоріи эмоцій Джемса-Ланге. Задача этихъ изслѣдованій

состоитъ въ томъ, чтобы чисто экспериментальнымъ путемъ опредѣлить взаимоотношеніе физіологическихъ и психическихъ процессовъ въ эмоціональныхъ переживаніяхъ, напр., доказать, что явленіе дрожи или суженія сосудовъ оказывается первичнымъ, предшествующимъ самому чувству страха, или же показать, что эти органическія явленія возникаютъ позднѣе самихъ психическихъ переживаній. Но эти изслѣдованія нельзя считать законченными и приводящими къ опредѣленнымъ результатамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности произведенныя извѣстнымъ датскимъ психологомъ и физіологомъ Леманомъ, повидимому, опровергаютъ до нѣкоторой степени теорію Джемса, когда констатируютъ возникновеніе физическихъ процессовъ уже послѣ того, какъ человѣкъ испыталъ самое чувство, какъ эмоцію, какъ чисто психическое состояніе. Съ другой стороны, работы другихъ изслѣдователей частично подтверждаютъ эту теорію Ланге. Такимъ образомъ, въ настоящее время здѣсь къ сожалѣнію нѣтъ какихъ-нибудь законченныхъ, непререкаемыхъ выводовъ. Во всякомъ случаѣ, современное положеніе проблемы именно въ этомъ вопросѣ можетъ считаться въ извѣстномъ смыслѣ неопредѣленнымъ.

Теперь нужно обратить вниманіе на другое положеніе, въ которомъ также выражается существенная черта теоріи, именно, можно ли доказать, что то, что мы называемъ эмоціей, исчерпывается суммой этихъ органическихъ ощущеній, т.е. если мы представимъ себѣ психическую природу чувства страха или гнѣва, и если изъ этихъ психо-физическихъ процессовъ вычтемъ всѣ органическія состоянія, всѣ ощущенія, связанныя съ процессами дыханія,

кровообращенія, питанія, то дѣйствительно ли не останется никакой эмоціи, а только будетъ холодное интеллектуальное представленіе, будетъ мысль о чувствѣ, а не самое чувство. Что касается этого положенія теоріи Джемса-Ланге, то здѣсь прежде всего нужно сдѣлать нѣкоторыя разъясненія, которыя устранили бы связанныя съ этой теоріей недоразумѣнія. Здѣсь намъ придется въ концѣ концовъ дать извѣстное рѣшеніе въ связи съ тѣмъ, что именно мы подразумѣваемъ подъ эмоціей, какъ мы опредѣляемъ самую эмоцію. Такъ, при одномъ опредѣленіи эта теорія можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности, при другомъ - будутъ нѣкоторыя отступленія отъ этой дѣйствительности. Именно, здѣсь прежде всего нужно имѣть въ виду, что самъ Джемсъ примѣняетъ теорію къ наиболѣе простымъ или элементарнымъ эмоціямъ - чувствамъ страха, гнѣва, печали, отчасти радости и т.д. Что же касается болѣе высокихъ эмоцій, напр. интеллектуальныхъ, моральныхъ, религіозныхъ, то тамъ, по его мнѣнію, дѣло обстоитъ гораздо сложнѣе, и относительно этихъ чувствованій уже нельзя утверждать, что сущность ихъ исчерпывается именно комплексомъ или суммой органическихъ ощущеній. Джемсъ не отвергаетъ значенія интеллектуальнаго элемента въ процессѣ возникновенія эмоцій, когда послѣ воспріятія происходятъ извѣстные центральные процессы въ нашемъ мозгу, когда здѣсь возникаетъ извѣстное представленіе или цѣлый рядъ представленій. Благодаря этому, говоритъ Джемсъ, если мы видимъ хищное животное въ клѣткѣ зоологическаго сада или на свободѣ, то, конечно, у насъ возникаютъ различныя эмоціи въ связи съ тѣмъ, при какихъ условіяхъ мы получаемъ извѣстное воспріятіе. Такимъ

образомъ, здѣсь отмѣчается роль интеллектуальной дѣятельности въ процессѣ возникновенія эмоцій. Но затѣмъ, что касается самаго теченія эмоціи, то Джемсъ придаетъ этому интеллектуальному элементу гораздо меньше значенія. Такъ, напр., если рѣчь идетъ о чувствѣ страха, то, съ точки зрѣнія Джемса, типичными для чувства страха являются не тѣ представленія, которыя возникаютъ здѣсь, не тѣ разнообразныя формы страха, которыя можно наблюдать у людей, а самыя ощущенія страха, тотъ общій фонъ, который дается органическими измѣненіями. Именно въ этомъ, по мнѣнію Джемса, и заключается самая сущность эмоціи. Итакъ, если наши сужденія будутъ зависѣть отъ того, какъ мы будемъ представлять самую сущность эмоціональныхъ переживаній, то, конечно, эмоціональныя переживанія есть нѣчто сложное, потому что здѣсь на-лицо элементы интеллектуальные и элементы органическихъ ощущеній въ связи съ извѣстными физіологическими измѣненіями, и, наконецъ, на-лицо тѣ движенія, произвольныя или непроизвольныя, которыя наблюдаются во всѣхъ эмоціяхъ. Такимъ образомъ, Джемсъ выдвигаетъ на первый планъ именно спеціально-эмоціональный элементъ, но онъ нѣсколько затушевываетъ интеллектуальный элементъ, поскольку здѣсь на самомъ дѣлѣ этому элементу принадлежитъ большое значеніе, такъ какъ, напр., при чувствѣ страха важно не только это состояніе тревоги, безпокойства, опасенія, но и самая форма страха, а уже эта форма страха, конечно, находится въ зависимости отъ наличныхъ душевныхъ свойствъ, въ зависимости отъ извѣстныхъ представленій и ассоціацій, которыя существуютъ въ душѣ опредѣленнаго человѣка. Поэтому, если мы бу-

демъ центръ тяжести при опредѣленіи эмоціи переносить на эти интеллектуальные процессы, поскольку эти интеллектуальные процессы опредѣляютъ самое содержаніе чувства, то здѣсь Джемсъ является одностороннимъ и недостаточно подчеркиваетъ роль другихъ элементовъ душевной жизни, которые имѣютъ мѣсто въ процессѣ эмоціональныхъ переживаній. Но если мы будемъ подъ эмоціей понимать именно это общее состояніе неопредѣленнаго страха, неопредѣленной радости, печали и т.д., то здѣсь связь съ органическими процессами является опредѣляющей для самаго существа эмоціональнаго акта, и въ такомъ случаѣ Джемсъ, быть можетъ, очень близокъ къ истинѣ. Итакъ, все зависитъ отъ того, какъ именно мы будемъ опредѣлять самую эмоцію, и какой составной элементъ мы будемъ выдвигать на первый планъ.

Если бы мы теперь попытались резюмировать все сказанное, то увидѣли бы, что при настоящемъ состояніи знаній о природѣ человѣка, физической и духовной, эта теорія, какъ говоритъ самъ Джемсъ, полностью не можетъ быть ни доказана, ни опровергнута, и положеніе до сихъ поръ остается такимъ же, какъ и тогда, когда эта теорія была впервые высказана. Но тѣмъ не менѣе есть много фактовъ, которые дѣлаютъ эту теорію въ извѣстной мѣрѣ правдоподобной, если даже не принимать ее въ той формѣ, что она исчерпываетъ всѣ объясненія эмоціональной жизни, или что самыя сложныя эмоціи являются только суммой органическихъ ощущеній, но предполагать, что для появленія эмоцій, какъ эмоцій, во всей ихъ сложности и широтѣ, необходимы извѣстныя физіологическія

измѣненія и именно тѣ измѣненія, которыя Джемсъ называетъ периферическими. Нужно имѣть въ виду, что подъ периферическими измѣненіями Джемсъ разумѣетъ не измѣненія въ периферіяхъ въ собственномъ смыслѣ слова, т.е. не тѣ измѣненія, которыя имѣютъ мѣсто въ нашихъ периферіяхъ, Джемсъ разумѣетъ здѣсь всю совокупность измѣненій въ отличіе отъ измѣненій только въ центральной нервной системѣ, въ нашемъ мозгу. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Джемса всѣ эти измѣненія въ сердцѣ, въ органахъ пищеваренія, дыханія и т.д. являются периферическими потому, что по отношенію къ мозгу, какъ центру, они уже оказываются не центральными, а именно лежащими въ периферіяхъ. Поэтому и самая теорія Джемса называется периферической. Несомнѣнная заслуга этой теоріи, которая кажется намъ въ извѣстномъ смыслѣ правдоподобной и соотвѣтствующей фактамъ, заключается въ томъ, что она подчеркнула громадное значеніе этихъ органическихъ измѣненій и въ этомъ случаѣ поколебала центральную или перицентрическую теорію чувствованій, въ связи съ тѣми положеніями, которыя мы встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, въ психологіи Гербарта. Гербартъ, какъ извѣстно, все разнообразіе эмоціональной жизни старался объяснить на почвѣ различной дѣятельности представленій. Съ этой точки зрѣнія и классификація чувствованій находилась въ тѣсной связи съ классификаціей представленій. Эта теорія была связана и съ извѣстными физическими или физіологическими гипотезами, по которымъ самая жизнь чувствованій изображалась, съ физической стороны, такъ, что прежде всего возникали процессы въ мозгу, а затѣмъ, уже вслѣдъ за этими процессами, появлялось самое чув-

ство, какъ конкретное, живое переживаніе, и потомъ уже это чувство косвенно отражалось въ тѣхъ или другихъ органахъ нашего тѣла. Теперь эта точка зрѣнія является несоотвѣтствующей фактамъ, потому что хотя исходнымъ пунктомъ въ процессахъ возбужденія эмоцій являются процессы въ мозгу, разнаго рода умственные акты,- воспріятія, представленія, мысли,- но тѣмъ не менѣе самое возникновеніе эмоцій, какъ живого конкретнаго, яркаго переживанія, несомнѣнно, предполагаетъ дѣятельность самыхъ разнообразныхъ внутренностныхъ органовъ. Эта теорія несомнѣнно заставитъ углубить психологическій и чисто физіологическій анализъ эмоціональныхъ состояній и тѣмъ самымъ будетъ во всякомъ случаѣ содѣйствовать болѣе всестороннему изученію самыхъ основъ эмоціональной жизни.

Намъ теперь важно отмѣтить, что эта теорія, въ такой осторожной и умѣренной формѣ, имѣетъ извѣстное отношеніе къ педагогикѣ. Это отношеніе ея выражается въ томъ, что даже если мы ее признаемъ вѣрной лишь частично, то мы увидимъ, что въ дѣлѣ возбужденія и подавленія извѣстныхъ эмоцій громадное значеніе принадлежитъ разнообразнымъ физическимъ процессамъ. Слѣдовательно, мы можемъ отсюда заключить, что многія эмоціональныя состоянія могутъ быть ослаблены, если они для насъ нежелательны, путемъ воздѣйствія на организмъ, путемъ воздѣйствія на тѣ разнообразныя физіологическія функціи, которыя несомнѣнно дѣйствуютъ въ процессахъ возбужденія эмоцій. Такъ, напр., если рѣчь идетъ о чувствѣ страха, то здѣсь важно воздѣйствовать на физическую сторону, въ томъ смыслѣ, чтобы усилить кровообращеніе или под-

нять дѣятельность организма вообще, въ особенности - дѣятельность нервной системы, поскольку это повышеніе жизнедѣятельности можетъ содѣйствовать ослабленію этого чувства и пробужденію противоположнаго болѣе бодраго настроенія. Слѣдовательно, и для пробужденія чувства веселости, извѣстнаго повышеннаго настроенія, противоположнаго подавленности, опять важно воздѣйствовать на организмъ, на систему кровообращенія и на другія системы, вообще привести организмъ въ извѣстное движеніе, дать ему возможность проявить больше активности. Въ связи съ этимъ выясняется несостоятельность одного интеллектуальнаго воздѣйствія при воспитаніи чувства, когда мы думаемъ, что будто бы возможно бороться съ чувствомъ путемъ только одного воздѣйствія на интеллектъ, особенно у дѣтей, когда предполагается, что достаточно только создать извѣстное представленіе, какъ непремѣнно уже явится и извѣстное чувство. На самомъ дѣлѣ такое мнѣніе является совершенно ошибочнымъ, такъ какъ мы знаемъ, что многія чувствованія имѣютъ болѣе сложный и глубокій, чисто органическій характеръ, и съ этой точки зрѣнія одного представленія бываетъ недостаточно. Такъ, напр., въ извѣстныхъ случаяхъ мы можемъ ясно сознавать, что нѣтъ реальныхъ основаній для чувства страха, однако же даже мы, взрослые, можемъ испытывать эту эмоцію, какъ бы противъ своей воли. Но еще въ болѣе сильной и яркой формѣ мы наблюдаемъ это у дѣтей. Все это указываетъ на цѣнность этой теоріи, въ ея даже частичномъ усвоеніи, для педагоговъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что многія формы эмоціональной жизни могутъ быть ослаблены или усилены въ связи съ воздѣйствіи-

емъ именно на органическіе процессы. Мнѣ много придется говорить объ этомъ при анализѣ опредѣленныхъ эмоціональныхъ проявленій, именно тѣхъ, которыя являются наиболѣе цѣнными съ точки зрѣнія педагогики.

Теперь я долженъ буду сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія относительно особенностей дѣтскихъ чувствованій преимущественно въ ранній періодъ жизни дѣтей. Но прежде, чѣмъ переходить къ этому, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ громадномъ значеніи, которое имѣетъ эмоціональная жизнь въ общей экономіи психики человѣка. Нѣтъ нужды распространяться очень подробно объ этомъ предметѣ, потому что всѣмъ извѣстно непосредственно, что чувству принадлежитъ громадное значеніе въ нашей жизни, въ особенности въ жизни дитяти. Чувство является состояніемъ болѣе элементарнымъ, чѣмъ высшіе интеллектуальные процессы, которые возникаютъ гораздо позднѣе. Здѣсь разумѣются такія элементарныя чувства, которыя связаны съ извѣстными основными инстинктами человѣческой природы. Но чувству принадлежитъ громадное значеніе и въ болѣе сложныхъ формахъ интеллектуальной дѣятельности. Эта роль чувства можетъ быть и положительной и отрицательной, особенно отрицательной является роль чувства тогда, когда чувство выражается въ такъ называемыхъ аффектахъ, въ такихъ состояніяхъ, когда эмоція достигаетъ высшей степени напряженія, и когда при такомъ ея напряженіи невольно подавляются другія душевныя проявленія, интеллектуальныя и волевыя - въ видѣ сознательной дѣятельности. Но здѣсь можно отмѣтить и еще одно отрицательное вліяніе чувства на развитіе нашего интел-

лекта, именно когда наша мысль движется въ направленіи чувства, когда чувство носитъ очень яркую форму, и когда оно является процессомъ длительнымъ и какъ бы глубоко скрытымъ, но тѣмъ не менѣе движущимъ нашу мысль. Наша мысль очень часто идетъ въ томъ направленіи, въ которомъ работаетъ чувство. Элементъ пріятнаго или непріятнаго, удовольствія или неудовольствія, нерѣдко является основнымъ стимуломъ нашей дѣятельности. Намъ часто приходится наблюдать такіе факты, что мы стремимся признать за истинное, достовѣрное, соотвѣтствующее дѣйствительности то, что на самомъ дѣлѣ не обладаетъ этими качествами, но пріятно намъ. Слѣдовательно, здѣсь мы наблюдаемъ, видимому, отрицательную роль чувства, потому что оно искажаетъ болѣе объективную, безпристрастную работу нашего разсудка, и часто ведетъ насъ къ заблужденіямъ вмѣсто истины. Эти ошибки тѣмъ опаснѣе, что очень часто и впослѣдствіи долго не хочется сознаться въ своей ошибкѣ, и мы стремимся истолковать свои предположенія въ соотвѣтствіи съ фактами дѣйствительности при помощи самыхъ разнообразныхъ, часто непроизвольныхъ обмановъ. Но, съ другой стороны, мы должны признать и огромное положительное вліяніе чувства на нашу интеллектуальную жизнь, поскольку эта роль связана съ дѣятельностью памяти, воображенія, когда несомнѣнно самая дѣятельность запоминанія и воспоминанія предполагаетъ роль чувства въ видѣ извѣстнаго интереса. Что же касается дѣятельности воображенія, въ особенности творческаго воображенія, то здѣсь чувству принадлежитъ большая роль, когда это чувство проявляется въ видѣ эстетической эмоціи, и когда здѣсь затрагива-

ется цѣлый рядъ другихъ болѣе сложныхъ эмоцій, проявленіе которыхъ связано съ разными формами нашего творчества. Наконецъ, есть болѣе высокія формы интеллектуальной дѣятельности - наше мышленіе въ собственномъ смыслѣ, когда наша сосредоточенность, наша логическая работа, предполагаетъ участіе чувства въ качествѣ положительнаго стимула, когда мы наблюдаемъ это чувство въ видѣ любознательности, въ видѣ любви къ истинѣ и знанію, когда эта любовь выражается въ видѣ своеобразной страсти, захватывающей всего человѣка и сопровождающей нѣкоторыя исключительныя личности до гробовой доски. Если мы теперь попытаемся оттѣнить значеніе эмоціональной жизни для нашей активности или нашей воли, то, конечно, и здѣсь мы можемъ встрѣтиться съ очень отрицательнымъ значеніемъ этихъ эмоцій, поскольку онѣ опять проявляются въ видѣ аффектовъ, въ видѣ, напр., страха, доходящаго до ужаса, въ видѣ гнѣва, переходящаго въ ярость. Такія формы эмоціи парализуютъ нашу планомѣрную сознательную дѣятельность, и, конечно, мы не можемъ смотрѣть на нихъ, какъ на полезные стимулы, и очень часто должны бороться съ ними для того, чтобы сдѣлать движущими пружинами нашей дѣятельности другіе мотивы. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что чувство является одной изъ главныхъ пружинъ нашей дѣятельности вообще; что если бы мы попытались оцѣнить или опредѣлить различные виды мотивовъ, то мы увидѣли бы, что здѣсь громадная роль принадлежитъ именно чувству, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ эмоцій - и элементарныхъ и болѣе сложныхъ, и низменныхъ и возвышенныхъ, и если мы даже нерѣдко думаемъ, что наша дѣятельность

направляется извѣстнымъ представленіемъ, мыслью, идеей, то и эти интеллектуальныя состоянія могутъ достигнуть этой степени стимулирующей силы только въ томъ случаѣ, если они окрашиваются такимъ безспорнымъ эмоціональнымъ колоритомъ. Все это указываетъ на громадное значеніе эмоціональной сферы въ общей экономіи нашей жизни въ широкомъ смыслѣ слова.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ относительно особенностей эмоціональной жизни у дѣтей, а затѣмъ я уже перейду къ характеристикѣ тѣхъ эмоціональныхъ проявленій, которыя являются наиболѣе цѣнными съ точки зрѣнія воспитанія. Что касается характеристическихъ особенностей дѣтскихъ чувствованій, преимущественно въ ранній періодъ дѣтской жизни, то здѣсь прежде всего нужно указать на то обстоятельство, что у дѣтей создаются эмоціональныя переживанія, прежде всего, въ связи съ такими органическими явленіями, какъ питаніе, процессы кровообращенія, дыханія. Когда эти чувствованія существуютъ въ видѣ органическихъ ощущеній, они имѣютъ громадное значеніе въ общей экономіи нашей жизни; но во всякомъ случаѣ роль ихъ въ жизни взрослаго человѣка гораздо меньше, чѣмъ въ жизни ребенка. У ребенка они оказываются наиболѣе активными и энергичными, тѣмъ болѣе что ребенокъ не обладаетъ еще необходимой силой воли, благодаря которой онъ могъ бы ослабить или задержать эти душевныя переживанія. При анализѣ органическихъ ощущеній мнѣ уже приходилось упоминать, что на почвѣ этихъ своеобразныхъ процессовъ объясняются различныя явленія въ жизни ребенка, имѣющія большое значеніе въ глазахъ воспитателя; таковы разнаго рода прихоти, капри-

зи и т.д. Затѣмъ, дальнѣйшая особенность дѣтскихъ чувствованій, опять таки болѣе ранняго періода жизни, заключается въ томъ, что эти чувствованія возникаютъ непосредственно послѣ извѣстнаго стимула будетъ ли этимъ стимуломъ ощущеніе, воспріятіе, или извѣстное представленіе. Мы знаемъ, какъ быстро является чувство радости или печали у дѣтей, когда только на-лицо передъ нимъ тотъ или другой стимулъ, оказавшій воздѣйствіе на душу ребенка. Здѣсь, слѣдовательно, мы опять наблюдаемъ извѣстное различіе между возникновеніемъ процессовъ эмоцій у ребенка и у взрослаго человѣка, такъ какъ у взрослаго человѣка непосредственно за раздраженіемъ можетъ вмѣшаться участіе сознательныхъ элементовъ, интеллекта и воли, въ смыслѣ сознательной активности, которая можетъ въ извѣстномъ смыслѣ ослабить или задержать органическій процессъ, и такимъ образомъ можетъ ослабить или, по крайней мѣрѣ, задержать самое чувство, а иногда даже дать ему другое направленіе. Далѣе, мы еще должны упомянуть о томъ, что чувства у дѣтей очень скоро доходятъ до крайней степени напряженія, т.е. они проявляются вообще въ наиболѣе яркой и энергичной формѣ, и съ этой точки зрѣнія мы не наблюдаемъ у дѣтей задержки этихъ чувствованій и даже ослабленія ихъ силы, что постоянно встрѣчается у взрослыхъ. Прежде всего, эта быстрота въ теченіи эмоціи и достиженіе крайней степени напряженія несомнѣнно имѣетъ для себя основаніе въ извѣстныхъ органическихъ процессахъ и въ особенности въ томъ, какъ эти процессы совершаются у дѣтей, когда здѣсь наблюдается исключительно энергичная органическая жизнь, особенно оживленный обмѣнъ органической

энергіи. Затѣмъ, у дѣтей въ данномъ случаѣ мы можемъ наблюдать болѣе тѣсную связь эмоцій съ воображеніемъ, поскольку этой дѣятельности, какъ мы это видѣли при анализѣ отдѣльныхъ эмоцій, принадлежитъ большая роль въ вызываніи или усиленіи эмоцій, такъ какъ несомнѣнно здѣсь чувство представляется въ болѣе яркой, захватывающей формѣ, тѣмъ болѣе, что въ это время другія формы нашей сознательной жизни - интеллектъ и воля функціонируютъ недостаточно, и вообще задерживающіе центры еще не развиты, и потому чувство у ребенка достигаетъ крайней степени напряженія и даже выражается въ различнаго рода аффектахъ - чаще всего въ ранній періодъ развитія. Мы хорошо знаемъ, какъ у дѣтей чувство страха можетъ легко обратиться въ ужасъ, какъ гнѣвъ можетъ перейти въ ярость, выражающуюся въ цѣломъ рядѣ внѣшнихъ проявленій, какъ это мы наблюдаемъ у дѣтей, особенно въ дошкольномъ возрастѣ; но уже въ болѣе позднемъ возрастѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя формы эмоцій съ болѣе значительнымъ участіемъ интеллекта и воли. Наконецъ, здѣсь мы должны упомянуть еще объ одной особенности дѣтскихъ чувствованій въ этотъ ранній періодъ, именно о томъ, что эти чувствованія быстро смѣняются: одно чувство можетъ легко уступить мѣсто другому, когда, напр., мы постоянно наблюдаемъ, что радость смѣняется печальнымъ настроеніемъ или, наоборотъ, послѣднее быстро проходитъ, уступивъ мѣсто радости. Все это указываетъ опять-таки на извѣстную особенность въ теченіи эмоцій, которая находится въ связи съ органическими процессами, когда, несомнѣнно, и здѣсь въ области чисто органическихъ измѣненій, наблюдается гораздо большая

энергія, большій обмѣнъ, имѣется состояніе гораздо меньшей устойчивости и эластичности, чѣмъ это встрѣчается уже въ болѣе позднемъ возрастѣ. Со всѣми этими особенностями дѣтской природы приходится считаться воспитателю и приходится соразмѣрять мѣры своего воздѣйствія съ разнообразіемъ тѣхъ различныхъ факторовъ, которые обусловливаютъ самыя эмоціональныя возбужденія.

Послѣ этого я долженъ обратиться къ анализу такихъ чувствованій, которыя имѣютъ наибольшее значеніе съ педагогической точки зрѣнія и которыя должны подлежать извѣстному педагогическому воздѣйствію. Это педагогическое воздѣйствіе, какъ извѣстно, выражается или въ подавленіи или въ обостреніи чувствованій, и поэтому здѣсь нужно отдѣлить положительныя эмоціи, съ точки зрѣнія того воспитательнаго идеала, который стоитъ передъ каждымъ воспитателемъ, отъ цѣлаго ряда отрицательныхъ, въ отношеніи которыхъ необходимы мѣры подавленія или репрессіи. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, эти мѣры воспитательнаго воздѣйствія предполагаютъ всестороннее знакомство съ различными условіями возникновенія и теченія эмоцій. Поэтому здѣсь требуются значительныя знанія о природѣ ребенка, какъ съ физической, такъ и съ духовной стороны. Въ то же время здѣсь постоянно приходится сообразоваться съ цѣлымъ рядомъ индивидуальныхъ особенностей, которыя наблюдаются у каждаго ребенка. Если мы теперь обратимъ вниманіе на анализъ уже опредѣленныхъ эмоцій, которыя имѣютъ значеніе съ точки зрѣнія воспитателя, то здѣсь мы прежде всего должны держаться все-таки какой нибудь классификаціи, которая облегчила бы намъ обозрѣніе самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ

эмоціональныхъ проявленій. Я не буду задерживать вашего вниманія на различныхъ типахъ классификаціи чувствованій, поскольку въ основѣ такого рода классификацій большею частью лежатъ интеллектуалистическія представленія, интеллектуалистическія толкованія эмоціональной жизни въ связи съ психологіей Гербарта. Я остановлюсь на классификаціи другого типа, которая носитъ генетическій или біологическій характеръ, которая тѣсно связана съ основными жизненными проявленіями и которая въ то же время указываетъ на извѣстную послѣдовательность въ процессѣ возникновенія развитія эмоцій. Именно съ точки зрѣнія этой біологической или генетической классификаціи на первое мѣсто нужно поставить такія чувствованія, которыя связаны съ различнаго рода органическими процессами болѣе посредственно, т.е. тѣ органическія чувствованія, которыя мы анализировали при разсмотрѣніи органическихъ ощущеній и которыя связаны съ процессами питанія, дыханія, кровообращенія и цѣлымъ рядомъ другихъ чисто тѣлесныхъ явленій, когда извѣстныя чувствованія возникаютъ на почвѣ удовлетворенія или неудовлетворенія этихъ органическихъ потребностей. Затѣмъ слѣдуютъ чувствованія, связанныя съ нашими наиболѣе ярко выраженными инстинктами, а именно инстинктомъ самосохраненія и инстинктомъ сохраненія или продолженія рода. Что касается чувствованій, связанныхъ съ инстинктомъ самосохраненія въ собственномъ смыслѣ, то здѣсь основнымъ чувствованіемъ является чувство страха и чувство гнѣва, причемъ это послѣднее чувство служитъ основаніемъ для цѣлаго ряда производныхъ эмоцій именно такихъ эмоцій, которыя являются очень цѣн-

нами съ точки зрѣнія воспитателя. Далѣе что касается чувствованій, связанныхъ съ инстинктомъ сохраненія или продолженія рода, то центральнымъ въ этой области является чувство симпатіи, которое опять существуетъ въ разныхъ формахъ, и многія изъ этихъ формъ являются очень важными съ точки зрѣнія воспитанія. Наконецъ, слѣдуютъ чувствованія болѣе высшаго типа, гдѣ главное мѣсто принадлежитъ интеллектуальному элементу, извѣстнаго рода представленіямъ, мыслямъ или идеямъ. Это - чувствованія моральныя, эстетическія и религіозныя, на анализѣ которыхъ намъ придется остановиться очень подробно въ виду большого ихъ значенія съ педагогической точки зрѣнія.

ЧУВСТВО СТРАХА.

Теперь я перейду къ характеристикѣ тѣхъ чувствованій, которыя связаны съ инстинктомъ самосохраненія въ его оборонительной и наступательной формахъ. Къ первой изъ этихъ формъ относится чувство страха, которое является въ высшей степени важнымъ въ жизни человѣка вообще и которое обращаетъ на себя вниманіе и воспитателей. Это чувство является наиболѣе изученнымъ изъ всѣхъ другихъ элементарныхъ эмоцій. Многія проявленія этого чувства, какъ мы увидимъ ниже, объясняются вполнѣ удовлетворительно именно съ точки зрѣнія того принципа, который я указывалъ ранѣе, т.е. съ точки зрѣнія инстинкта самосохраненія. Что касается внѣшней картины этого чувства, то, я думаю, она извѣстна большинству по непосредственнымъ переживаніямъ и

тѣмъ разнообразнымъ наблюденіямъ надъ другими людьми, которыя невольно приходилось дѣлать каждому человѣку. Для насъ наиболѣе важны яркія проявленія этого чувства, когда страхъ доходитъ до очень высокой степени напряженія. Между тѣмъ мы должны замѣтить, что это чувство, по степени напряженія, носитъ различныя формы: оно можетъ выражаться въ чувствѣ легкой тревоги, мало-замѣтнаго безпокойства, можетъ переходить въ болѣе сильное чувство страха, можетъ выражаться въ видѣ боязни, которая или носитъ временный характеръ или представляетъ собою нѣчто болѣе или менѣе длительное, хроническое. Съ другой стороны, это чувство можетъ достигать крайней степени напряженія, выражаясь уже въ формѣ ужаса, и, наконецъ, въ такомъ видѣ иногда распространяясь въ одинъ и тотъ же моментъ на нѣсколько лицъ. Тогда оно носитъ названіе паники. Но при характеристикѣ основныхъ проявленій этого чувства намъ придется оттѣнить черты, которыя являются типичными для болѣе яркаго проявленія этой эмоціи, такія черты, которыя прежде всего бросаются намъ въ глаза со стороны ихъ внѣшняго проявленія и которыя указываютъ на цѣлый рядъ органическихъ измѣненій. Эти органическія измѣненія, съ одной стороны, касаются органовъ произвольнаго движенія или соотвѣтствующихъ мышцъ, поскольку здѣсь предполагается ослабленіе этихъ мышцъ, и въ связи съ этимъ ослабленіемъ наблюдаются такія явленія, какъ неподвижность, иногда полное оцѣпенѣніе. Тутъ же наблюдаются другія дополнительныя явленія, когда, напр., здѣсь встрѣчается ослабленіе мышцъ гортани, голосовыхъ мышцъ, въ связи съ этимъ надтреснутый или глухой голосъ, иногда даже полная

потеря его, невозможность закричать отъ страха. Затѣмъ, что касается другихъ измѣненій, то здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ измѣненій въ органическихъ процессахъ, въ органахъ пищеваренія, въ разнаго рода железахъ, въ органахъ дыханія, кровообращенія. Эти измѣненія болѣе или менѣе извѣстны, и я лишь кратко укажу на нихъ. Такъ, что касается дѣятельности железъ, разнаго рода выдѣлительныхъ органовъ, то мы наблюдаемъ временное прекращеніе выдѣленій, напр., выдѣленія слюны, въ связи съ этимъ явленіе сухости во рту, прилипаніе языка къ небу. Далѣе мы наблюдаемъ измѣненія въ пищеварительныхъ органахъ, - всѣмъ извѣстно разслабляющее дѣйствіе страха на органы пищеваренія. Затѣмъ, встрѣчаются измѣненія въ органахъ дыханія, т.е. какъ бы задержка дыханія, прерывающійся голосъ. Что касается измѣненій, связанныхъ съ органами кровообращенія, то здѣсь имѣется въ виду, прежде всего, суженіе кровеносныхъ сосудовъ, затѣмъ - отливъ крови отъ покрововъ и явленіе поблѣднѣнія. Здѣсь же нужно назвать ощущеніе мурашекъ, которое связано съ измѣненіемъ кровообращенія. Тутъ же можно отмѣтить явленіе поднятія дыбомъ волосъ, въ связи съ измѣненіемъ въ кровообращеніи и въ мышцахъ непроизвольнаго движенія. Въ виду наличности всѣхъ этихъ измѣненій, нерѣдко въ формахъ крайняго напряженія, возможны такія явленія, какъ параличъ сердца и, слѣдовательно, смерть. Но здѣсь мы взяли всѣ эти симптомы въ самой крайней формѣ, хотя они вѣдь не всегда во время страха имѣются непремѣнно всѣ налицо. Въ извѣстныхъ формахъ страха, менѣе яркихъ и менѣе силь-

ныхъ, мы видимъ нѣкоторыя другія явленія, которыя свидѣтельствуютъ не столько о полномъ пониженіи жизнедѣятельности организма, сколько, наоборотъ, о кратковременномъ повышеніи этой дѣятельности. Явленія, которыя я описывалъ, указываютъ на пониженіе жизнедѣятельности, на общее ослабленіе организма, на невозможность, вслѣдствіе этого, бороться съ наступающей опасностью, какъ бы при инстинктивномъ сознаніи, что опасность превосходитъ силы организма. Но при страхѣ наблюдается и такое состояніе организма, когда всѣ силы организма какъ бы напрягаются для этой борьбы, когда здѣсь есть и приливъ крови къ мозгу, и напряженіе мысли, вниманія, когда здѣсь сразу приводятся въ дѣйствіе всѣ возможныя средства для избѣжанія опасности, когда здѣсь наблюдается такое явленіе, какъ явленіе бѣгства и, слѣдовательно, приведеніе въ дѣйствіе мышцъ произвольнаго движенія, и въ связи съ этимъ - опять содѣйствіе тому же инстинкту самосохраненія. Но какъ бы то ни было, эти явленія наблюдаются только при менѣе яркихъ формахъ страха, когда есть еще инстинктивное сознаніе возможности борьбы и, быть можетъ, побѣды. Итакъ, связь этихъ явленій съ инстинктомъ самосохраненія ясна, но современная наука, стоящая на эволюціонной точкѣ зрѣнія, старается объяснить, на почвѣ инстинкта самосохраненія и такое явленіе, какъ оцѣпенѣніе, неподвижность, поскольку это явленіе у животныхъ можетъ имѣть извѣстное положительное значеніе, когда животное, ставши неподвижнымъ отъ страха, отъ крайняго истощенія своихъ силъ, можетъ сдѣлаться, благодаря этому, незамѣтнымъ для своего преслѣдователя или можетъ пока-

заться ему мертвымъ. Но, конечно, такое объясненіе едва ли приложимо къ человѣку, по крайней мѣрѣ въ области тѣхъ отношеній, которыя мы наблюдаемъ теперь. Но какъ бы то ни было, если мы возьмемъ это чувство, какъ оно выражается, у современнаго человѣка, то, конечно, это выраженіе свидѣтельствуетъ о пониженіи нашей жизнедѣятельности и должно разсматриваться, какъ чувство отрицательное, требующее къ себѣ отношенія репрессіи и возбужденія противоположнаго чувства. Но съ другой стороны, мы увидимъ, что въ своей умѣренной формѣ, въ видѣ осторожности, въ видѣ сообразованія своихъ силъ съ наступающей опасностью, это чувство является цѣннымъ, съ точки зрѣнія самосохраненія, и у современнаго человѣка. Что касается теперь различныхъ видовъ или формъ страха, поскольку эти формы могутъ обращать на себя вниманіе педагоговъ, то нѣкоторые изъ этихъ видовъ я уже упоминалъ, когда различалъ страхъ съ точки зрѣнія его интенсивности. Но можно и необходимо различать страхъ, какъ общечеловѣческую и отчасти зоологическую эмоцію, съ точки зрѣнія происхожденія, поскольку это различіе можетъ имѣть значеніе въ глазахъ педагога. Дѣло въ томъ, что большинство психологовъ, стоящихъ на эволюціонной точкѣ зрѣнія, вообще чувство страха и его различные виды объясняютъ именно такимъ же эволюціоннымъ путемъ, когда предполагаютъ у современнаго человѣка уже инстинктивный страхъ, унаслѣдованный имъ отъ своихъ отдаленныхъ или ближайшихъ предковъ, хотя у этихъ предковъ это чувство могло развиваться и укрѣпляться въ связи съ ихъ разнообразнымъ опытомъ. Согласно такому представленію, многіе виды человѣческихъ

страховъ сходны съ тѣми формами этой эмоціи, которыя мы наблюдаемъ у животныхъ. Что такіе инстинктивные страхи существуютъ у животныхъ, попытки доказать это наблюдаются у многихъ изслѣдователей. Такъ, одинъ изъ нихъ, Рибо, говоритъ, что чувство страха, доходящаго до ужаса, которое возбуждается у молодого щенка, если дать ему понюхать часть шкуры волка, хотя волка этотъ щенокъ никогда не видѣлъ,- такое чувство страха можно объяснить только инстинктивнымъ чувствомъ, укоренившимся у предковъ щенка. Здѣсь, слѣдовательно, предполагается какъ бы запечатлѣніе въ самой организаціи животнаго извѣстнаго чувства, хотя это чувство ранѣе могло, конечно, возникнуть на почвѣ опыта. То же самое можно сказать, говоритъ Рибо, и о той формѣ страха, которую мы наблюдаемъ у только что вылупившагося цыпленка, который видитъ ястреба. Это чувство опять носитъ инстинктивный характеръ, такъ какъ для него нѣтъ никакого основанія въ индивидуальномъ опытѣ этого цыпленка. Такимъ эволюціоннымъ путемъ стараются объяснить и многіе виды страха, встрѣчающіеся у людей и въ частности у дѣтей, какъ напримѣръ страхъ ребенка при видѣ извѣстнаго животнаго, которое онъ видитъ впервые, и котораго, слѣдовательно, не можетъ считать для себя опаснымъ или вреднымъ, или страхъ упасть, испытаваемый при попыткахъ ходить въ первый разъ, если паденіе ребенка ранѣе не имѣло мѣста, страхъ пустого пространства или относящійся сюда же страхъ темноты. Думаютъ, что эта послѣдняя форма страха у дѣтей также принадлежитъ къ инстинктивнымъ, хотя у

предковъ его она могла объясняться простымъ опытомъ, когда темнота могла устрашать этихъ людей, такъ какъ въ темнотѣ человѣкъ могъ подвергаться гораздо большимъ опасностямъ отъ своихъ преслѣдователей, - другихъ людей или опасныхъ животныхъ. Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ объясненіе многихъ страховъ такимъ путемъ, что эти страхи являются инстинктивными для современнаго человѣка или для современнаго ребенка и объясняются въ своемъ происхожденіи какъ бы опытомъ человѣчества или человѣческаго рода въ широкомъ смыслѣ. Но такого рода объясненія имѣютъ для себя извѣстное основаніе лишь по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ страхамъ; въ то же время мы должны замѣтить, что у человѣка и у ребенка многіе страхи имѣютъ чисто опытное или индивидуально-опытное происхожденіе, и съ этимъ обстоятельствомъ приходится считаться воспитателю, когда здѣсь необходимо предупреждать развитіе этихъ страховъ и устранять тѣ разнообразныя вліянія, которыя могутъ содѣйствовать возникновенію этой эмоціи. И въ этихъ случаяхъ придаютъ громадное значеніе тому, что современные психологи, въ особенности Рибо, называютъ аффективною памятью, т.е. той памятью, которая связана съ переживаніемъ эмоціи, когда на почвѣ извѣстнаго чувства, когда то пережитаго, сохраняется воспоминаніе объ этомъ чувствѣ, не какъ о представленіи, интеллектуальномъ воспріятіи, а какъ о своеобразномъ эмоціональномъ переживаніи, пріятномъ или непріятномъ. Намъ дальше придется имѣть дѣло съ этими различными страхами, которые обязаны своимъ происхожденіемъ индивидуальному опыту. Но прежде чѣмъ переходить къ этому, я дол-

женъ сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ патологиче - скихъ страхахъ или болѣзненныхъ маніяхъ, которые встрѣчаются и у взрослаго человѣка и у дѣтей, и которые, несомнѣнно, обязаны своимъ происхожденіемъ различнымъ болѣзненнымъ разстройствамъ, разслабленію нервной системы или иногда организма вообще. Всякій страхъ вообще свидѣтельствуетъ о пониженіи жизнеспособности и объ ослабленіи органической дѣятельности, но нѣкоторые страхи являются прямо выраженіемъ такого инстинктивнаго сознанія этого болѣзненнаго разстройства; въ часности, здѣсь имѣетъ мѣсто цѣлый рядъ патологическихъ или болѣзненныхъ страховъ, которые наблюдаются у нервныхъ и въ частности у душевно-больныхъ. Наиболѣе типичной является боязнь преслѣдованія, которая наблюдается въ видѣ извѣстной маніи. Съ біологической эволюціонной точки зрѣнія предполагается, что человѣкъ подъ вліяніемъ нарушенія равновѣсія въ нервной системѣ можетъ переживать атавистическія состоянія, возвращаться къ типу предковъ, иногда, можетъ быть, и къ типу животныхъ предковъ, которые испытывали это чувство страха, основываясь на опытѣ. У больного человѣка это чувство носитъ такой захватывающій характеръ, что невозможно разсѣиваніе страха путемъ разубѣжденія. Равнымъ образомъ, встрѣчаются и менѣе яркія формы, которыя наблюдаются въ болѣе легкихъ видахъ нервнаго разстройства, напр., агорофобія, или боязнь пространства, открытыхъ площадей. Этотъ страхъ на первый разъ также кажется непонятнымъ, но опять онъ можетъ быть объясненъ съ эволюціонной точки зрѣнія, т.е. здѣсь пред-

полагается явленіе атавистическаго характера, когда имѣется въ виду возвращеніе человѣка къ тому времени, когда дѣйствительно эти открытыя большія пространства могли быть для него опасными, дѣлая его болѣе замѣтнымъ для своихъ враговъ. Въ этомъ объясненіи заключается, можетъ быть, нѣкоторая натяжка, но въ извѣстной степени оно можетъ казаться намъ правдоподобнымъ. Но намъ важно, при анализѣ отдѣльныхъ видовъ страха, различать такія чисто органическія или даже антропологическія причины, а съ другой стороны, цѣлый рядъ чисто уже личныхъ воздѣйствій, которыя, несомнѣнно, приходится испытывать каждому человѣку или каждому ребенку въ первые же дни своей жизни. Что касается такой эволюціонной основы, то она богато использована извѣстнымъ американскимъ психологомъ Стэнли Холломъ. Много матеріала по этому вопросу заключается въ книгѣ Чемберлэна „Дитя", которая въ настоящее время переведена на русскій языкъ. Въ этомъ сочиненіи проявленія дѣтской жизни разсматриваются именно съ такой біологической и антропологической точки зрѣнія на эволюціонной основѣ. Но намъ теперь необходимо болѣе опредѣленно выяснить самое возникновеніе чувства страха въ процессѣ уже индивидуальнаго развитія, когда эта эмоція возникаетъ у опредѣленнаго ребенка въ связи съ цѣлымъ рядомъ воздѣйствій на различные органы внѣшнихъ чувствъ.

Чувство страха возникаетъ у ребенка очень рано, еще на первомъ году жизни, и, прежде всего, въ связи съ слуховыми впечатлѣніями. Новые и неожиданные звуки могутъ дѣйствовать на ребенка устрашающимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ замѣтно обнаружива-

ются внѣшніе симптомы этого чувства у дѣтей этого возраста: пристальный взглядъ, дрожаніе губъ, плачъ. Такъ, Дарвинъ разсказываетъ про своего сына, что послѣдній, будучи 4 1/2 мѣся-цевъ отъ роду, обнаружилъ всѣ признаки страха, услышавши дотолѣ незнакомые ему звуки - храпѣніе. Иногда это чувство пробуждается въ этомъ раннемъ возрастѣ въ связи съ воспріятіемъ звуковъ музыкальныхъ инструментовъ. Причина этого - отчасти, быть можетъ, въ особой чувствительности дѣтскаго организма къ такого рода звукамъ, отчасти, быть можетъ, въ томъ, что здѣсь нарушаются сложившіяся представленія ребенка и вводится нѣчто неожиданно новое. Это можетъ быть въ томъ случаѣ, когда инструментъ, который дитя привыкло считать беззвучною вещью, вдругъ начинаетъ издавать звуки и тѣмъ самымъ производитъ переворотъ въ представленіи ребенка, заставляя его считать эту вещь за одушевленный предметъ. Нѣсколько позднѣе возникаетъ страхъ на почвѣ зрительныхъ ощущеній. Въ этомъ случаѣ мы также наблюдаемъ проявленіе этого чувства при видѣ чего-либо новаго, неожиданнаго, нарушающаго обычную обстановку ребенка и уже извѣстнымъ образомъ сложившійся душевный строй. Такъ Селли объясняетъ чрезвычайный испугъ четырехмѣсячной дѣвочки, которую внесли въ новую дѣтскую, именно тѣмъ, что здѣсь все было новымъ для ребенка, уже привыкшаго къ опредѣленной обстановкѣ. Быть можетъ, въ этомъ же лежитъ причина страха, который такъ часто наблюдается у дѣтей при видѣ всего искалѣченнаго, обезображеннаго, напр., при видѣ разбитой куклы, гримасъ на знакомомъ лицѣ и т.п. Къ этого же рода явленіямъ относится страхъ передъ движеніемъ,

причина котораго не ясна для ребенка. Какъ извѣстно, то же самое наблюдается у высшихъ животныхъ, которыя испытываютъ ужасъ, если предметы, которые они привыкли считать неподвижными, приходятъ въ движеніе. Такъ Романэсъ, приводя въ движеніе кость (при помощи скрытой нитки), повергалъ свою собаку въ состояніе чрезвычайнаго ужаса. Очень рано появляется у дѣтей и страхъ передъ животными. Прейеръ наблюдалъ испугъ у своего ребенка при видѣ кошки уже на 14-й недѣлѣ. На 11-омъ мѣсяцѣ у этого ребенка обнаруживалась боязнь голубей (онъ не рѣшался погладить ихъ). Нѣкоторые изслѣдователи пытаются объяснить этотъ видъ страховъ у дѣтей на почвѣ атавизма, предполагая, что въ данномъ случаѣ имѣется передъ нами боязнь такихъ живыхъ существъ, которыя въ отдаленный періодъ человѣческаго существованія были на самомъ дѣлѣ опасны для человѣка. Но такое объясненіе едва ли можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ: мы можемъ наблюдать страхъ передъ такими животными или птицами, которыя никогда не были опасны для человѣка; съ другой стороны, это чувство иногда не наблюдается у дѣтей при видѣ такихъ животныхъ, которыя и раньше и теперь являются очень опасными. Очевидно, основанія для чувства страха передъ различными живыми существами могутъ корениться въ особенностяхъ самихъ воспріятій, какъ эти послѣднія имѣютъ мѣсто у дѣтей при видѣ извѣстныхъ животныхъ. Сюда можетъ относиться форма животнаго, его размѣры, цвѣтъ, подвижность и другія подобныя свойства. Все это можетъ вызывать у ребенка еще въ первые годы цѣлый рядъ ассоціацій, въ связи съ которыми можетъ возникнуть чувство

страха. Въ этомъ случаѣ очень цѣнно свидѣтельство Прейера о своемъ сынѣ, когда послѣднему было 20 мѣсяцевъ. Мальчикъ спокойно разсматривалъ свинью, окруженную своими поросятами. Но лишь только поросята начали сосать свою мать, мальчикъ разразился сильнымъ крикомъ и обнаружилъ всѣ признаки страха. Впослѣдствіи удалось выяснить причину этого испуга: мальчикъ рѣшилъ, что поросята бросились кусать свою мать, и это вызвало въ немъ упомянутое чувство страха.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія анализъ той формы чувства страха, которая извѣстна подъ именемъ боязни темноты и которая встрѣчается очень часто у дѣтей, а иногда и у взрослыхъ людей, у этихъ послѣднихъ въ связи съ извѣстными впечатлѣніями дѣтства, хотя иногда и независимо отъ нихъ. Что касается происхожденія этого чувства, то выясненіе его представляетъ нѣкоторое затрудненіе. Иногда это чувство пытаются объяснить на почвѣ исключительно атавистической, допуская какъ бы оживаніе того, очень отдаленнаго, чувства страха, которое могло возникать у первобытнаго человѣка, когда онъ находился въ темнотѣ. Пребываніе въ темнотѣ естественно должно было казаться страшнымъ такому человѣку, такъ какъ онъ находился въ это время во власти самыхъ разнообразныхъ своихъ враговъ и преслѣдователей, животныхъ и людей. И поэтому, естественно, могла получиться такая прочная ассоціація между темнотою и чувствомъ страха. Но такое объясненіе едва ли можетъ считаться единственнымъ. Вѣдь мы знаемъ, что нѣкоторыя дѣти, въ раннемъ возрастѣ, не боятся темноты, слѣдовательно, эта боязнь не является исключительно при-

рожденной и это чувство не есть безусловно универсальное. Оно возникаетъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ условій, которыя создаютъ извѣстное настроеніе, благопріятное для появленія соотвѣтствующей эмоціи. Равнымъ образомъ, едва ли можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ или исчерпывающимъ и другое объясненіе, въ силу котораго это чувство возникаетъ только на почвѣ постояннаго запугиванія и застращиванія, когда съ темнотой соединяется извѣстное представленіе, которое получаетъ ребенокъ отъ взрослыхъ и которое какъ бы насильно ему навязывается и дѣлается для него устрашающимъ. Такого рода объясненія оказываются недостаточными, потому что мы можемъ наблюдать появленіе этого чувства и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не имѣло мѣста запугиваніе. Значитъ, здѣсь должны быть какія-нибудь другія причины, которыми, и можно объяснить возникновеніе этой эмоціи. Вопросъ о возникновеніи этого чувства имѣетъ очень длинную исторію. Если Локкъ, извѣстный англійскій философъ и авторъ извѣстнаго трактата по педагогикѣ, вышедшаго еще въ 17 столѣтіи, утверждалъ, что это чувство возникаетъ на почвѣ застращиванія, запугиванія, то Руссо, въ противовѣсъ ему, уже въ 18 вѣкѣ замѣчалъ, что это объясненіе недостаточно, что, несомнѣнно, это чувство появляется и усиливается въ связи съ особенной напряженностью дѣятельности воображенія въ темнотѣ. Это объясненіе является цѣннымъ, поскольку оно указываетъ на одинъ, очень существенный элементъ въ процессѣ возникновенія чувства страха - воображеніе. Дѣйствительно, работа воображенія въ темнотѣ усиливается, дѣлается болѣе интенсивной, благодаря тому, что здѣсь ребенокъ осво-

бождается отъ разнообразныхъ внѣшнихъ раздраженій и сосредоточивается на своихъ внутреннихъ переживаніяхъ. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что и взрослый человѣкъ, въ нормальномъ состояніи, когда старается что-либо ярко представить въ своемъ воображеніи, закрываетъ глаза и, такимъ образомъ, какъ бы искусственно создаетъ себѣ темноту, въ цѣляхъ отвлеченія отъ самыхъ разнообразныхъ раздраженій и сосредоточенія на томъ, что его интересуетъ въ данный моментъ. Но это объясненіе Руссо не является окончательнымъ, потому что если даже согласиться съ тѣмъ, что темнота усиливаетъ дѣятельность воображенія, то здѣсь возникаетъ вопросъ, почему же воображеніе въ это время работаетъ именно въ сторону такихъ страшныхъ, непріятныхъ и тяжелыхъ образовъ, почему оно не создаетъ привлекательные образы, которые могли бы возбуждать противоположныя чувства. Этотъ вопросъ естественно встаетъ передъ нами, и вотъ на него-то и пытаются дать отвѣтъ современные изслѣдователи дѣтской жизни, которые процессъ возникновенія этого чувства считаютъ очень сложнымъ и несводимымъ къ дѣятельности какого-либо одного изъ ранѣе указанныхъ факторовъ. Несомнѣнно, всѣ эти причины - и атавизмъ, и запугиваніе, и дѣятельность воображенія имѣютъ значеніе, но здѣсь, по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей, принадлежитъ громадная роль еще одному фактору, именно - самому акту воспріятія темноты, самому зрительному ощущенію, которое имѣетъ мѣсто въ этомъ процессѣ. Прежде всего, нужно сказать, что здѣсь, съ точки зрѣнія психологической, мы имѣемъ дѣло съ воспріятіемъ такъ называемой малой интенсивности, когда предполагается однообраз-

ная среда, а въ данномъ случаѣ - темнота, неокрашенная поверхность. Такого же рода однообразныя впечатлѣнія или ощущенія малой интенсивности могутъ возникать и въ другихъ случаяхъ, даже при воспріятіи, напримѣръ, яркой поверхности и при разнообразныхъ воспріятіяхъ въ области другихъ чувствъ, напримѣръ, въ области слуха, когда имѣетъ мѣсто воспріятіе ощущеній малой интенсивности, напримѣръ, воспріятіе тихихъ, слабыхъ, иногда однообразныхъ звуковъ. И вотъ анализъ этихъ воспріятій малой интенсивности, прежде всего, показываетъ, что здѣсь создается своеобразное настроеніе съ элементомъ грусти, нѣкоторой душевной подавленности. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что здѣсь затрагивается недостаточно сильно наша органическая дѣятельность, какъ будто бы испытывается сознаніе нашей органической слабости, а въ связи съ этимъ возникаетъ извѣстное душевное состояніе съ грустнымъ, меланхолическимъ колоритомъ. Точно такъ же на почвѣ воспріятія темноты можетъ создаваться извѣстное грустное настроеніе. Что касается дальнѣйшаго теченія этого чувства, то здѣсь цѣлый рядъ другихъ условій можетъ содѣйствовать возникновенію именно непріятныхъ, страшныхъ образовъ. Прежде всего, здѣсь естественно порождается состояніе отчужденности, изолированности,- когда нахожденіе въ темнотѣ отдѣляетъ человѣка отъ другихъ людей, отъ знакомыхъ предметовъ, къ которымъ онъ такъ привыкъ, и этимъ самымъ, конечно, вызывается настроеніе изолированности и какъ бы опасности, которое, конечно, наводитъ на непріятныя, тяжелыя чувства. Наконецъ, нужно отмѣтить еще одну особенность въ этихъ зрительныхъ воспріятіяхъ.

Когда человѣкъ или ребенокъ находятся въ темнотѣ, то здѣсь воспріятіе темноты не есть воспріятіе чего-то совершенно безформеннаго, во всѣхъ случаяхъ однообразнаго. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ однообразіемъ можетъ быть и нѣкоторое разнообразіе въ томъ смыслѣ, что въ темнотѣ отъ нѣкоторыхъ предметовъ можетъ получаться впечатлѣніе очертаній этихъ вещей, и такъ какъ это впечатлѣніе получается при не совсѣмъ нормальной обстановкѣ, когда знакомыя черты предметовъ скрываются, то естественно, здѣсь создаются новые образы, иногда очень причудливые, фантастическіе. Благодаря недостаточному освѣщенію, возникаютъ эти образы - причудливые, фантастическіе, странные; а въ силу дѣятельности воображенія, склоннаго къ олицетворенію, въ особенности у дѣтей, естественно эти образы принимаютъ такой исключительно страшный характеръ, когда темнота представляется чѣмъ то живымъ, движущимся, когда здѣсь можетъ возникнуть образъ дѣйствительно такого огромнаго страшнаго существа, какъ это бываетъ у дѣтей, хотя на самомъ дѣлѣ нѣтъ вполнѣ реальнаго основанія для такого именно фантастическаго представленія. Все это, слѣдовательно, указываетъ на то, что это чувство страха темноты является очень сложнымъ и, во всякомъ случаѣ, не однообразнымъ въ своемъ происхожденіи. Здѣсь могутъ быть причины и лично-опытныя, индивидуальныя впечатлѣнія, въ смыслѣ запугиванія, застращиванія; здѣсь могутъ быть и извѣстные элементы атавизма, но большое значеніе могутъ также имѣть и непосредственныя зрительныя впечатлѣнія, которыя получаются ребенкомъ въ то время, когда онъ находится въ темнотѣ. Совокупность всѣхъ этихъ факторовъ, конечно, можетъ намъ объ-

яснить все разнообразіе этого чувства и тѣ различія, которыя наблюдаются при анализѣ этой эмоціи, какъ она переживается уже опредѣленными дѣтьми.

Этимъ собственно я и считаю возможнымъ закончить краткую характеристику общей природы чувства страха и тѣхъ разнообразныхъ формъ этой эмоціи, которыя имѣютъ преимущественное значеніе съ точки зрѣнія педагогики. Я не буду останавливаться на другихъ проявленіяхъ этого чувства, также очень разнообразныхъ, иногда даже трудно исчислимыхъ. Желающихъ я отсылаю къ статьѣ, которую я уже назвалъ ранѣе - именно къ работѣ Стэнли Холла объ изслѣдованіяхъ чувства страха, гдѣ приводится масса статистическаго матеріала, собраннаго путемъ опроса людей различныхъ возрастовъ о разнообразныхъ формахъ страха.

Послѣ этихъ замѣчаній о чувствѣ страха и его развитіи, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи къ этому чувству со стороны воспитателя. Уже изъ тѣхъ замѣчаній, которыя я здѣсь сдѣлалъ, можно вывести то заключеніе, что чувство страха является стимуломъ скорѣе отрицательнымъ. Оно можетъ имѣть положительныя формы только въ томъ случаѣ, когда оно тѣсно связано съ инстинктомъ самосохраненія. Въ современныхъ условіяхъ жизни человѣка оно выражается въ чувствѣ осторожности, соразмѣренія собственныхъ силъ съ опасностью. Такая форма этого чувства является, конечно, вполнѣ естественной, неизбѣжной и можетъ разсматриваться, какъ положительный факторъ въ процессѣ борьбы за существованіе, въ процессѣ сохраненія собственной жизни. Но мы видимъ, что по мѣрѣ развитія и ослож-

нія культуры, оснований для такой непосредственной опасности становится все меньше и меньше. А, съ другой стороны, страхъ все-таки заключаетъ въ себѣ тѣ разнообразные элементы, которые дѣлаютъ это чувство тягостнымъ и непріятнымъ и, въ силу этихъ элементовъ, естественно, является стремленіе избѣжать этого чувства. Въ то же время изъ сдѣланнаго раньше анализа ясно, что это чувство, со стороны психологическихъ и физіологическихъ основаній, является инстинктивнымъ выраженіемъ нашей слабости или ограниченности, въ связи съ тѣмъ что нужно перенести намъ здѣсь. Такое сознаніе является чисто инстинктивнымъ, на почвѣ общей органической слабости. Какъ уже мнѣ приходилось указывать, это чувство можно наблюдать, въ болѣе яркой формѣ, въ болѣзненномъ состояніи, при нервныхъ болѣзняхъ или даже при общемъ болѣзненномъ состояніи организма. Въ виду этого, если поднимается рѣчь о борьбѣ съ этимъ чувствомъ, здѣсь важно, конечно, общее укрѣпляющее воздѣйствіе на всю природу ребенка и, въ частности, на его психику. Что касается до чисто физическаго воздѣйствія, то разнообразныя формы физическаго закаливанія могутъ принести робкимъ дѣтямъ большую пользу - если это чувство возникаетъ въ связи со слабостью организма. Само собою понятно, что здѣсь нужно соблюдать извѣстную осторожность, какъ въ отношеніи физическаго закаливанія, такъ и въ отношеніи психическаго воздѣйствія, если идетъ рѣчь о непосредственномъ соприкосновеніи ребенка со страшными, опасными предметами потому что нарушеніе этого правила (напр., запираніе ребенка въ темной комнатѣ, если онъ боится темноты) можетъ привести къ очень

вреднымъ послѣдствіямъ. Здѣсь эмоція, вмѣсто подавленія, можетъ обостриться, усилиться и достигнуть такой степени, что въ результатѣ получится разрушительное, гибельное воздѣйствіе на весь организмъ. Что касается дальнѣйшихъ способовъ воздѣйствія въ борьбѣ съ этимъ чувствомъ, то здѣсь, несомнѣнно, большая роль принадлежитъ всякаго рода интеллектуальнымъ воздѣйствіямъ, т.е. воздѣйствіямъ на почвѣ умственнаго внушенія, разъясненія неосновательности страха. Конечно, такого рода воздѣйствіе возможно только тогда, когда ребенокъ уже въ состояніи подчинять нѣкоторыя эмоціи сознательной активности; но въ самой ранней стадіи жизни ребенка это оказывается совершенно неосуществимымъ: вѣдь самыми главными стимулами здѣсь являются инстинктъ, влеченіе, эмоціональное побужденіе, и, конечно, не окрѣпшему уму очень трудно бороться съ этими стимулами; но затѣмъ, по мѣрѣ общаго духовнаго развитія, постепенно усиливается и эта власть интеллекта. Такъ мы знаемъ, что многія формы страха, связанныя съ религіозными предстаавленіями, многіе виды суевѣрнаго страха постепенно пропадаютъ, теряютъ свою власть надъ людьми вмѣстѣ съ ростомъ силы интеллекта. И въ этомъ смыслѣ Бэнъ справедливо замѣчаетъ, что наука является однимъ изъ главныхъ орудій въ борьбѣ съ этимъ чувствомъ. Но несмотря на это большое значеніе интеллектуальнаго воздѣйствія, все-таки нужно замѣтить, что оно не можетъ считаться окончательнымъ, что можно часто встрѣчаться съ такими фактами, когда умъ говоритъ, что нѣтъ никакихъ основаній испытывать страхъ, однако же это чувство испытывается и въ очень сильной степени - и не только у дѣтей, но

даже и у взрослыхъ людей. Это обстоятельство указываетъ на то, что чувство страха - болѣе глубокой и сложной природы, что здѣсь есть тѣсная связь съ самыми разнообразными органическими процессами, на которые трудно, а иногда прямо невозможно, воздѣйствовать только однимъ интеллектомъ. Поэтому естественно, что въ борьбѣ съ этимъ чувствомъ необходимо развивать противоположныя положительныя качества,- именно - мужество въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, силу духа, извѣстное самообладаніе. Это возможно, конечно, на почвѣ уже сознательной активности, на почвѣ непосредственнаго соприкосновенія съ явленіями, которыя кажутся или могутъ казаться страшными, но которыя на самомъ дѣлѣ не превосходятъ силъ обыкновеннаго человѣка. Борьба съ этими явленіями, съ этими трудностями можетъ дѣйствовать укрѣпляющимъ образомъ, и это укрѣпленіе будетъ болѣе значительно, болѣе прочно, чѣмъ чисто интеллектуальное воздѣйствіе. Если бы теперь возникъ вопросъ, какъ смотрѣть на это чувство съ точки зрѣнія воспитателя, можно ли разсматривать его, какъ положительный стимулъ въ процессѣ воспитанія, то отвѣтъ на это долженъ быть отрицательный. И такое отношеніе имѣетъ свое основаніе. Тотъ анализъ чувства страха, на которомъ я останавливался, показываетъ, что чувство страха дѣйствуетъ угнетающимъ, разслабляющимъ образомъ на организмъ, на психику и на наиболѣе высшія проявленія этой психики - интеллектуальные процессы, ибо сознательная дѣятельность парализуется этимъ чувствомъ. Правда, въ практикѣ воспитанія мы нерѣдко встрѣчаемся съ положительнымъ отношеніемъ къ этой эмоціи; это объяс-

няется тѣмъ, что это чувство является слишкомъ легкимъ и доступнымъ для всѣхъ орудіемъ воздѣйствія,- оно имѣется у всѣхъ подъ руками, поэтому и обращаются къ нему, какъ къ ближайшему, легко примѣняемому средству. Съ другой стороны, въ оправданіе могутъ ссылаться на то, что непосредственно какъ будто и достигаются результаты, т.е.это чувство можетъ дѣйствовать задерживающимъ, подавляющимъ образомъ. Извѣстныя дѣйствія, извѣстные акты у ребенка могутъ быть задержаны, предупреждены, благодаря тому, что ребенокъ устрашенъ, что здѣсь вмѣшалось чувство страха, который здѣсь является, можетъ быть, рѣшающимъ факторомъ. Но, конечно, эти результаты ни въ коемъ случаѣ не оправдываютъ примѣненія этой эмоціи, такъ какъ здѣсь долженъ далѣе наблюдаться цѣлый рядъ послѣдствій отрицательнаго характера. Въ связи съ этимъ, здѣсь важно выяснить отношеніе къ тому фактору воспитательнаго воздѣйствія, который извѣстенъ подъ именемъ наказанія. Послѣднее также предполагаетъ эту силу чувства страха, такъ какъ наказаніе имѣетъ въ виду намѣренное причиненіе страданія за сознательно сдѣланный поступокъ, когда страхъ этихъ страданій естественно заставляетъ каждаго ребенка стремиться избѣжать этого непріятнаго и тяжелаго чувства и, такимъ образомъ, воздерживаться отъ нежелательныхъ поступковъ. Что касается оцѣнки этого рода воздѣйствій съ точки зрѣнія раціональной педагогики, то здѣсь можетъ возникнуть цѣлый рядъ вопросовъ подробное разсмотрѣніе которыхъ сейчасъ не можетъ имѣть мѣста. Прежде всего можетъ возникнуть вопросъ, возможно ли вообще такое намѣренное причиненіе страданій, желательно ли оно съ точ-

ки зрѣнія педагогической. Можетъ быть, страданіе, какъ факторъ воспитанія, совсѣмъ должно быть устранено изъ педагогической практики. Слѣдовательно, здѣсь предполагается рѣшеніе цѣлаго ряда вопросовъ, которые являются очень трудными и могутъ вызвать различные отвѣты. Въ данный моментъ я не буду подробно обсуждать этихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что къ вопросу о наказаніяхъ мы возвратимся впослѣдствіи, когда будемъ разсматривать другія проявленія дѣтской психики, такъ какъ наказаніе затрагиваетъ довольно сильно не только чувство, но извѣстнымъ образомъ и умъ и волю и т.д. Здѣсь необходимо замѣтить, что возможно принципіальное отрицаніе наказаній, какъ воздѣйствій, причиняющихъ страданія; возможна и такая точка зрѣнія, по которой всѣ такъ называемыя искусственныя наказанія, когда намѣренно съ извѣстными дѣйствіями связываются тѣ или иные результаты, замѣняются такъ называемой дисциплиной естественныхъ послѣдствій, благодаря которой устанавливается тѣсная, неизбѣжная связь между поступками и реакціей на эти поступки. Въ послѣднемъ случаѣ получается связь естественная, а не та искусственная, которая такъ часто встрѣчается въ педагогической практикѣ. Съ этой системой естественныхъ послѣдствій мы встрѣтимся позднѣе, въ данномъ же случаѣ насъ интересуетъ только одинъ вопросъ: достигается ли такая цѣль наказанія, которая связана съ чувствомъ страха, именно устрашающая цѣль наказанія. И на этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно: эта цѣль часто не достигается, такъ какъ ко всякому устрашенію можно привыкнуть, приспосо-

биться. Если мы будемъ имѣть въ виду физическія наказанія, которыми такъ широко пользовались въ нашей дореформенной жизни, то можно убѣдиться, что эти наказанія, несмотря на свою суровость, жестокость,- не достигали цѣли, потому что здѣсь получалось извѣстное приспособленіе, привычка. Съ другой стороны, здѣсь развивался цѣлый рядъ отрицательныхъ свойствъ: извѣстнаго рода безшабашность, удаль на почвѣ презрѣнія ко всѣмъ этимъ мѣрамъ, своеобразное озорство, такъ что здѣсь обнаруживались результаты, совершенно противоположные тѣмъ, какіе имѣлись въ виду. Я уже не говорю о томъ, что здѣсь возможно, конечно, развитіе и цѣлаго ряда другихъ отрицательныхъ качествъ: лицемѣрія, лжи и т.д., которыя возникаютъ естественно изъ стремленія избѣжать наказанія не подчиниться этимъ непріятнымъ, тяжелымъ переживаніямъ. Эти отрицательныя явленія въ области дѣтской жизни наблюдаются очень часто и имѣютъ своимъ первымъ основаніемъ чувство страха. Затѣмъ, если бы даже здѣсь получались желательные результаты - въ смыслѣ созданія извѣстнаго качества, извѣстнаго настроенія, то, не говоря уже о томъ, что все это покупается очень дорогой цѣной, все-таки здѣсь достигается только чисто пассивное настроеніе, создается свойство покорности, пассивной подчиненности, за которыми могутъ скрываться различнаго рода озлобленность и вообще такія черты, которыя съ точки зрѣнія воспитанія оказываются только отрицательными. Практика воспитанія вскрываетъ всѣ отрицательные результаты такого рода воздѣйствія, которые нашли въ нашей русской литературѣ очень конкретное изображеніе. Въ частности заслуживаетъ вниманія извѣстное сочиненіе проф. Лесгафта

„Семейное воспитаніе и его значеніе", именно та часть этого сочиненія, которая содержитъ въ себѣ характеристику различныхъ школьныхъ типовъ. Тамъ имѣются въ виду, главнымъ образомъ, отрицательные школьные типы: типъ забитаго ребенка, угнетеннаго, злостно-забитаго, лицемѣрнаго, лживаго и т.д. Вообще здѣсь изображаются тѣ особенности дѣтской жизни, которыя создаются путемъ воздѣйствія, въ основѣ котораго лежитъ чувство страха. Все это указываетъ на то, что страхъ, какъ положительный стимулъ, не имѣетъ цѣнности въ глазахъ воспитателя, такъ какъ, съ одной стороны, достигнутые такимъ путемъ результаты не окупаютъ отрицательныхъ послѣдствій, а, съ другой стороны, создаваемыя положительныя качества, при наиболѣе глубокомъ анализѣ, оказываются не имѣющими той цѣнности, которая приписывается имъ и, наоборотъ, скрываютъ въ себѣ цѣлый рядъ глубоко отрицательныхъ, иногда трудно устранимыхъ элементовъ.

Этимъ я завершаю свою характеристику чувства страха. Въ заключеніе я могу назвать нѣсколько сочиненій, которыя могутъ представлять интересъ съ точки зрѣнія болѣе глубокаго изученія этого чувства. Въ числѣ такихъ пособій я могу указать книгу Рибо „Психологія чувствъ", гдѣ дается анализъ чувства страха, въ его физіологической и психологической основахъ. Затѣмъ, назову книгу Моссо „Страхъ" которая также есть и въ русскомъ переводѣ. Затѣмъ можно назвать книгу Селли „Очерки по психологіи дѣтства" гдѣ анализируются различные виды страха, въ частности - страха темноты. Далѣе, можетъ быть упомянута небольшая книжка Хаптерева „О развитіи мужества у дѣтей въ борьбѣ съ чув-

ствомъ страха". Эта книжка входитъ въ серію „Энциклопедіи семейнаго воспитанія и обученія", но существуетъ и въ отдѣльномъ изданіи Затѣмъ, можно назвать „изслѣдованіе о страхѣ" Стэнли Холла. Наконецъ, я могу назвать двѣ иностранныя работы - на французскомъ языкѣ, которыя представляютъ значительный интересъ съ педагогической точки зрѣнія. Я разумѣю книгу Гартенберга, подъ заглавіемъ „Робкіе люди и робость" (Hartenber Les timides et la timidité), причемъ здѣсь имѣется въ виду, какъ показываетъ заглавіе, анализъ болѣе слабой формы чувства страха, и статью Бинэ „О страхѣ у дѣтей", которая была помѣщена въ „Психологическомъ Ежегодникѣ" (A Binet La peur shez les enfants. Annee psyshologique, II). Статья эта опирается на матеріалъ, полученный путемъ опроса большого количества дѣтей, а также и родителей этихъ дѣтей.

ЧУВСТВО ГНѢВА И ПРОИЗВОДНЫЯ ЭМОЦІИ.

Послѣ анализа чувства страха, я долженъ перевести ваше вниманіе на разсмотрѣніе чувства также элементарнаго, біологическаго, которое въ своемъ возникновеніи тѣсно связано съ инстинктомъ самосохраненія, но только въ формѣ аггрессивной, наступательной. Я разумѣю чувство гнѣва, которое наблюдается, какъ у человѣка, такъ и у высшихъ животныхъ. Что касается основныхъ симптомовъ этого чувства, типичныхъ для него и обнаруживающихъ тѣсную связь этого чувства съ инстинктомъ самосохраненія, то здѣсь нужно отмѣтить цѣлый рядъ своеобразныхъ процессовъ, физическихъ или физіологическихъ явленій. Въ данный моментъ мы

не будемъ рѣшать вопроса, являются ли эти процессы первичными или вторичными (поскольку это важно для выясненія теоріи эмоцій „Джемса-Ланге"). Для насъ важно только, что эти явленія наблюдаются и что они бросаютъ извѣстный свѣтъ на природу этого чувства, поскольку послѣднее носитъ инстинктивный, біологическій характеръ. Физическія обнаруженія чувства гнѣва, прежде всего, состоятъ въ цѣломъ рядѣ измѣненій дѣятельности кровообращенія, когда здѣсь мы наблюдаемъ расширеніе кровеносныхъ сосудовъ и, въ связи съ этимъ, приливъ крови къ покровамъ, явленія покраснѣнія, вздутія жилъ, въ особенности, въ опредѣленныхъ частяхъ тѣла, напр., на лбу, на шеѣ, на рукахъ и т.д. Вообще измѣненія кровообращенія бываютъ очень значительны и ведутъ иногда къ разрыву мозговыхъ сосудовъ и къ смерти. Что касается другихъ физическихъ симптомовъ чувства гнѣва, то здѣсь нужно указать на явленія, связанныя съ измѣненіями въ мускульной системѣ (какъ въ отношеніи произвольныхъ, такъ и въ отношеніи непроизвольныхъ движеній. Здѣсь можно указать, прежде всего, на цѣлый рядъ движеній, которыя имѣютъ мѣсто внутри, а иногда и внѣ нашего организма, движеній, связанныхъ съ измѣненіями въ дѣятельности различныхъ органическихъ системъ, напр., дыханія. Такъ,здѣсь наблюдается расширеніе ноздрей, въ связи съ усиленіемъ процесса дыханія, хрипота, надтреснутость голоса и прерывистость въ самомъ процессѣ дыханія. Что касается другихъ движеній, то они замѣтны еще болѣе, поскольку здѣсь наблюдаются явленія вскакиванія, прыганія, круженія на одномъ мѣстѣ,- кромѣ того, явленія стискиванія зубовъ, скрежетъ ими. Встрѣчаются

и такія явленія, которыя носятъ разрушительный, какъ бы сокрушительный характеръ или которыя выражаются ударами, наносимыми окружающимъ липамъ, иногда даже ведамъ. Все это указываетъ на скопленіе и затѣмъ какъ бы на разряженіе энергіи, и смыслъ всего этого въ томъ, чтобы живое существо было болѣе внушительно, болѣе страшно для своихъ враговъ. Въ связи съ этимъ здѣсь еще встрѣчается цѣлый рядъ явленій въ видѣ секреціи или выдѣленій организма, поскольку во время гнѣва имѣетъ мѣсто усиленное отдѣленіе слюны, увеличеніе ядовитыхъ выдѣленій, такъ наз., птомаиновъ, когда наблюдается испорченность молока при кормленіи ребенка; можно указать также на выдѣленіе нѣкоторыми животными ядовитыхъ жидкостей, которыя являются у этихъ животныхъ орудіемъ нападенія и защиты. Наконецъ, здѣсь можно отмѣтить пониженіе общей болевой чувствительности, которое выражается въ томъ, что въ моментъ гнѣва въ высшей степени, въ состояніи ярости, не чувствуются наносимые удары, не замѣчаются болевыя раздраженія и т.д. Если бы теперь мы попытались выяснить себѣ причины этихъ разнообразныхъ явленій въ процессѣ обнаруженія гнѣва, то, несомнѣнно, многія изъ нихъ могли бы быть сведены къ акту, тѣсно связанному съ процессомъ борьбы за существованіе, съ процессомъ самосохраненія, какъ это особенно можно сказать относительно животныхъ, гдѣ многія изъ этихъ движеній носятъ характеръ нападенія, а не только собственной защиты или устрашенія въ отношеніи другихъ существъ. Такъ, напримѣръ, расширеніе ноздрей является важнымъ, чтобы облегчить процессъ усиленнаго дыханія, явленіе скрежета и стискиванія зубовъ тѣсно связано у

животныхъ съ растерзываніемъ добычи. Такое явленіе, какъ топанье ногами у человѣка, объясняется атавистическимъ актомъ попиранія добычи, побѣжденнаго врага и т.д. Многія изъ наблюдаемыхъ здѣсь явленій могутъ быть объяснены на этой почвѣ, но едва ли возможно такимъ способомъ объяснить всѣ явленія безъ исключенія, потому что нѣкоторыя изъ этихъ обнаруженій удержались уже въ силу извѣстныхъ ассоціацій и получили закрѣпленіе въ организмѣ человѣка въ силу наслѣдственной передачи, хотя въ данный моментъ они и не могутъ считаться особенно важными съ точки зрѣнія самосохраненія. Что касается чисто психологической стороны характеризуемаго чувства, наиболѣе интересной для насъ въ данный моментъ, то это чувство носитъ смѣшанный характеръ: оно непріятно на извѣстной стадіи, когда имѣетъ мѣсто задержка гнѣва, подавленіе извѣстныхъ движеній и т.д.; но въ немъ можетъ быть и пріятный элементъ въ самый моментъ его обнаруженія, когда предполагается инстинктивное сознаніе превосходства своей силы (хотя позднѣе у человѣка можетъ наступить реакція въ видѣ раскаянія, сознанія безцѣльности или даже вреда своего поступка). Отсюда можно видѣть, что это чувство въ своемъ происхожденіи несомнѣнно является біологическимъ. Если мы будемъ разсматривать различныя формы этой эмоціи, то мы увидимъ, что здѣсь можно указать нѣсколько видовъ чувства гнѣва или съ преобладаніемъ такихъ элементовъ, которые встрѣчаются у животныхъ, или такихъ, которые являются типичными для человѣка, когда къ этому чувству присоединяются болѣе сложныя проявленія нашей психики. Имѣя это въ виду, новѣйшіе психологи, Бэнъ и Рибо, пытались

дать классификацію состояній гнѣва, на основѣ постепеннаго осложненія этого чувства интеллектуальными или даже моральными элементами. Такъ, по ихъ мнѣнію, въ чувствѣ гнѣва можно намѣтить три главныхъ стадіи. Первая стадія - чисто животная, наиболѣе типичная для высшихъ животныхъ; но ее можно встрѣтить и у человѣка - въ первобытномъ состояніи. Эта стадія связана несомнѣнно съ растерзаніемъ добычи, когда здѣсь придается большое значеніе зубамъ, когтямъ и самому процессу умерщвленія добычи, ея пожиранія и т.д. Эти симптомы встрѣчаются у животныхъ и, главнымъ образомъ, у хищныхъ животныхъ, у человѣка же культурнаго они наблюдаются только въ чисто патологическихъ случаяхъ. Вторая форма гнѣва, 2) аффективная, выражается уже не въ такихъ яркихъ обнаруженіяхъ; эти обнаруженія свидѣтельствуютъ о задержкѣ чувства, хотя и временной, именно, внѣшней, вынужденной, а не внутренней, болѣе сознательной задержкѣ, какую мы встрѣчаемъ уже позднѣе. Такую форму внѣшне-задержаннаго гнѣва можно наблюдать даже у нѣкоторыхъ животныхъ; таково, напр., рычаніе собаки, которая не обнаруживаетъ чувства гнѣва вполнѣ и не допускаетъ, чтобы это чувство выразилось въ формѣ ярости, нападенія на своего врага - на человѣка или другое животное. Наконецъ, слѣдующая 3) болѣе сложная форма гнѣва характеризуется присутствіемъ интеллектуальнаго элемента въ большей степени, и, съ другой стороны, свидѣтельствуетъ о большемъ развитіи задерживающихъ волевыхъ центровъ, когда имѣетъ мѣсто подавленный гнѣвъ, который выражается въ различнаго рода производныхъ эмоціяхъ, какъ эмоціи мести, злобы, жестокости. Месть - состояніе,

когда гнѣвъ не выражается въ яркой формѣ, но существуетъ, какъ чувство, иногда очень сильное и дѣятельное, и когда это чувство дѣйствительно задерживается въ своемъ проявленіи (эта задержка обнаруживается разнообразнымъ внѣшнимъ образомъ, напр., закусываніемъ губъ, кусаніемъ ногтей, рукъ и т.д.). Во всякомъ случаѣ мы можемъ наблюдать осложненіе чувства гнѣва элементами интеллекта и сознательной активности.

Что касается проявленія этого чувства у ребенка, то это чувство у дѣтей встрѣчается очень часто и возникаетъ очень рано, въ возрастѣ даже до одного года. Оно обнаруживается у дѣтей въ очень бурной формѣ - не только въ крикахъ и въ цѣломъ рядѣ безпорядочныхъ движеній, но и въ другихъ проявленіяхъ, въ видѣ паданія на полъ, катанія по полу, ударовъ ногами, нанесенія ударовъ окружающимъ лицамъ и неодушевленнымъ предметамъ, самому себѣ и т.д. Многія изъ этихъ явленій также пытаются объяснить атавистическимъ путемъ, когда предполагаютъ, что инстинктивно ребенокъ стремится сдѣлать себя наиболѣе страшнымъ, наиболѣе внушительнымъ, когда онъ старается удалить съ своего пути самыя разнообразныя препятствія, хотя бы такими препятствіями были и неодушевленные предметы. Мы можемъ наблюдать и постепенное осложненіе этого чувства и его видоизмѣненіе въ видѣ нѣкоторой задержки этой эмоціи, въ связи съ постепеннымъ ростомъ душевной жизни ребенка, когда сюда привлекаются и другіе элементы. Въ такомъ случаѣ это чувство можетъ получить болѣе сложный и устойчивый характеръ, выражаясь въ видѣ мести и злобы не только какъ преходящее состояніе, но и какъ нѣчто болѣе постоянное...

и хроническое. Что касается такого свойства, какъ жестокость, особенно въ отношеніи животныхъ, то оно не можетъ быть объяснено очень легко на почвѣ одного какого-нибудь принципа, на почвѣ, напримѣръ, сознательнаго причиненія боли или непріятныхъ тяжелыхъ ощущеній тѣмъ существамъ, на которыхъ распространяется такое отношеніе. Несомнѣнно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь нѣтъ даже яснаго представленія о томъ, что эти другія живыя существа могутъ испытывать настоящія страданія, такъ что здѣсь нѣтъ сознательной жестокости въ смыслѣ жестокости взрослаго человѣка. Съ другой стороны, это свойство служитъ иногда выраженіемъ желанія вообще обладать, подчинять себѣ, но не имѣетъ въ виду непремѣнно причинить непріятность или боль. Но въ иныхъ случаяхъ здѣсь можетъ, конечно, имѣть мѣсто и настоящая жестокость, пріятность наслажденія чувствомъ страданія, и, можетъ быть, это чувство носитъ патологическую окраску и имѣетъ атавистическое происхожденіе, когда, на болѣе ранней стадіи существованія, проявленіе этой эмоціи естественно было связано съ фактомъ побѣды или полнаго уничтоженія своего врага и когда, дѣйствительно, оно имѣло болѣе естественный и понятный характеръ, чѣмъ въ настоящихъ условіяхъ человѣческаго существованія. Но какъ бы то ни было, это чувство встрѣчается очень часто, причемъ на ряду съ нимъ мы можемъ встрѣчать и ранѣе мною указанныя эмоціи мести, злобы, различныя степени этихъ чувствъ, въ зависимости отъ природныхъ задатковъ, отъ участія сознательной активности и т.п. Нужно сказать, что съ психологической стороны къ чувству гнѣва могутъ причисляться и другія, болѣе производныя, болѣе отдален-

ныя эмоціи, не только - мести, злобы, жестокости, но, въ извѣстномъ смыслѣ, и чувство зависти, затѣмъ еще болѣе отдаленныя чувства - соревнованія, соперничества. Всѣ эти эмоціи, несомнѣнно, связаны съ сознаніемъ своей силы, съ желаніемъ выдвинуть эту силу и противопоставить ее другой силѣ, такъ что эти чувства въ своемъ основаніи могутъ считаться инстинктивными, хотя въ своемъ теченіи они могутъ измѣняться, сообразно общему развитію, сообразно осложненію различными моральными и интеллектуальными элементами. Вся совокупность этихъ производныхъ чувствъ можетъ быть сведена къ сознанію своего превосходства, которое здѣсь конкретно выражается въ болѣе мягкой, культурной формѣ, въ видѣ чувства собственнаго достоинства, чувства чести и т.д. Но всѣ эти чувствованія могутъ считаться въ своемъ основаніи, эгоистическими въ широкомъ смыслѣ, т.е. корениться въ сознаніи нашего „я," нашей силы, достоинства, превосходства и т.д.

Теперь намъ важно установить отношеніе, съ точки зрѣнія педагогики, къ разнообразнымъ проявленіямъ чувства гнѣва и различныхъ производныхъ эмоцій. Что касается общаго характера чувства гнѣва, то оно естественно можетъ казаться, въ условіяхъ современнаго существованія человѣка, чувствомъ антисоціальнымъ, противодѣйствующимъ культурнымъ отношеніямъ, поскольку здѣсь обостряются такія стороны человѣческаго существа, которыя дѣлаютъ его очень тяжелымъ и менѣе всего годнымъ и терпимымъ членомъ общества. Конечно, это справедливо въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ дѣло съ наиболѣе яркимъ, грубымъ, а иногда даже чисто животнымъ проявленіемъ чувства гнѣва. Но здѣсь обыкновенно

указываютъ на то, что это чувство можетъ осложняться другими, болѣе высокими элементами человѣческой психики, и въ этомъ случаѣ можетъ разсматриваться, какъ чувство положительное. Именно говорятъ, что это чувство можетъ соединяться съ моральной эмоціей и можетъ выражаться въ формѣ нравственнаго негодованія, которое является неизбѣжнымъ и необходимымъ въ условіяхъ общественнаго существованія, когда на почвѣ этого чувства возникаетъ всякаго рода протестъ, имѣющій для себя извѣстныя серьезныя основанія. Въ этомъ отношеніи лица, которыя обнаруживаютъ это чувство, являются какъ бы наиболѣе чуткими и наиболѣе рѣзко, иногда, можетъ быть, наиболѣе правильно реагирующими на тѣ отрицательныя явленія, которыя постоянно встрѣчаются ими въ окружающей жизни. Съ этой точки зрѣнія, люди, которые, по выраженію автора Апокалипсиса, являются ни холодными, ни горячими, а только теплыми, въ силу своего индифферентизма, оказываются нежелательными съ соціальной точки зрѣнія. Затѣмъ, указываютъ на то, что, несомнѣнно, въ связи съ этими первоначальными эмоціями находится не только чувство мести, но и чувство возмездія, справедливаго воздаянія за разнообразныя преступленія, въ особенности - общественнаго характера, такъ что съ этой точки зрѣнія, и месть можетъ считаться положительной эмоціей. Наконецъ, даже относительно такого чувства, какъ чувство ненависти утверждаютъ, что оно можетъ разсматриваться какъ положительная эмоція, когда оно связано съ чувствомъ глубокой любви къ тому, что является противоположнымъ этому объекту ненависти (такую ненависть называютъ „святою"). Эти замѣ-

чанія, что въ чувствѣ гнѣва есть положительные элементы, до извѣстной степени справедливы, какъ мы это увидимъ ниже, хотя нужно сказать, что это касается только нѣкоторыхъ болѣе высокихъ и сложныхъ формъ гнѣва, которыя связаны съ моральными и интеллектуальными проявленіями высшаго типа. Но и въ этихъ случаяхъ возможна различная оцѣнка всѣхъ указанныхъ состояній, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ считаться болѣе положительными, но только при извѣстныхъ условіяхъ. Такъ, напр., возмездіе можетъ имѣть извѣстную цѣнность, - но возможны болѣе высокія душевныя переживанія которыя носятъ болѣе примирительный характеръ, получающіяся не путемъ приспособленія, оппортунизма, а путемъ достиженія болѣе высокой ступени нравственнаго совершенства, состоянія всепрощающей любви. Какъ бы то ни было, всѣ эти высшія формы гнѣва, если онѣ соединяются въ упомянутыми болѣе сложными психическими проявленіями, могутъ, въ извѣстной мѣрѣ, считаться положительными. Но въ данномъ случаѣ для насъ важны наиболѣе рѣзкія и грубыя формы этой эмоціи, которыя встрѣчаются у дѣтей въ раннемъ возрастѣ и которыя, несомнѣнно, являются нежелательными. Онѣ требуютъ къ себѣ отрицательнаго отношенія, въ особенности поскольку эти чувства проявляются уже въ болѣе позднемъ періодѣ, когда возможно ихъ подчиненіе сознательной волѣ человѣка или даже ребенка. Что касается наиболѣе грубыхъ и рѣзкихъ формъ, которыя проявляются въ самомъ раннемъ періодѣ жизни, то здѣсь прежде всего необходимо стремиться къ тому чтобы эти формы гнѣва не возникли, не появились. Въ этихъ цѣляхъ, по возможности, необходимо устранять тѣ раздражающія явленія,

которыя вызываютъ это чувство. Этимъ, конечно, совершенно не утверждается, что не нужно ставить на пути ребенка никакихъ препятствій, которыя могутъ быть преодолѣны его собственными усиліями, путемъ приложенія тѣхъ способностей и тѣхъ задатковъ, которые у него есть, путемъ напряженія всей его энергіи. Но если и возможно устраненіе нежелательныхъ возбудителей, то едва ли возможно воздѣйствіе въ самый моментъ обнаруженія эмоціи, такъ какъ немыслимо указать какой-либо стимулъ или средство, которое ослабило бы это чувство, разъ оно приняло уже чисто-органическій характеръ или получило соотвѣтственное теченіе. Здѣсь естественно предоставить полную свободу выраженію этого чувства, но такъ, чтобы эта свобода не отразилась гибельнымъ образомъ на самомъ ребенкѣ, чтобы ребенокъ не причинилъ себѣ большого вреда, не нанесъ себѣ какого-нибудь увѣчья Разумѣется, предохраненіе его отъ этого является желательнымъ, но педагогическое воздѣйствіе должно имѣть мѣсто уже послѣ ослабленія этого чувства, когда возможно вліяніе на интеллектъ, путемъ разъясненія тѣхъ разнообразныхъ вредныхъ послѣдствій, которыя могутъ проистекать отъ этого чувства. Очень цѣннымъ средствомъ воздѣйствія въ этомъ случаѣ является уже ранѣе указанная мною дисциплина естественныхъ послѣдствій, когда ребенокъ, силою самихъ обстоятельствъ, отношеній товарищей и людей ощутитъ вредныя послѣдствія этой эмоціи - въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Здѣсь, конечно, важно, чтобы ребенокъ почувствовалъ утрату тѣхъ вещей, которыя имъ испорчены или повреждены въ моментъ гнѣва, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ конкретно испы-

талъ на себѣ отрицательное отношеніе со стороны другихъ людей или дѣтей, когда фактически измѣнились бы ихъ чувства въ отношеніи его, и это измѣненіе заставило бы ребенка понять, что онъ дѣйствовалъ не такъ, какъ нужно, и что въ другой разъ ему придется обнаружить больше задерживающей силы - во избѣжаніе такихъ вредныхъ и нежелательныхъ послѣдствій. Иногда эти послѣдствія являются неизбѣжными и тѣсно связанными съ самимъ существомъ дѣла, въ особенности въ отношеніи проявленія такой эмоціи, какъ жестокость (къ животнымъ или къ другимъ дѣтямъ), которая можетъ вызывать очень быструю и очень сильную реакцію со стороны другихъ живыхъ существъ. Дисциплина естественныхъ послѣдствій можетъ быть примѣнима къ ребенку только въ томъ возрастѣ, когда онъ можетъ давать себѣ отчетъ въ этихъ послѣдствіяхъ. Этой дисциплинѣ естественныхъ послѣдствій, умѣло примѣняемой, можетъ принадлежать большая роль въ борьбѣ съ чувствомъ гнѣва, какъ въ его наиболѣе яркой формѣ, такъ, равнымъ образомъ, и въ тѣхъ производныхъ эмоціяхъ - жестокости, злобѣ, ненависти, мести,- которыя по своей природѣ тѣсно связаны съ этимъ чувствомъ. Но, конечно, главное значеніе здѣсь принадлежитъ не только такого рода отрицательнымъ воздѣйствіямъ, но и положительнымъ вліяніямъ въ смыслѣ возбужденія въ ребенкѣ настроеній, противоположныхъ этимъ нежелательнымъ состояніямъ или переживаніямъ. Такое положительное воздѣйствіе конкретно можетъ состоять въ воспитаніи симпатическихъ эмоцій въ широкомъ смыслѣ слова, въ развитіи въ дѣтяхъ соціальныхъ задатковъ, на почвѣ которыхъ устанавливаются болѣе тѣсныя отношенія

между дѣтьми (и людьми) вообще и которыя, дѣйствительно, ослабляютъ наиболѣе эгоистическія тенденціи человѣческой природы, иногда связанныя съ самимъ существомъ дитяти. Здѣсь можно имѣть въ виду цѣлый рядъ воздѣйствій опредѣленнаго характера, съ которыми намъ придется имѣть дѣло уже позднѣе, при анализѣ чувства симпатіи. Важно замѣтить, что развитіе своеобразной эмоціональной чуткости, въ силу которой ребенокъ легко бы могъ ставить себя въ положеніе другихъ лицъ, которыя служатъ объектомъ его жестокости, является чрезвычайно важнымъ потому, что благодаря этой чуткости могутъ дѣйствовать съ гораздо большей силой разнообразные задерживающіе центры. Само собою понятно, что развитіе этихъ эмоцій возможно только на почвѣ опредѣленной активности и интеллектуальнаго воздѣйствія, на почвѣ конкретнаго воплощенія этихъ симпатическихъ эмоцій, когда онѣ запечатлѣны самимъ дѣйствіемъ, когда онѣ обнаружены въ цѣломъ рядѣ поступковъ, связанныхъ съ отношеніями къ другимъ людямъ. Если же не будетъ этого, то, конечно, возможно, развитіе очень сильной чувствительности, но на самомъ дѣлѣ,- эгоистическаго характера каковое настроеніе выражается въ различнаго рода сантиментальности и является мало цѣннымъ съ точки зрѣнія сознательной активности.

Въ заключеніе, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ одной формѣ гнѣва, которая носитъ болѣе положительный характеръ: это чувство нравственнаго негодованія, которое конкретно выражается въ различныхъ формахъ протеста. Я уже упоминалъ, что это чувство можетъ имѣть положительную соціальную цѣнность, что

оно является необходимымъ условіемъ прогресса, что въ немъ лежитъ источникъ борьбы со всякаго рода рутиною - и въ интеллектуальной и моральной сферахъ, такъ что отрицать положительнаго значенія за этимъ чувствомъ, конечно, нельзя. Но здѣсь важно указать на тѣ особенности этого чувства, которыя дѣлаютъ его настоящимъ сильнымъ стимуломъ, важнымъ рычагомъ дѣятельности и жизни и безъ которыхъ оно можетъ оказаться очень пустымъ и поверхностнымъ. Эти особенности являются цѣнными съ точки зрѣнія и воспитанія, и общественнаго сознанія. Именно этотъ протестъ должень носить сознательный характеръ, а не являться только вспышкой чувства и не быть только внѣшне-подражательнымъ стихійнымъ явленіемъ; онъ долженъ быть продуктомъ серьезнаго, углубленнаго отношенія къ тому, что является объектомъ этого протеста. Дальнѣйшія положительныя черты такого отношенія должны заключаться безспорно въ элементѣ активности, когда чувство протеста выражается въ опредѣленной, конкретной формѣ и когда, благодаря этому, здѣсь создаются извѣстныя прочныя и устойчивыя настроенія, которыя носятъ болѣе дѣятельный характеръ, а не являются эфемерными и скоропреходящими. Я дѣлаю эти замѣчанія потому, что такого рода протесты и такія особенности этихъ отношеній преимущественно цѣнны для насъ, живущихъ въ условіяхъ русской дѣйствительности, гдѣ мы часто встрѣчаемся съ различными формами протеста, но, къ сожалѣнію, эти формы нерѣдко носятъ характеръ вспышекъ, временныхъ настроеній. Практически это обнаруживается въ томъ, что большинство лицъ, которыя являются,

повидимому, ярыми протестантами въ юношескій періодъ жизни, впослѣдствіи, вступивъ на путь самостоятельной дѣятельности, оказываются типичными оппортунистами и обнаруживаютъ именно ту самую теплохладность, о которой говоритъ авторъ Апокалипсиса.

При характеристикѣ чувства гнѣва мнѣ не разъ приходилось упоминать, что эта эмоція связана съ сознаніемъ собственной силы и собственнаго превосходства, хотя это сознаніе носитъ иногда совершенно инстинктивный характеръ. Но кромѣ этихъ грубыхъ формъ чувства гнѣва, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ другихъ эмоцій, которыя концентрируются точно также вокругъ этого основного чувства сознанія собственной силы, собственнаго превосходства. Многія изъ этихъ чувствъ имѣютъ большое значеніе съ точки зрѣнія педагогики. Здѣсь, прежде всего, можно указать на чувство сознанія собственной силы или превосходства вообще, когда мы у дѣтей въ очень раннемъ возрастѣ наблюдаемъ стремленіе разсматривать себя, какъ главный центръ, на который должно быть направлено общее вниманіе, который является предметомъ общихъ заботъ и т.п. Такое чувство является вполнѣ естественнымъ, разъ первоначальныя умозаключенія ребенка, какъ и первобытнаго человѣка, проникнуты антропоморфическимъ характеромъ. Исходя изъ своихъ собственныхъ переживаній, ребенокъ естественно приходитъ къ своеобразному антропоцентризму, поставляя себя въ центрѣ самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ отношеній. Это чувство усиливается иногда въ связи съ воздѣйствіемъ взрослыхъ, путемъ всякаго рода вліяній - въ видѣ похвалы, одобренія, подчеркиванія преимуществъ, иногда совершенно мнимыхъ. Это чувство сознанія соб-

ственнаго превосходства конкретно осложняется цѣлымъ рядомъ другихъ элементовъ, по мѣрѣ общаго развитія ребенка, когда оно можетъ выражаться въ чувствѣ тщеславія, въ чувствѣ честолюбія, въ стремленіи къ постояннымъ отличіямъ, наградамъ, въ сознаніи собственнаго превосходства надъ другими людьми, иногда въ выставленіи этого превосходства, въ своеобразной хвастливости и т.д. Всѣ эти формы эмоцій, которыя имѣютъ свой источникъ въ сознаніи своего „я", могутъ оказаться отрицательными съ педагогической точки зрѣнія по двумъ соображеніямъ: во-первыхъ, онѣ могутъ создавать нежелательныя соціальныя послѣдствія, въ смыслѣ обостренія своего, иногда очень грубаго, индивидуализма, и могутъ въ отношеніи себя вызывать непріятныя реакціи, когда такого рода обостреніе индивидуализма является естественнымъ нарушеніемъ правъ другихъ людей или другихъ дѣтей; во-вторыхъ, здѣсь возможно и другое отрицательное послѣдствіе, которое иногда выражается въ томъ, что здѣсь есть скрытое, а иногда и явное сознаніе уже достигнутой высокой ступени въ своемъ развитіи. Такимъ образомъ, подобное сознаніе можетъ явиться тормазомъ для дальнѣйшаго совершенствованія: вѣдь здѣсь предполагается достигнутой такая ступень, которая считается достаточной и которая возвышаетъ такого человѣка или ребенка надъ цѣлымъ рядомъ другихъ людей или дѣтей. Но среди этихъ чувствъ эгоистическаго типа могутъ быть, конечно, и эмоціи положительнаго характера, которыя являются очень цѣнными и могутъ служить въ высшей степени сильными педагогическими стимулами, если ими умѣло пользоваться и не обострять ихъ до того, чтобы они пре-

вратились въ отрицательное чувство. Я разумѣю чувство сознанія собственнаго достоинства, когда въ понятіе достоинства входитъ представленіе о наиболѣе цѣнныхъ сторонахъ нашей личности. Такого рода чувство можетъ возникать у дѣтей очень рано, отчасти самостоятельно, на почвѣ упомянутаго мною антропоцентризма, отчасти въ связи со всякаго рода воздѣйствіями взрослыхъ людей, если послѣдніе, аппелируя къ этому чувству, подчеркиваютъ наиболѣе цѣнныя черты личности, а не случайное внѣшнее превосходство. И вотъ такого рода чувству принадлежитъ большая положительная роль въ процессѣ воспитанія и, главнымъ образомъ, въ процессѣ самовоспитанія, когда это чувство является въ высшей степени важнымъ положительнымъ стимуломъ, когда же на почвѣ его ребенокъ можетъ воздерживаться отъ очень многаго, что считается отрицательнымъ и нарушаетъ чистоту и высоту его собственнаго достоинства, въ особенности достоинства моральнаго. Въ виду этого, этимъ чувствомъ можно пользоваться, какъ положительнымъ стимуломъ, и поэтому важно культивировать и поддерживать эту эмоцію. Съ этой точки зрѣнія, можно признать вредными всѣ виды сознательнаго или безсознательнаго внушенія, когда подрывается у ребенка вѣра въ свои собственныя силы, въ свое собственное достоинство, въ возможность самому воздерживаться отъ извѣстныхъ поступковъ или самостоятельно совершать извѣстныя желательныя дѣйствія. Съ точки зрѣнія воспитанія довѣріе къ самому себѣ или вѣра въ собственныя силы являются въ высшей степени важными и для укрѣпленія и упроченія этого чувства собственнаго достоинства. Разумѣется, при этомъ возможны уклоненія

въ нежелательную сторону, когда это чувство направлено на болѣе внѣшнія стороны личности, когда оно касается какихъ-либо внѣшнихъ или физическихъ свойствъ или когда здѣсь имѣются въ виду какія-либо преимущества экономическаго или подобнаго характера, которыя возвышаютъ одного человѣка или ребенка надъ другими и которыя также какъ бы порождаютъ это чувство собственнаго достоинства, понимаемаго, конечно, односторонне и не имѣющаго объективной педагогической цѣнности. Затѣмъ, къ числу такихъ же эгоистическихъ чувствъ, которымъ придается большое значеніе въ процессѣ воспитанія, принадлежитъ чувство любви къ похвалѣ, одобренію, также тѣсно связанное съ сознаніемъ собственной силы, превосходства; это чувство - въ высшей степени пріятное каждому человѣку и каждому ребенку, и поэтому этимъ чувствомъ нерѣдко пользуются въ процессѣ воспитанія, иногда въ очень широкихъ размѣрахъ. На почвѣ этого чувства основанъ цѣлый рядъ воздѣйствій, которыя конкретно выражаются въ системѣ наградъ, какъ въ условіяхъ домашней, дошкольной жизни, такъ и въ нѣдрахъ уже самой школы. На анализѣ этого воспитательнаго средства придется остановиться нѣсколько подробнѣе, въ виду того, что на практикѣ часто это средство разсматривается, какъ полезительное, и ему придается большое значеніе, какъ наиболѣе сильному стимулу въ процессѣ воспитанія и обученія. Нужно сказать, что этотъ способъ воздѣйствія несомнѣнно связанъ съ затрагиваніемъ біологическихъ чувствованій, такихъ эмоцій, какъ чувство соревнованія, соперничества, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, существуютъ не только у людей, но и въ мірѣ животныхъ,

главнымъ образомъ, въ мірѣ высшихъ животныхъ. Біологическій характеръ этихъ эмоцій является безспорнымъ, потому что эти эмоціи связаны съ самымъ процессомъ борьбы за существованіе. Что касается, теперь, различія этихъ двухъ чувствованій между собою (чувства соревнованія и чувства соперничества), то, конечно, здѣсь трудно провести точную границу. Но, во всякомъ случаѣ, соревнованіе можно опредѣлить, какъ стремленіе быть равнымъ, не отстать, соперничество же есть болѣе острая форма соревнованія, въ которой выражается уже стремленіе быть выше, превзойти, получить такія преимущества, которыхъ нѣтъ у другихъ лицъ. Что касается самой системы наградъ, которая связана, какъ съ этими эмоціями, такъ и съ цѣлымъ рядомъ другихъ чувствованій эгоистическаго типа, на которыя я указывалъ раньше, то здѣсь, прежде всего, важно выяснить самое понятіе награды, какъ встрѣчаемъ послѣднюю въ условіяхъ обычной педагогической практики. Подъ наградами обычно разумѣется возбужденіе эгоистически-пріятныхъ эмоцій за такіе поступки, которые разсматриваются какъ сверхдолжные, какъ совершенные сверхъ обязанности, и поэтому требующіе особаго одобренія. Что касается такого понятія награды, то это понятіе, въ такомъ опредѣленіи, едва ли можетъ быть вполнѣ оправдано съ педагогической точки зрѣнія, и именно потому, что такого рода пониманіемъ искажается самое представленіе о долгѣ, объ обязанности. Здѣсь вторгается такая точка зрѣнія, что будто бы можетъ быть обязательнымъ только минимумъ въ отношеніи дѣятельности, въ особенности - моральной, и разъ этотъ минимумъ превзойденъ, то здѣсь

является уже нѣчто сверхдолжное, требующее особаго внѣшняго поощренія. Такая точка зрѣнія съ моральной стороны является отрицательной потому, что здѣсь искажается самый принципъ моральнаго совершенствованія, такъ какъ предполагается, что можостановиться на извѣстной ступени и не итти дальше, если даже у человѣка есть возможность и силы для этого движенія впередъ. Процессу нравственнаго совершенствованія этимъ путемъ невольно какъ бы полагается предѣлъ, такъ какъ признается, что разъ осуществлены извѣстныя требованія, то уже можно остановиться; а если здѣсь совершается движеніе дальше, то оно требуетъ спеціальнаго поощренія. Но въ извѣстныхъ случаяхъ награды должны имѣть мѣсто,- именно тѣ награды, которыя имѣютъ своей цѣлью ободреніе, поддержаніе вѣры въ собственныя силы, особенно у слабаго ученика, когда, слѣдовательно, здѣсь наблюдается уже извѣстный прогрессъ, который какъ бы закрѣпляется словеснымъ поощреніемъ, очень цѣннымъ для поддержанія и укрѣпленія этой вѣры въ себя, въ собственную мощь, что является такъ важнымъ для дальнѣйшаго совершенствованія. Здѣсь, такимъ образомъ, не полагается предѣла, а наоборотъ, указывается возможность и даже необходимость дальнѣйшаго моральнаго прогресса. Въ этой формѣ награды вполнѣ естественны на всѣхъ стадіяхъ развитія. Но если имѣть въ виду современную практику наградъ, какъ она встрѣчается въ условіяхъ семейной и школьной жизни, то здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣсколько иной постановкой, когда награды облекаются въ извѣстную систему и когда онѣ разсчитаны на обостреніе опредѣленныхъ свойствъ, именно свойствъ эгоистическаго ти-

па, при чемъ предполагается, что такого рода воздѣйствіе является въ высшей степени цѣннымъ стимуломъ въ процессѣ воспитанія и обученія. Что касается домашней обстановки, то мы часто видимъ приложеніе этой системы въ такой формѣ, что съ самаго ранняго возраста дѣтей хвалятъ передъ дѣтьми и взрослыми, поскольку у родителей очень часто встрѣчается преувеличенное представленіе о достоинствахъ своихъ дѣтей. Едва ли можно отрицать, что значительное большинство родителей смотрятъ на своихъ дѣтей, какъ на такихъ существъ, которыя безспорно обладаютъ качествами выше среднихъ, у которыхъ есть яркія достоинства, богатые задатки или уже обнаруживающіеся, или же обѣщающіе впослѣдствіи расцвѣсть въ пышное растеніе. На этой почвѣ иногда безсознательно обостряются у дѣтей тѣ черты антропоцентризма, о которыхъ мы говорили раньше. Затѣмъ мы видимъ также въ очень раннемъ періодѣ примѣненіе наградъ за тѣ поступки, которые должны совершаться дѣтьми естественно или по чувству долга, въ связи съ возможностью совершить этотъ поступокъ, когда этотъ поступокъ вполнѣ пропорціоналенъ силамъ ребенка. Однако, въ оцѣнку такихъ поступковъ часто вторгается элементъ награды -похвалы воспитателя или учителя, которые возбуждаютъ дѣтскій эгоизмъ. Слѣдовательно, въ этомъ раннемъ дошкольномъ періодѣ мы наблюдаемъ совершенно ненужное обостреніе эгоистическихъ качествъ дѣтской природы, что проявляется еще въ большей степени въ періодъ школьной жизни. Если мы обратимъ вниманіе на условія школьной жизни, то здѣсь въ большинствѣ случаевъ, къ сожалѣнію, и теперь мы встрѣчаемъ эту систему наградъ, которая выражается

въ распредѣленіи учениковъ по разрядамъ, мѣстамъ, степенямъ и т.д. и которой имѣется въ виду обострить эти эгоистическія эмоціи, сдѣлать ихъ наиболѣе сильнымъ стимуломъ дѣятельности и, такимъ образомъ, повести къ наибольшему напряженію энергіи ученика. Но такого рода взглядъ едва ли можетъ быть оправданъ существомъ дѣла, потому что, если мы обратимъ вниманіе на то, къ какимъ результатамъ приводятъ награды, какъ система, а не какъ необходимое словесное поощреніе, и если мы взвѣсимъ всѣ послѣдствія, то несомнѣнно, увидимъ здѣсь цѣлый рядъ отрицательныхъ фактовъ, которые не исчерпываются тѣми положительными результатами, на которые разсчитываетъ традиціонная педагогика. Именно этимъ путемъ обостряются упомянутыя эгоистическія чувствованія на почвѣ явленій соревнованія, соперничества. Далѣе, здѣсь порождается цѣлый рядъ другихъ непріязненныхъ чувствъ, въ видѣ зависти, ненависти и т.д. Съ другой стороны здѣсь являются результаты въ высшей степени отрицательные съ педагогической точки зрѣнія, когда весь процессъ обученія, иногда очень длительный, обращается въ процессъ полученія или стремленія получить извѣстную награду и отличіе. Такимъ образомъ здѣсь внутренняя притягательность знанія, внутренній интересъ къ опредѣленному предмету часто отходитъ совершенно на задній планъ, и получается даже нежелательный индиферентизмъ по отношенію къ извѣстнымъ предметамъ обученія. Всѣ эти отрицательныя черты съ особенной силой обнаруживаются на такъ называемыхъ „первыхъ ученикахъ" школы, которые, съ точки зрѣнія традиціонной педагогики, разсматриваются какъ достигающіе или обнаруживающіе въ себѣ боль-

ше положительныхъ свойствъ благодаря примѣненію къ нимъ системы наградъ. Однако при болѣе глубокомъ знакомствѣ, мы увидимъ, что въ отношеніи этихъ лицъ можно наблюдать цѣлый рядъ отрицательныхъ послѣдствій, которыя выражаются, прежде всего, въ томъ, что здѣсь не получается того настоящаго интереса къ знанію, какъ знанію, независимо отъ внѣшнихъ отличій, и не слагается, иногда даже имѣющая извѣстное природное основаніе, опредѣленная научная симпатія, а, наоборотъ развивается своеобразный энциклопедизмъ, который заставляетъ такихъ учениковъ быть постоянно на уровнѣ спроса, знать изъ всѣхъ предметовъ все - въ опредѣленномъ размѣрѣ. Въ связи съ этимъ, конечно, устраняется возможность болѣе серьезнаго углубленія, окрашеннаго эмоціональнымъ колоритомъ, въ опредѣленную область знанія, такъ какъ тутъ забывается цѣль общаго развитія, которая осуществляется чаще всего на почвѣ болѣе самостоятельнаго, свободнаго удовлетворенія естественной любознательности, которой въ такого рода постановкѣ учебнаго дѣла часто полагается предѣлъ. Въ то же время у такихъ лицъ невольно вырабатывается сознаніе того, что они, благодаря получаемымъ отличіямъ, представляютъ изъ себя какъ бы особый классъ людей, стоящихъ по своимъ дарованіямъ и по своимъ заслугамъ выше другихъ лицъ, такъ что здѣсь невольно развивается самомнѣніе, тщеславіе, преувеличенное сознаніе собственнаго превосходства. Между тѣмъ часто впослѣдствіи, при соприкосновеніи съ жизнью, такія лица, постоянно отличаемыя въ школѣ, оказываются очень посредственными людьми и даже, можетъ быть, ниже стоящими, чѣмъ тѣ, которые не получали отличій и на-

градъ. На этой почвѣ у нихъ получается очень горькое разочарованіе, вина въ которомъ падаетъ, главнымъ образомъ, на воспитателей и учителей. Я уже не говорю о томъ, что здѣсь можетъ обостряться упомянутое мною чувство зависти, иногда доходящее до ненависти, что здѣсь развивается до высшей степени чувство соперничества, въ видѣ стремленія стать выше, постоянно итти впереди другихъ. Эта эмоція оказывается совершенно безцѣльною, въ качествѣ стимула дѣятельности, какъ для болѣе одаренныхъ лицъ, такъ и для лицъ, которые стоятъ гораздо ниже этой высшей одаренности. Болѣе одаренные отъ природы могутъ проявить свою одаренность и безъ этихъ принудительныхъ стимуловъ. Если же мы будемъ разсматривать награды, какъ стимулъ для лицъ, стоящихъ ниже средняго уровня по своимъ природнымъ способностямъ, то, конечно, это распредѣленіе по рядамъ едва ли можетъ служить такимъ побудительнымъ средствомъ: вѣдь здѣсь всегда предполагается нѣкоторая пропасть между учащимися - на почвѣ крайняго возвышенія однихъ и явно-ненормальнаго пониженія другихъ. Наконецъ, если разсматривать душевное состояніе того лица, которое достигаетъ высшей степени отличій, то едва ли это состояніе можно назвать счастливымъ. Часто эти отличія бываютъ получаемы путемъ чрезвычайнаго напряженія душевной и физической энергіи, напряженія, быть можетъ, совершенно излишняго, когда не только напрягаются, но, можетъ быть, и надламливаются, общія духовныя или физическія силы. При такихъ условіяхъ едва ли можетъ быть рѣчь о полной внутренней удовлетворенности у такого лица. Кромѣ того, и это относительно счастливое состояніе можетъ всегда омрачаться

опасеніемъ утратить пріобрѣтенное превосходство и въ то же время отчасти отравляться непріятнымъ чувствомъ пораженія соперника, который естественно испытываетъ тяжелыя переживанія. Такимъ образомъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ чувствованій, которыя едва ли могутъ считаться положительными съ педагогической точки зрѣнія.

ЧУВСТВА ЗАСТѢНЧИВОСТИ И СТЫДА.

Теперь я долженъ нѣкоторое время задержать васъ на характеристикѣ такихъ эмоцій, которыя по своимъ психологическимъ, а также и по своимъ физіологическимъ основамъ имѣютъ смѣшанный характеръ, являясь, съ одной стороны, обнаруженіемъ нашей слабости, а, съ другой стороны, заключая въ себѣ и нѣкоторый элементъ силы, въ смыслѣ сознанія собственнаго достоинства, собственной личности и т.д. Я имѣю въ виду такія чувствованія, которыя имѣютъ болѣе тѣсную связь съ эмоціей страха, хотя въ нихъ есть и элементъ силы. Таково, напр., чувство застѣнчивости. Съ другой стороны, я долженъ сказать нѣсколько словъ о другомъ чувствѣ, болѣе сложной природы, сильномъ и могущественномъ, которое также разсматривается иногда, какъ важный стимулъ въ процессѣ воспитанія и обученія. Это - чувство стыда. Что касается чувства застѣнчивости, то, въ своей психической основѣ, это чувство всѣмъ извѣстно, и оно, конечно, является чувствомъ непріятнымъ, тяжелымъ, какъ чувство, которое мы естественно стремимся устранить или остановить, насколько это возможно. При обнаруже-

ніи этого чувства наблюдаются явленія, которыя сближаютъ эту эмоцію со страхомъ. И, дѣйствительно, въ своей элементарной формѣ это чувство можетъ быть сближено съ такимъ видомъ страха, какъ робость. Но здѣсь есть и нѣкоторые другіе элементы, которые свидѣтельствуютъ о присутствіи чувства силы. Что касается элементовъ слабости, то они выражаются въ явленіяхъ растерянности, замѣшательства, задержанія планомѣрной дѣятельности, въ явленіи покраснѣнія и т.д., которыя извѣстны всѣмъ и которыя наблюдаются, когда возникаетъ это чувство, какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ людей. Эти внѣшнія обнаруженія, конечно, очень близко подходятъ къ тому, что мы наблюдаемъ въ чувствѣ страха въ наиболѣе слабыхъ формыхъ этой эмоціи. Иногда здѣсь выражается стремленіе даже убѣжать или скрыться и т.д., какъ и въ чувствѣ страха. Затѣмъ, здѣсь могутъ наблюдаться и такія явленія, которыя свидѣтельствуютъ иногда о слабомъ, а иногда объ очень сильномъ и яркомъ сознаніи своей личности, своего достоинства; именно, здѣсь предполагается, что наше достоинство, наша личность какъ бы унижается, что мы сами извѣстными поступками, дѣйствіями и т.д. обнаруживаемъ эту личность съ гораздо болѣе слабой стороны, чѣмъ сами думаемъ о себѣ, что можетъ выражаться въ соотвѣтственной оцѣнкѣ этой личности другими людьми, передъ которыми мы выступаемъ въ извѣстный моментъ въ качествѣ объекта созерцанія. Мы испытываемъ чувство замѣшательства или застѣнчивости въ результатѣ, можетъ быть, иногда даже преувеличеннаго сознанія собственнаго достоинства и собственной силы, когда мы предполагаемъ, что эти положительныя, съ нашей точки зрѣнія,

качества, какъ бы оскорбляются характеромъ нашихъ дѣйствій при извѣстныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, здѣсь есть элементъ слабости и элементъ силы, или своеобразная гордость и сознаніе собственнаго достоинства. Но во всякомъ случаѣ это чувство обыкновенно является нежелательнымъ и по тяжести переживанія и потому, что оно все-таки нарушаетъ нашу планомѣрную свободную дѣятельность. Поэтому естественно стремленіе къ устраненію этого чувства у дѣтей, и это устраненіе можетъ осуществляться на почвѣ борьбы съ тѣми условіями, которыя возбуждаютъ это чувство. Если здѣсь главное значеніе принадлежитъ сознанію слабости, которое является часто послѣдствіемъ недостаточнаго знакомства съ людьми, а иногда съ предметами, вещами и т.д., когда эта слабость инстинктивно чувствуется потому, что человѣкъ или ребенокъ не достаточно развивалъ свою энергію, свою силу, недостаточно конкретно примѣнялъ ихъ и, слѣдовательно, не сдерживалъ побѣдъ, которыя оказываются совершенно ему доступными, - такъ, если причина такого чувства лежитъ, главнымъ образомъ, въ этомъ, то здѣсь самый процессъ дѣятельности, ознакомленія съ людьми, съ различными формами отношеній, насколько это доступно опредѣленному дѣтскому возрасту, затѣмъ ознакомленіе съ цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ предметовъ, борьба съ нѣкоторыми трудностями, которыя не непреодолимы для слабыхъ силъ ребенка,- все это является очень цѣннымъ средствомъ для устраненія этого чувства, потому что такимъ путемъ несомнѣнно пробуждается большая вѣра въ свои силы, вѣра, закрѣпляемая доступными формами самодѣятельности. Съ другой стороны, если источникъ этого чувства

лежитъ въ обостренномъ чувствѣ собственнаго достоинства, чувствѣ собственнаго превосходства, то тогда, конечно, здѣсь борьба можетъ состоять въ томъ, чтобы ослабить самое это чувство, или вѣрнѣе, ввести его въ правильныя границы. Съ этой точки зрѣнія, нужно, по возможности развивать такое сознаніе собственной личности, когда въ это понятіе входятъ наиболѣе цѣнные элементы, когда преувеличенное сознаніе достоинствъ, иногда, можетъ быть, внѣшнихъ, случайныхъ, оказывается совершенно лишнимъ и ненужнымъ. Такимъ образомъ, борьба съ этимъ чувствомъ возможна въ двухъ указанныхъ направленіяхъ: съ одной стороны - можетъ пробуждаться сознаніе естественной, законной силы и собственнаго достоинства, съ другой стороны - можетъ ослабляться то преувеличенное сознаніе своихъ достоинствъ, которое нерѣдко встрѣчается у дѣтей еще въ раннемъ возрастѣ, а позднѣе обостряется цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ воздѣйствій.

Послѣ этихъ замѣчаній о чувствѣ застѣнчивости я долженъ сказать нѣсколько словъ о другомъ чувствѣ, которое имѣетъ нѣсколько аналогичный характеръ, но является болѣе сложнымъ, обнаруживаетъ въ большей степени присутствіе въ себѣ соціальнаго элемента и которое въ то же время разсматривается, какъ еще болѣе сильный стимулъ въ процессѣ воспитанія. Я разумѣю чувство стыда. Что касается этого чувства съ его психологической стороны, то оно всѣмъ намъ извѣстно по даннымъ непосредственнаго переживанія, когда это чувство характеризуется, какъ чувство въ высшей степени непріятное, тяжелое, которое мы стремимся устранить и отъ котораго всячески стараемся избавиться. Въ связи съ этимъ

мы можемъ наблюдать цѣлый рядъ внѣшнихъ обнаруженій этого чувства, которыя указываютъ на это стремленіе освободиться отъ указанной тяжелой эмоціи. Здѣсь разумѣются, прежде всего, явленія, которыя свидѣтельствуютъ о нашей растерянности, подавленности, слѣдовательно, служатъ выраженіемъ какъ бы общей слабости, въ то же время обнаруживаютъ стремленіе устранить самое чувство, избавиться отъ него. Слѣдовательно, здѣсь наблюдаются такія явленія, о которыхъ я уже говорилъ, характеризуя чувство застѣнчивости, именно, общая растерянность, иногда безпорядочныя движенія, нарушеніе нашей планомѣрной дѣятельности, затѣмъ стремленіе скрыться, убѣжать, закрываніе руками лица, вообще стремленіе сдѣлаться незамѣтнымъ, что находитъ для себя такое конкретное выраженіе въ извѣстныхъ словахъ „провалиться сквозь землю, скрыться съ глазъ и т.п.". Все это указываетъ на то, что здѣсь мы испытываемъ чувство слабости или подавленности и всячески стремимся къ тому, чтобы ослабить это чувство, сдѣлать для насъ его менѣе тяжелымъ. Съ другой стороны, въ этомъ чувствѣ стыда безспорно, конечно, есть сознаніе собственной силы, собственнаго достоинства, когда предполагается, что именно своимъ поведеніемъ мы унижаемъ это достоинство, наносимъ ему извѣстный ущербъ, откуда и та сильная тяжелая реакція со стороны самого этого принципа, на которую указываютъ охарактеризованныя проявленія. Что касается понятія этого достоинства или понятія личности, то оно, конечно, можетъ быть очень различно и очень сложно, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Можетъ быть, здѣсь самое существенное значеніе принадлежитъ такимъ элементамъ, которые

на самомъ дѣлѣ не должны играть такой большой роли, элементамъ чисто внѣшняго положенія, обстановки и условій жизни и элементамъ чисто физическимъ и т.д., которые, конечно, не составляютъ существа личности въ болѣе высокомъ пониманіи этого термина. Но какъ бы то ни было, самые разнообразные изъ этихъ элементовъ являются объектомъ этого чувства, когда предполагается, что именно они-то и захватываются въ процессѣ этихъ своеобразныхъ переживаній. Все это указываетъ на соціальный характеръ этого чувства, такъ какъ, несомнѣнно, самое возникновеніе и развитіе этого чувства связано съ мнѣніемъ о насъ другихъ лицъ, съ сужденіями этихъ лицъ о насъ, о нашемъ поведеніи. Правда, можно говорить и о стыдѣ передъ собою, передъ собственной совѣстью, но вѣдь и понятіе о личности, о совѣсти, въ концѣ концовъ, имѣетъ соціальное происхожденіе и потому устранить этотъ внѣшній элементъ - соціально-общественный - оказывается совершенно невозможнымъ. Затѣмъ, къ числу физическихъ обнаруженій этого чувства относится типичное явленіе покраснѣнія, прилива крови именно къ лицу. Мы видимъ разнообразныя попытки дать объясненіе этому физіологическому процессу, хотя эти объясненія и не могутъ считаться вполнѣ удовлетворительными. Прежде всего, возникаетъ вопросъ, почему именно наблюдается покраснѣніе лица, приливъ крови не ко всѣмъ внѣшнимъ покровамъ, а къ опредѣленнымъ частямъ нашего тѣла, именно - къ лицу. Правда, мы наблюдаемъ иногда также покраснѣніе шеи и рукъ, но во всякомъ случаѣ, здѣсь имѣются въ виду тѣ части тѣла, которыя также являются объ-

ектомъ созерцанія другихъ лицъ, другихъ людей Мы имѣемъ попытку объяснить это явленіе въ связи съ самимъ чувствомъ стыда, поскольку опять-таки въ этой эмоціи обнаруживается ея соціальный характеръ. Мы разумѣемъ объясненіе, связанное съ именемъ Дарвина, сущность котораго сводится къ тому, что, по мнѣнію Дарвина, приливъ крови къ лицу въ это время происходитъ потому, что лицо является объектомъ преимущественнаго вниманія со стороны другихъ людей, будучи какъ бы центромъ, въ которомъ обнаруживается существо нашей душевной жизни, когда здѣсь и мимика лица и вообще все разнообразіе внѣшняго выраженія можетъ свидѣтельствовать объ извѣстныхъ душевныхъ процессахъ, когда, съ другой стороны, лицо можетъ быть объектомъ вниманія и по эстетическимъ соображеніямъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь есть тѣсная связь съ дѣятельностью вниманія, и приливъ крови объясняется тѣмъ, что сосредоточивается наше вниманіе на той части нашего организма, которая прежде всего бросается въ глаза другимъ людямъ, т.е. предполагаетъ сосредоточеніе на себѣ вниманія другихъ лицъ. Но такъ какъ мы сами прекрасно знаемъ, что эта часть тѣла является объектомъ усиленнаго вниманія, то въ нашемъ организмѣ устанавливаются такія своеобразныя органическія ассоціаціи между чувствомъ стыда и между состояніемъ вниманія, когда это вниманіе концентрируется на опредѣленной части тѣла, именно на лицѣ. Такимъ образомъ, пытаются объяснить это явленіе на почвѣ своеобразной органической ассоціаціи. Конечно, можетъ быть, это объясненіе и не будетъ вполнѣ удовлетворительнымъ, потому что все-таки здѣсь возможно предположить, что раньше могли быть объ-

ектомъ вниманія и другія части тѣла, особенно, въ первобытныя времена, при отсутствіи полной одежды, съ другой стороны, конечно, трудно указать, анатомо-физіологически, извѣстные центры, которые прямо бы подчеркивали неразрывную связь между чувствомъ стыда и вниманіемъ. Безспорно одно, что причина этого явленія лежитъ въ извѣстныхъ измѣненіяхъ кровообращенія, которыя наблюдаются въ моментъ этого чувства. Что касается теперь происхожденія чувства стыда у отдѣльнаго человѣка или у всего человѣчества, то здѣсь нужно сказать, что это свойство является именно свойствомъ, присущимъ человѣку, и мы не можемъ говорить о стыдѣ, въ собственномъ смыслѣ, у животныхъ, хотя у послѣднихъ могутъ быть явленія, аналогичныя этому чувству, но больше связанныя, можетъ быть, съ эмоціей страха, чѣмъ съ чувствомъ стыда въ чисто человѣческомъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, если мы будемъ разбирать это чувство съ точки зрѣнія его происхожденія въ условіяхъ индивидуальнаго развитія, то увидимъ, что это чувство имѣетъ опытный характеръ, т.е. оно возникаетъ на почвѣ индивидуальнаго опыта. Его нельзя считать прирожденнымъ, такъ какъ мы не наблюдаемъ его у ребенка въ самомъ раннемъ періодѣ жизни, независимо отъ личнаго опыта и воздѣйствія на ребенка со стороны другихъ лицъ. Равнымъ образомъ, у первобытнаго человѣка, который живетъ въ совершенно некультурныхъ условіяхъ, также нѣтъ этого чувства - въ той формѣ, которую мы встрѣчаемъ у культурныхъ людей; такъ, напр., нѣтъ этого чувства въ связи съ извѣстными физіологическими процессами, въ связи съ обнаженіемъ тѣла и т.д. Слѣдовательно, мы можемъ говорить о постепенномъ возник-

новеніи этого чувства, въ извѣстной намъ формѣ, въ связи съ развитіемъ культуры вообще, у ребенка - въ связи съ его отношеніями къ другимъ лицамъ и съ отношеніями къ нему этихъ другихъ лицъ, когда здѣсь проявляется уже самая элементарная форма соціальной связи и когда это чувство является въ извѣстной степени внушеннымъ, если оно не соединяется тотчасъ съ чувствомъ страха, робости, застѣнчивости и т.д., которыя имѣютъ болѣе органическій характеръ. Все это указываетъ на то, что это чувство или тѣ формы этого чувства, которыя мы встрѣчаемъ у культурнаго человѣка, развиваются постепенно, въ связи съ опытомъ, въ связи съ разнообразными соціальными отношеніями, въ связи съ мнѣніемъ о насъ другихъ лицъ. Этому послѣднему фактору, т.е. мнѣнію о насъ другихъ лицъ, принадлежитъ очень большое значеніе въ процессѣ развитія этого чувства, и здѣсь соціальный характеръ этой эмоціи вскрывается особенно ярко. Такимъ образомъ, чувство стыда, въ настоящемъ смыслѣ слова, можетъ появиться только тогда, когда уже есть извѣстное представленіе о личности, о собственномъ достоинствѣ и объ извѣстныхъ сторонахъ этой личности, хотя бы эти стороны, съ точки зрѣнія болѣе высокаго понятія личности, были случайными и внѣшними. И дѣйствительно, мы иногда наблюдаемъ чувство стыда въ связи съ такими сторонами личности, которыя не могутъ имѣть никакой моральной цѣны, когда, напр., человѣкъ стыдится своей одежды, своей обстановки или даже своей наружности - все это, не имѣя никакого отношенія къ нравственной сторонѣ личности, однако является источникомъ этого чувства. Такимъ образомъ, это чувство, въ широкомъ пониманіи этой эмоціи,

не связано непосредственно съ нравственнымъ чувствомъ. Изъ всего этого мы можемъ видѣть, что это чувство имѣетъ большое значеніе въ жизни человѣка, такъ какъ оно связано съ различными сторонами человѣческой личности. Съ такимъ чувствомъ приходится считаться каждому человѣку, и такъ какъ это чувство является въ высшей степени непріятнымъ и тяжелымъ, и всякій человѣкъ стремится или устранить его или избѣжать, то это чувство является очень важнымъ стимуломъ дѣятельности, въ смыслѣ, главнымъ образомъ, удержанія отъ опредѣленныхъ типовъ активности, именно такихъ, которые могутъ вызывать эту непріятную, тяжелую эмоцію. Съ этимъ, конечно, всѣ хорошо знакомы изъ собственнаго опыта, и потому нѣтъ нужды на этомъ останавливаться подробно. Въ связи съ этимъ уже устанавливается извѣстный взглядъ на это чувство, какъ воспитательный стимулъ. Что это чувство является въ высшей степени сильно дѣйствующимъ,- это безспорно. Но вопросъ здѣсь возникаетъ относительно того, какъ смотрѣть на это чувство съ точки зрѣнія воспитанія, т.е. можно ли дѣйствительно прибѣгать къ нему, какъ къ положительному стимулу въ процессѣ воспитательнаго воздѣйствія, обострять, развивать и укрѣплять его въ педагогическихъ цѣляхъ. Что касается отвѣта на этотъ вопросъ, то прежде всего нужно указать на то, что это чувство имѣетъ положительное значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно связано съ представленіемъ о наиболѣе высокихъ сторонахъ нашей личности, именно о тѣхъ сторонахъ, которыя являются цѣнными съ точки зрѣнія моральной, соціальной, педагогической и т.п. Между тѣмъ, какъ я уже не разъ упоминалъ, въ понятіе личности

могутъ входить такія стороны, такіе элементы, которые должны казаться совершенно не важными, не существенными, вызывая, такимъ образомъ, различныя формы ложнаго стыда. Такія проявленія этого чувства необходимо подавлять или стараться, чтобы эта эмоція не возбуждалась такими явленіями, которыя не связаны съ болѣе высокимъ представленіемъ нашей личности, которыя имѣютъ совершенно второстепенное значеніе, хотя съ точки зрѣнія обычныхъ условій жизни они какъ будто бы считаются очень цѣнными. Далѣе, если уже рѣчь идетъ объ этомъ чувствѣ, какъ о положительномъ стимулѣ, то опять нужно имѣть въ виду, что пользованіе этимъ средствомъ возможно только съ большой осторожностью и осмотрительностью, ибо слишкомъ частое обращеніе къ этому чувству можетъ привести къ очень нежелательнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что это чувство, какъ всѣмъ извѣстно, является чувствомъ тяжелымъ и непріятнымъ; поэтому естественно стремленіе его избѣжать, и когда возбуждается это чувство, то совершенно, можетъ быть, непроизвольно, параллельно этому вызывается цѣлый рядъ реакцій, которыя направлены къ тому, чтобы ослабить силу этой эмоціи. Такимъ образомъ, на этой почвѣ возможно проявленіе всякаго рода ухищреній, обмана, лицемѣрія, которые направлены къ тому, чтобы только не испытать, не пережить этого чувства. Значитъ, здѣсь косвенно могутъ быть пробуждены и укрѣплены такія эмоціи, которыя являются совершенно нежелательными съ педагогической точки зрѣнія и которыя возникаютъ только потому, что здѣсь возбуждается чувство въ высшей степени тяжелое, въ цѣляхъ устраненія котораго появляются упомянутыя отрицательныя особенности дѣтской

психики. Затѣмъ, на почвѣ обостренія этого чувства могутъ создаваться еще болѣе нежелательныя формы эмоцій - месть, злоба и т.д., которыя опять оказываются вполнѣ естественными, какъ реакція, и иногда устойчивая и длительная, тому возбужденію чувства стыда, когда къ этому послѣднему прибѣгаютъ очень часто, дѣлая его въ высшей степени болѣзненнымъ и затрагивающимъ самыя чувствительныя струны дѣтской души. Наконецъ здѣсь можно указать еще на одно вредное послѣдствіе обостренія этого чувства. Оно состоитъ въ томъ, что путемъ частаго и неосторожнаго возбужденія этой эмоціи можно, какъ бы инстинктивно, вызывать такія реакціи, которыя въ концѣ концовъ ведутъ къ полному подавленію или ослабленію самого чувства стыда, къ развитію противоположныхъ качествъ - безстыдства, цинизма, своеобразной безшабашной удали, озлобленности и т.п. Эти чувства возникаютъ просто въ цѣляхъ самосохраненія ребенка, когда постоянныя переживанія тяжелаго чувства оказываются совершенно невыносимыми и когда, въ противовѣсъ этому, вызываются эмоціи, которыя ослабляютъ силу этихъ тяжелыхъ переживаній. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ устраняется или подавляется самое чувство, которое теряетъ свой властный характеръ и замѣняется совершенно нежелательными, прямо отрицательными, - съ педагогической точки зрѣнія, - эмоціями. Все это указываетъ на то, что это чувство стыда, если и можетъ быть стимуломъ воспитанія, должно быть примѣняемо съ очень большой осторожностью, чтобы не вызвать всѣхъ отрицательныхъ послѣдствій, на которыя мы только что указывали.

ЧУВСТВО СИМПАТІИ.

Теперь я долженъ перейти къ характеристикѣ чувства симпатіи въ широкомъ пониманіи этого термина, когда этимъ терминомъ обозначается, прежде всего, сопереживаніе чувствъ, испытываемыхъ другимъ человѣкомъ. Самый терминъ симпатія, по буквальному переводу съ греческаго, указываетъ именно на сочувствіе, на раздѣленіе чувствъ, въ частности на раздѣленіе чувства страданія. Этотъ терминъ употребляется и въ болѣе широкомъ смыслѣ и въ болѣе узкомъ, т.е. когда имѣются въ виду раздѣленіе страданія и радости, или когда предполагается раздѣленіе всѣхъ чувствъ или даже отраженіе въ себѣ, въ своей личности, въ своихъ переживаніяхъ разнообразныхъ душевныхъ процессовъ другого человѣка,- не только эмоціональныхъ. Поэтому иногда термину симпатіи придаютъ очень широкое значеніе, когда имъ обозначаютъ какъ бы симпатическое воспроизведеніе самыхъ разнообразныхъ явленій, наблюдаемыхъ у другихъ лицъ, при чемъ это воспроизведеніе можетъ не сопровождаться настоящимъ чувствомъ, настоящимъ эмоціональнымъ переживаніемъ, пріятнымъ или непріятнымъ. Поэтому, иногда называютъ симпатіей подражательное воспроизведеніе извѣстнаго явленія, напр., зѣвоты, чиханія и т.п. Равнымъ образомъ, это названіе иногда прилагается къ плачу или улыбкѣ совершенно рефлекторнаго характера, когда улыбается или плачетъ ребенокъ въ самомъ раннемъ возрастѣ при видѣ плачущаго или улыбающагося взрослаго человѣка, когда, конечно, не можетъ быть и рѣчи о настоящемъ пониманіи душевнаго состоянія взрослаго чело-

вѣка. Такая форма симпатіи въ болѣе широкомъ смыслѣ слова и носитъ своеобразное названіе „синергіи" - раздѣленія душевной дѣятельности, безъ проникновенія въ самую суть этой активности, имѣя въ виду воспроизведеніе этой дѣятельности отраженнымъ образомъ, безъ углубленія въ самый внутренній процессъ. Но для насъ важна другая форма симпатіи, которая иногда обозначается также греческимъ терминомъ „синестезіи" въ широкомъ смыслѣ, т.е. именно раздѣленіе чувства, переживаніе эмоціи другого человѣка.

Что касается теперь самой природы чувства симпатіи, поскольку здѣсь идетъ рѣчь именно о явленіяхъ состраданія, какъ наиболѣе типичной формы этой эмоціи, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это чувство носитъ, по своему происхожденію, біологическій характеръ, т.е. оно связано съ наиболѣе основными процессами въ явленіяхъ живого міра, не только человѣка. Мы всѣ хорошо знаемъ, что это чувство симпатіи наблюдается и у очень многихъ животныхъ, какъ въ домашнемъ, такъ и въ дикомъ состояніи. Также всѣмъ извѣстно, что это чувство, по своей біологической основѣ, связано съ инстинктомъ не столько самосохраненія, сколько сохраненія и продолженія рода, хотя между этими инстинктами есть очень тѣсная связь. Поэтому и обнаруженіе этого чувства у высшихъ животныхъ можно наблюдать, главнымъ образомъ, въ связи съ процессомъ воспроизведенія и въ связи съ процессомъ дальнѣйшаго сохраненія дѣтеныша въ раннемъ періодѣ развитія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ наиболѣе яркой животной формой симпатіи, которая выражается въ исключительной при-

привязанности къ своимъ дѣтенышамъ, въ которой можетъ замѣчаться даже самопожертвованіе въ интересахъ потомства. Эта форма симпатіи, очевидно, носитъ біологическій характеръ, и здѣсь имѣется любовь безкорыстная, безсознательная, но въ высшей степени интенсивная и сильная. Съ другой стороны, мы наблюдаемъ здѣсь и обратную форму любви - именно, привязанность дѣтей къ своимъ родителямъ, такую любовь и привязанность, которая уже тѣсно связана для всѣхъ очевиднымъ и безспорнымъ образомъ съ принципомъ самосохраненія, потому что здѣсь инстинктивнымъ образомъ порождается и удерживается связь, въ силу которой только и возможно сохраненіе потомства. Какъ мы увидимъ, и у человѣка можетъ обнаружиться этотъ біологическій характеръ или эта біологическая основа чувства симпатіи. Но здѣсь нужно замѣтить, что чувство симпатіи у человѣка, уже въ самомъ раннемъ періодѣ, носитъ очень сложный характеръ, и это осложненіе происходитъ на почвѣ внесенія разнообразныхъ психическихъ элементовъ, которыя не выражены въ такой ясной формѣ у животныхъ, гдѣ они часто совершенно отсутствуютъ. Что касается заботъ о своемъ потомствѣ, то и у культурнаго человѣка онѣ носятъ такой же инстинктивный характеръ, но здѣсь мы встрѣчаемъ уже цѣлую гамму довольно различныхъ и осложненныхъ чувствъ, которыя возникаютъ, укрѣпляются постоянно и не ограничиваются опредѣленнымъ періодомъ въ жизни ребенка. Если мы возьмемъ проявленіе этой эмоціи въ животномъ мірѣ, то замѣтимъ особенную силу этого чувства въ ранній періодъ - въ періодъ кормленія, ухода за дѣтенышемъ, а затѣмъ, съ извѣстнаго времени, мы видимъ отсутствіе симпатиче-

скихъ эмоцій или самое слабое ихъ проявленіе въ отношеніи своего потомства, когда молодое поколѣніе, достигшее извѣстной степени развитія, разсматривается, какъ обычный членъ вида или рода, безъ всякихъ элементовъ чисто-родственныхъ отношеній. Что касается человѣка, то тамъ это осложненіе начинается очень рано. Еще въ ранній періодъ ухода, кормленія ребенка вторгается цѣлый рядъ психическихъ элементовъ, которые постепенно осложняются, укрѣпляются и сохраняются и въ то время, когда уже устранилась всякая необходимость въ уходѣ. Постепенно это чувство получаетъ болѣе высокій, одухотворенный характеръ, на почвѣ различныхъ психическихъ связей, отсутствующихъ у животныхъ, освобождаясь такимъ образомъ отъ узъ инстинкта, чего мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ животномъ мірѣ въ теченіе всего длиннаго періода развитія. Я уже не говорю о томъ, что это чувство можетъ сдѣлаться вполнѣ сознательнымъ, когда уже является извѣстное обоснованіе, оправданіе той привязанности, которая существуетъ между человѣческими индивидуумами на почвѣ родственныхъ и даже независимо отъ родственныхъ отношеній.

Изъ тѣхъ замѣчаній, которыя я уже сдѣлалъ относительно природы симпатіи, можно вывести заключеніе, что это чувство носитъ смѣшанный характеръ, т.е. оно можетъ быть и эгоистическимъ и альтруистическимъ. Во всякомъ случаѣ, альтруизмъ не является основной, исчерпывающей чертой этой эмоціи. Это чувство тѣсно связано съ инстинктомъ сохраненія и продолженія рода, но этотъ послѣдній инстинктъ имѣетъ тѣсную связь и съ другимъ инстинктомъ - съ инстинктомъ самосохраненія, имѣющимъ тѣсное отноше-

ніе къ индивидууму. Если мы будемъ разсматривать болѣе элементарныя біологическія формы этого чувства, какъ оно встрѣчается у людей, стоящихъ на самыхъ различныхъ стадіяхъ культуры, то мы увидимъ, прежде всего, эгоистическую окраску этого чувства, какъ напр., это мы можемъ наблюдать въ болѣе элементарныхъ формахъ симпатіи, когда это чувство проявляется въ видѣ любви родителей къ дѣтямъ, или въ видѣ отвѣтнаго обратнаго чувства дѣтей, въ ранній періодъ, въ отношеніи родителей, когда эгоистическій колоритъ этого чувства безспоренъ. Здѣсь есть тѣсная, какъ бы инстинктивная, связь между родителями и дѣтьми, когда чувство любви распространяется на опредѣленныхъ индивидуумовъ, бываетъ тѣсно связано съ очень немногими лицами. Слѣдовательно, уже здѣсь гораздо позднѣе, въ связи съ общимъ ростомъ психики, въ связи съ развитіемъ болѣе высокихъ душевныхъ функцій возможно осложненіе этого чувства, когда оно теряетъ чисто біологическое основаніе, когда въ другихъ людяхъ пѣнятся черты и свойства, не связанныя тѣсно съ инстинктомъ сохраненія и продолженія рода. Что касается развитія этого чувства въ процессѣ индивидуальнаго роста у дѣтей, то можно наблюдать возникновеніе этой эмоціи очень рано, когда это чувство проявляется въ инстинктивной формѣ привязанности къ родителямъ и окружающимъ ихъ лицамъ, въ которыхъ они почти безсознательно ищутъ извѣстной опоры, поддержки, столь необходимой въ періодъ ихъ безпомощнаго существованія. Затѣмъ, сравнительно рано, еще въ первые года ихъ жизни можно наблюдать и иную форму симпатіи къ другимъ живымъ существамъ, которыя по своему психическому строю, можетъ

быть, болѣе подходятъ къ дѣтямъ, чѣмъ къ взрослымъ. Я разумѣю симпатію къ животнымъ, которая наблюдается у дѣтей очень рано и имѣетъ свое, скорѣе эгоистическое основаніе въ различнаго рода впечатлѣніяхъ, на почвѣ зрѣнія, осязанія, на почвѣ мускульнаго чувства, когда видъ и прикосновеніе къ животнымъ и другія подобныя дѣйствія возбуждаютъ пріятное чувство, когда здѣсь проявляется иногда инстинктъ силы, власти, который выражается въ томъ, что животное находится въ подчиненіи у ребенка, и ребенокъ проявляетъ свое „я" въ отношеніи этого живого существа. Здѣсь передъ нами эмоція скорѣе эгоистическаго типа; затѣмъ, позднѣе эти эмоціи могутъ осложняться и альтруистической тенденціей, когда ребенокъ уже понимаетъ состоянія, которыя переживаются животнымъ, раздѣляетъ его страданія или его радости. Но все это наблюдается тогда, когда уже есть возможность представить себѣ душевное состояніе другихъ живыхъ существъ. Это проникновеніе въ жизнь другого существа, будетъ ли это животное или, тѣмъ болѣе, человѣкъ съ наиболѣе сложными своими душевными переживаніями,- такого рода проникновеніе недоступно для ребенка въ самый ранній возрастъ, и если можно наблюдать проявленіе радости, печали очень рано, въ возрастѣ 2, 4 - 5 лѣтъ, то, очевидно, душевныя переживанія такихъ дѣтей очень отличаются отъ тѣхъ психическихъ состояній, какія испытываются взрослымъ человѣкомъ. Поэтому нельзя говорить о радости, печали, страданіи такихъ маленькихъ дѣтей въ томъ смыслѣ, въ какомъ это наблюдается у взрослыхъ людей. Это подтверждается цѣлымъ рядомъ наблюденій надъ дѣтьми 2,3,4,5,6, и 7-милѣтняго

возраста, когда оказывается, что такія дѣти никогда не могутъ пережить извѣстное горе, радость, страданіе въ той степени и въ такой формѣ, какъ это мы наблюдаемъ у взрослаго человѣка. На это указываетъ, между прочимъ, отношеніе дѣтей къ такому событію, какъ смерть очень близкихъ для нихъ лицъ. Такое событіе сопровождается полнымъ удаленіемъ существеннаго источника разнообразныхъ пріятныхъ впечатлѣній, который находился передъ ребенкомъ въ продолженіи большого числа лѣтъ, однако же здѣсь отсутствуетъ осмысливаніе этого событія, и поэтому здѣсь не можетъ быть рѣчи о той глубинѣ скорби, которая встрѣчается у взрослаго человѣка и которая предполагаетъ болѣе полную гамму эмоціональныхъ переживаній и наличность своеобразнаго эмоціональнаго воображенія. Позднѣе мы встрѣчаемъ постепенный ростъ этого чувства въ связи съ развитіемъ у ребенка психики вообще и видимъ цѣлый рядъ симпатическихъ проявленій въ эпоху ранней школьной жизни, которыя конкретно выражаются въ чувствѣ товарищества, дружбы, привязанности, а еще позднѣе - въ чувствѣ нѣжности, любви къ другому полу и т.д. Несомнѣнно, для возникновенія этого чувства необходима наличность извѣстныхъ сходныхъ чертъ, которыя выражаются въ сходствѣ возраста, пола, развитія, въ общности интересовъ, хотя здѣсь и нѣтъ нужды въ полномъ тожествѣ индивидуальныхъ стремленій и задатковъ. Наоборотъ, здѣсь мы нерѣдко можемъ наблюдать какъ бы взаимное дополненіе извѣстныхъ душевныхъ организмовъ на почвѣ сознанія недостатка въ опредѣленныхъ качествахъ, которыя какъ разъ существуютъ въ другихъ лицахъ. и благодаря этому факту, этому обстоятельству и

получается такое взаимное духовное восполненіе. Въ этомъ смыслѣ иногда присутствіе нѣкотораго различія даже является очень цѣннымъ связующимъ звеномъ для всякаго чувства симпатіи, дружбы, товарищества и въ эпоху дѣтскаго возраста и позднѣе - въ эпоху ранняго и поздняго юношества. Въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, имѣютъ чисто психологическое значеніе тѣ слова, которыя сказаны Пушкинымъ о дружбѣ: „Волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень не столь различны между собою" поскольку здѣсь констатируются извѣстныя различія, которыя являются основаніемъ для упомянутаго восполненія въ своеобразномъ чувствѣ симпатіи. Затѣмъ, мы можемъ наблюдать въ періодъ отроческаго и юношескаго возраста цѣлый рядъ другихъ проявленій этого чувства, въ формѣ чувства уваженія, любви къ лицамъ, превосходящимъ насъ своими духовными качествами, умственными или какими-нибудь иными. Сюда же, между прочимъ, можно отнести чувства уваженія, привязанности, любви къ наставникамъ, учителямъ, воспитателямъ, если дѣйствительно у всѣхъ этихъ лицъ выражены положительныя свойства, возвышающіяся надъ тѣми, какія уже есть у дѣтей, и являющіяся какъ бы центромъ притяженія для другихъ индивидуумовъ. Чувство симпатіи, какъ извѣстно, постепенно расширяется и распространяется не только на лицъ болѣе близкихъ, конкретно связанныхъ съ нами, но оно постепенно выростаетъ въ чувство любви ко всѣмъ людямъ, безъ различія положенія, безъ различія какихъ-либо другихъ, чисто внѣшнихъ преградъ, будетъ ли это классовое различіе, вѣроисповѣдное, національное или другое какое,

такъ что здѣсь эта эмоція возвышается до чувства общечеловѣческаго, когда она несомнѣнно утрачиваетъ конкретность, свойственную эмоціональному переживанію, и получаетъ болѣе нѣсколько абстрактный характеръ, захватывая въ этомъ случаѣ гораздо большее число людей. Такимъ образомъ, здѣсь въ значительной степени вторгается элементъ интеллектуальный, который и помогаетъ освободиться отъ всего, что ограничиваетъ самое чувство, возникшее въ условіяхъ опредѣленнаго конкретнаго развитія, когда эта эмоція была связана съ цѣлымъ рядомъ впечатлѣній отъ болѣе близкихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, наиболѣе высшую форму этого чувства мы наблюдаемъ въ такомъ его проявленіи, когда мы можемъ какъ бы раствориться въ сопереживаніи того чувства, которое испытываютъ другія лица — и близкія и болѣе отдаленныя. Въ такомъ случаѣ нерѣдко необходимы извѣстныя усилія, и, можетъ быть, очень значительныя для того, чтобы при обнаруженіи этого чувства, при его переживаніи побѣдить тотъ осадокъ эгоизма, который несомнѣнно есть въ такихъ формахъ эмоцій, какъ, напр., состраданіе и сорадованіе. Дѣло въ томъ, что хотя съ перваго раза можетъ показаться, что чувство радости является чувствомъ болѣе жизнедѣятельнымъ или животворящимъ, болѣе естественнымъ для всякаго нормальнаго человѣка,- однако же болѣе тщательное разсмотрѣніе убѣждаетъ насъ, что для того, чтобы раздѣлить вполнѣ, настоящимъ образомъ, чувство радости другого человѣка, требуются, несомнѣнно, извѣстныя усилія, въ видѣ подавленія того элемента зависти, который пробуждается здѣсь. Поэтому сорадованіе, съ этой точки

зрѣнія, требуетъ большаго моральнаго напряженія въ смыслѣ подавленія эгоистическихъ побужденій и болѣе полнаго уподобленія другому лицу. Состраданіе является нѣсколько болѣе доступнымъ потому, что въ состраданіи элементъ эгоизма замѣтнѣе и сильнѣе; здѣсь есть инстинктивное сознаніе нашего собственнаго превосходства и сознаніе того, что лицо, которому мы сострадаемъ, находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ мы; здѣсь есть неизбѣжное сознаніе превосходства нашего состоянія въ опредѣленномъ смыслѣ. Что же касается чувства сорадованія, то тамъ предполагается обратное отношеніе между этими элементами: тамъ радующійся, счастливый человѣкъ кажется стоящимъ выше насъ, обладающимъ извѣстнымъ превосходствомъ, внутренними или внѣшними преимуществами, и для того, чтобы раздѣлить это чувство радующагося счастливаго человѣка, необходимо, конечно, подавить тѣ естественные эгоистическіе элементы, на которые я уже указывалъ и которые совершенно непроизвольно вторгаются въ это чувство симпатическаго переживанія въ видѣ зависти. Мы кратко уже отмѣтили тѣ моральные элементы, которые заключаются въ этомъ чувствѣ, но болѣе подробно говорить объ этомъ мнѣ придется уже позднѣе, при анализѣ этической эмоціи.

Теперь я долженъ на нѣкоторое время остановить ваше вниманіе на томъ, въ чемъ же можетъ выражаться вмѣшательство воспитателя въ цѣляхъ болѣе глубокаго развитія этой эмоціи. Прежде всего нужно сказать, что это чувство является чувствомъ положительнымъ, и поэтому требуется и отношеніе къ нему въ смыслѣ

поощренія, укрѣпленія этой эмоціи, тѣмъ болѣе, что эта эмоція имѣетъ въ себѣ задатки различныхъ соціальныхъ чувствованій и, кромѣ того, эта эмоція является основой нравственнаго чувства. Но нужно замѣтить, что нравственное чувство не есть только чувство симпатіи, какъ мы увидимъ это впослѣдствіи, ибо въ чувствѣ симпатіи очень замѣтно присутствіе эгоизма. При всемъ томъ всѣ различныя формы симпатическаго чувства, которыя я охарактеризовалъ и которыя встрѣчаются въ эпохи дѣтства, отрочества и юношества, являются очень цѣнными съ педагогической точки зрѣнія, такъ какъ на почвѣ такого рода отношеній возможно возникновеніе и укрѣпленіе различныхъ и иногда очень прочныхъ связей, которыя не ограничиваются указанными эпохами, но развиваются и укрѣпляются въ теченіе всей жизни. Въ виду этого требуется положительное, какъ бы культивирующее отношеніе къ такого рода чувству. Но прежде, чѣмъ переходить къ выясненію того, въ чемъ же можетъ выражаться положительное вмѣшательство воспитателя въ развитіе этого чувства, нужно сказать, что это чувство является прирожденнымъ и задатки его уже есть у каждаго опредѣленнаго человѣка, поскольку это чувство носитъ, на ранней стадіи, инстинктивный характеръ. Поэтому могутъ быть значительныя различія между людьми въ отношеніи этого чувства, поскольку эти различія коренятся, прежде всего, въ особенностяхъ индивидуальной организаціи, въ такихъ особенностяхъ, которыя трудно намъ опредѣлить теперь, въ виду несовершенства нашихъ знаній о дѣятельности организма и о дѣятельности тѣхъ органическихъ системъ, которыя тѣснымъ обра-

зомъ связаны съ нашими эмоціональными функціями. Но какъ бы то ни было, мы нерѣдко можемъ наблюдать природное различіе въ этомъ смыслѣ, поскольку у однихъ людей наиболѣе ясно выражены такіе симпатическіе задатки, у другихъ - индивидуалистическія стремленія. Но, главнымъ образомъ, здѣсь можно говорить о различіи самой органической чувствительности, когда извѣстный организмъ неодинаково отзывается на разнообразныя внѣшнія впечатлѣнія, которыя вызываютъ чувство симпатіи. Конечно, это различіе только относительное, потому что извѣстная чисто органическая отзывчивость есть у всѣхъ людей, но тѣмъ не менѣе обиліе такой чувствительности или недостатокъ ея находится иногда въ связи съ извѣстными природными предрасположеніями. Но въ то же время здѣсь большое значеніе принадлежитъ и воспитанію, и личному опыту, когда цѣлый рядъ переживаній и воздѣйствій усиливаетъ или осложняетъ это чувство, когда разнообразныя внѣшнія условія даютъ поводъ обнаруживаться этой эмоціи въ той или другой формѣ, или, наоборотъ, когда эти внѣшнія условія, иногда принудительныя, задерживаютъ это чувство и обостряютъ другія эмоціи - болѣе эгоистическаго типа. Съ педагогической точки зрѣнія важно указать на возможность нѣкоторыхъ нежелательныхъ уклоненій, которыя могутъ наблюдаться въ процессѣ развитія этой эмоціи. Вмѣшательство воспитателя, прежде всего, должно выражаться въ предохраненіи отъ нѣкоторыхъ нежелательныхъ формъ, отъ обостренія этого чувства, которое не всегда является цѣннымъ съ педагогической точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, если мы затронемъ вопросъ о развитіи симпатіи къ животнымъ, то, конечно, эта фор-

ма симпатіи, съ точки зрѣнія педагогической, является пѣнной, поскольку здѣсь можетъ выработаться доброжелательное отношеніе къ животнымъ, мягкое, человѣческое обращеніе съ ними, стремленіе не причинять имъ страданій, а, наоборотъ, облегчать имъ существованіе и т.д. Но, съ другой стороны, здѣсь могутъ развиваться и нѣкоторыя нежелательныя черты, которыя иногда встрѣчаются у дѣтей, воспитывающихся въ привилегированныхъ условіяхъ, у дѣтей, которыя окружены излишне богатой и благопріятной обстановкой, и у которыхъ на этой почвѣ могутъ обостряться и эгоистическія тенденціи. Я разумѣю явленія исключительной привязанности къ животнымъ, такой привязанности, которая сопровождается непріятными послѣдствіями для тѣхъ людей, которыя ходятъ за этими животными. Такая своеобразная зоологическая симпатія можетъ сопровождаться иногда слишкомъ эгоистическимъ отношеніемъ къ людямъ, которые, безспорно, въ виду превосходства своихъ психическихъ силъ, должны заслуживать гораздо лучшаго отношенія. Затѣмъ, что касается симпатіи чисто человѣческой, то прежде всего нужно сказать нѣсколько словъ о симпатіи родителей къ дѣтямъ, о томъ чувствѣ, естественно-инстинктивномъ, которое проявляется у родителей въ отношеніи дѣтей, которое оказывается совершенно неизбѣжнымъ, но которое также иногда сопровождается очень нежелательными результатами. Я имѣю въ виду то обстоятельство, что иногда эта привязанность носитъ исключительно біологическій, почти зоологическій характеръ, когда здѣсь не вторгаются болѣе высшіе, сознательные элементы, которые помогли бы родителямъ оцѣнить то, что они наблюдаютъ въ отношеніи

дѣтей, не только оттѣнить ихъ сильныя стороны, которыя такъ нравятся родителямъ, но и подмѣтить нѣкоторые существенные недостатки. Устраненіе послѣднихъ не представило бы значительнаго труда въ раннемъ дѣтствѣ, а между тѣмъ безъ этого ограниченія они могутъ усилиться и укрѣпиться и потомъ могутъ причинить вредъ, иногда очень большой, прежде всего, самимъ дѣтямъ. Между тѣмъ, мы встрѣчаемъ здѣсь очень часто только чисто инстинктивное отношеніе, совершенно не умѣряемое разумомъ и на почвѣ такого отношенія и въ самихъ дѣтяхъ можетъ обостряться эгоизмъ до крайней степени. Что касается теперь симпатіи дѣтей къ родителямъ, къ взрослымъ, окружающимъ ихъ лицамъ - воспитателямъ и т.д., то эта форма симпатіи является, конечно, вполнѣ естественной, и потому она, конечно, и конкретно непроизвольно проявляется у всѣхъ. Затѣмъ уже впослѣдствіи сюда неизбѣжно вторгается интеллектуальный элементъ, и, такимъ образомъ, вносится извѣстная оцѣнка, по мѣрѣ общаго роста дѣтской психики. Здѣсь, въ эпоху ранняго дѣтства, едва ли необходимо какое либо спеціальное вмѣшательство. Что касается тѣхъ формъ симпатіи, которыя мы наблюдаемъ въ эпоху отрочества и юношескаго возраста, которыя выражаются въ различныхъ формахъ товарищества, дружбы и т.д., то все это опять является несомнѣнно глубоко цѣннымъ съ педагогической точки зрѣнія, въ виду того, что здѣсь завязываются такія связи, которыя являются очень важными съ точки зрѣнія дальнѣйшихъ, очень сложныхъ человѣческихъ отношеній. Поэтому всѣ эти чувствованія требуютъ къ себѣ бережнаго отношенія, будутъ ли объектомъ этихъ чувствъ воспитатели, учителя или же

другіе, чужіе намъ люди. Но почвѣ такого рода чувствованій можно достигнуть очень цѣнныхъ результатовъ, когда объекты такого чувства могутъ считаться образцами для сознательнаго подражанія, когда они могутъ напрягать до наивысшей степени всю совокупность душевныхъ силъ, когда, слѣдовательно, можно видѣть здѣсь извѣстный конкретный стимулъ, болѣе сильный, чѣмъ всякаго рода теоретическія воздѣйствія. Само собою понятно, что со стороны тѣхъ лицъ, которыя являются объектами любви и уваженія, должно быть вполнѣ естественное нормальное отношеніе, чуждое всякаго рода неискренности и заискиванія, такъ какъ такого рода ненормальное отношеніе очень быстро подмѣчается чуткими дѣтьми и разрушаетъ иллюзію первоначальнаго уваженія и любви. Затѣмъ, мы можемъ наблюдать различныя формы симпатіи въ связи съ цѣлымъ рядомъ отношеній, въ которыя приходится становиться ребенку на протяженіи всего процесса своего развитія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ важно стремиться къ тѣмъ высшимъ формамъ этого чувства, о которыхъ я уже упоминалъ, когда эта эмоція не связана такой естественной внѣшней физической близостью, когда идетъ рѣчь о любви къ другимъ лицамъ, независимо отъ цѣлаго ряда внѣшнихъ условій, отъ разнообразныхъ чисто случайныхъ перегородокъ. Вотъ здѣсь-то и надо развивать это чувство въ болѣе универсальномъ направленіи, приступая къ этому, насколько это возможно, съ ранняго возраста. Еще въ ранній періодъ жизни создаются нѣкоторыя ограниченія для этого чувства, въ связи съ условіями внѣшнихъ различій, когда не всѣ люди ставятся въ одинаковыя человѣческія отношенія, когда въ нѣкоторыхъ случаяхъ ребенокъ совершенно без-

сознательно усваиваетъ себѣ взглядъ на другихъ людей, какъ на лицъ, стоящихъ ниже обычнаго человѣческаго уровня. Этимъ, между прочимъ, затрагивается очень важный съ педагогической точки зрѣнія вопросъ объ отношеніи къ прислугѣ, къ тѣмъ лицамъ, которыя часто ближе всѣхъ стоятъ къ дѣтямъ, и которыя, несомнѣнно, находятся во внѣшней зависимости отъ родителей и дѣтей. Эта зависимость, конечно, не ускользаетъ отъ взора дѣтей и, несмотря, иногда на глубокую привязанность дѣтей къ этимъ лицамъ, въ извѣстномъ возрастѣ, эта зависимость иногда обнаруживается очень нежелательными чертами. Конечно, здѣсь виноватыми являются, прежде всего, сами родители, которые очень часто бываютъ далеки отъ чувства человѣческихъ отношеній къ этимъ лицамъ, возлагая, на почвѣ чисто экономическаго обязательства, на этихъ людей трудъ, иногда совершенно невыносимый. Наконецъ, нужно замѣтить, что развитіе чувства симпатіи невозможно на почвѣ только косвенныхъ воздѣйствій, на почвѣ всякаго рода разъясненій, равнымъ образомъ, и на почвѣ только тѣхъ фактовъ, которые я охарактеризовалъ. Тутъ несомнѣнно необходимы и болѣе положительныя формы воздѣйствія, которыя должны состоять въ активномъ ознакомленіи ребенка съ цѣлымъ рядомъ явленій, которыя вызываютъ чувство симпатіи, главнымъ образомъ, съ явленіями страданія, радости и т.д., когда такого рода явленія оказываются вполнѣ понятными и въ то же время не настолько тяжелыми, чтобы могли надломить еще неокрѣпшую психику ребенка. Ознакомленіе съ такого рода явленіями, какъ явленія горя, нищеты, страданія и т.д., которыя въ извѣстной степени могутъ быть облегчены тѣми усиліями, которыя могутъ прило-

жить родители, а можетъ быть, и дѣти,- такого рода ознакомленіе, такого рода акты могутъ содѣйствовать активному укрѣпленію извѣстнаго чувства, когда это чувство выражается не въ видѣ только теоретическаго настроенія, а когда оно закрѣпляется извѣстнымъ конкретнымъ поступкомъ или цѣлымъ рядомъ поступковъ, когда, слѣдовательно, для него кладется основаніе не только въ общей психикѣ ребенка, но, можетъ быть, даже во всей его организаціи. Задача воспитателя должна въ этомъ случаѣ заключаться въ созданіи активнаго чувства или настроенія, выражающихся въ цѣломъ рядѣ конкретныхъ дѣйствій. Между тѣмъ мы можемъ наблюдать иногда совершенно нежелательныя явленія, когда дѣти или взрослыя лица обладаютъ очень большимъ запасомъ чувствительности, растрагиваются, читая чувствительные разсказы, проливаютъ при этомъ обильныя слезы, но сталкиваясь съ нуждой, бѣдностью, съ цѣлымъ рядомъ страданій - въ конкретныхъ проявленіяхъ, ограничиваются моральнымъ умываніемъ рукъ и не выражаютъ никакого рода активности, которая могла бы дѣйствительно использовать эту обильную природную чувствительность. Такимъ образомъ, надо сдѣлать эту эмоцію болѣе прочнымъ или, можетъ быть, даже основнымъ стимуломъ дѣятельности человѣка, не отожествляя ее съ теоретическимъ переживаніемъ какого-нибудь настроенія, которое съ перваго взгляда свидѣтельствуетъ о силѣ симпатическаго чувства, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи обнаруживаетъ довольно грубый эгоистическій сантиментализмъ.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ЧУВСТВО.

Я долженъ теперь обратиться къ характеристикѣ высшихъ формъ эмоціональной жизни, такого рода переживаній, которыя извѣстны подъ именемъ интеллектуальнаго чувства, моральнаго, эстетическаго, религіознаго, и, прежде всего, остановлюсь на изображеніи природы чувства интеллектуальнаго. Что касается этого чувства, то здѣсь разумѣется совокупность разнообразныхъ душевныхъ переживаній, которыя наблюдаются въ процессѣ интеллектуальной работы. Конечно, эта работа есть прежде всего дѣятельность интеллекта, но здѣсь всегда есть чувство, и это чувство прежде всего характеризуется, какъ чувство пріятное, получающееся въ результатѣ успѣшной дѣятельности, или непріятное - въ случаѣ неуспѣшности, затрудненій при преодолѣніи извѣстнаго интеллектуальнаго препятствія. Если мы будемъ анализировать самый процессъ интеллектуальной дѣятельности, то мы, разсматривая, должны отмѣтить роль чувства не только въ указанныхъ пріятныхъ или непріятныхъ переживаніяхъ, но и въ томъ особомъ состояніи интереса, который является въ высшей степени важнымъ и цѣннымъ стимуломъ во всемъ процессѣ интеллектуальной работы. Вотъ это состояніе интереса и обнаруживаетъ здѣсь присутствіе чувства, потому что здѣсь есть и пріятное и непріятное: именно, пріятное, какъ что-то влекущее, и непріятное, какъ что-то отталкивающее, какъ реакція со стороны упомянутаго мною неуспѣха въ дѣятельности. Есть въ процессѣ умственной дѣятельно-

сти и волевой элементъ, который выражается въ дѣятельности вниманія и въ общемъ напряженіи - душевномъ, иногда даже физическомъ, которое наблюдается въ процессѣ работы. Но въ данномъ случаѣ насъ интересуютъ тѣ, преимущественно, эмоціональные элементы, которые входятъ въ составъ интеллектуальнаго чувства и которые опредѣляютъ собою самую суть этого душевнаго переживанія. Это интеллектуальное чувство выражается, какъ вамъ извѣстно, въ различныхъ формахъ, начиная съ такой элементарной формы, которая встрѣчается у дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ - въ видѣ чувства изумленія, удивленія, любопытства, и оканчивая болѣе высокой степенью обнаруженія - въ видѣ чувства любознательности, какъ это чувство выражается въ эпоху строчества, юношества, и затѣмъ сопровождаетъ нормальнаго человѣка иногда въ теченіе всей его жизни - до гробовой доски. Здѣсь, прежде всего, важно отмѣтить безкорыстныя формы этой эмоціи въ ея наиболѣе высшихъ проявленіяхъ, когда предполагается стремленіе къ знанію ради самого знанія, жажда знанія, независимо отъ непосредственныхъ практическихъ интересовъ. И такого рода стремленіе является естественнымъ достояніемъ человѣческаго ума, человѣческаго духа, и въ этомъ заключается существенное отличіе человѣческой психики отъ психики животныхъ, даже высшихъ животныхъ. Это стремленіе, какъ всѣмъ извѣстно, представляется инстинктивнымъ въ томъ смыслѣ, что оно обнаруживается у всѣхъ нормальныхъ дѣтей и у всѣхъ нормальныхъ людей въ извѣстный періодъ духовнаго роста, и если мы, въ отдѣльныхъ случаяхъ, его не наблюдаемъ, то здѣсь, очевидно, имѣетъ мѣсто какое нибудъ патологическое

явленіе. Съ этой точки зрѣнія идіоты, какъ говоритъ, Рибо, являются евнухами въ интеллектуальной области, т.е. здѣсь есть исключительные (природные) дефекты, которые нельзя считать типичными для нормальной человѣческой натуры.

Что касается, теперь, развитія этого чувства, то это чувство въ процессѣ индивидуальнаго роста проходитъ черезъ цѣлый рядъ ступеней, которыя извѣстны болѣе или менѣе всѣмъ. Одной изъ начальныхъ стадіи въ этомъ процессѣ развитія является, какъ я уже упоминалъ, чувство изумленія, когда несомнѣнно пробуждается интеллектъ и даже наблюдается извѣстная активность въ связи съ такимъ раздраженіемъ, которое останавливаетъ на себѣ вниманіе ребенка и какъ бы даетъ работу его уму. Прейеръ, наблюдавшій своего сына, говоритъ, что такого рода элементарныя формы эмоціи встрѣчались у его ребенка на 22-й недѣлѣ. Такъ, на шестомъ мѣсяцѣ въ первый разъ Прейеръ наблюдалъ форму изумленія, когда отецъ заговорилъ съ ребенкомъ во время поѣздки по желѣзной дорогѣ. Здѣсь была нѣсколько новая обстановка, и это вторженіе новыхъ элементовъ особенно затронуло интеллектъ, отразившись на лицѣ ребенка. Затѣмъ Прейеръ указываетъ и еще на цѣлый рядъ такихъ формъ изумленія, именно въ періодѣ шести-семи мѣсяцевъ, которыя также обнаруживались въ связи съ нѣкоторыми новыми впечатлѣніями. Здѣсь мы видимъ моментальное, но очень скоро-преходящее пробужденіе интеллекта, между тѣмъ оно можетъ носить и нѣсколько болѣе устойчивый характеръ, когда выражается въ видѣ чувства удивленія, когда удивленіе можетъ длиться нѣсколько дольше, чѣмъ изумленіе, хотя все-таки эта стадія до-

вольно элементарная и типичная для дѣтей самаго ранняго возраста, и поэтому не заключающая въ себѣ всѣхъ существенныхъ чертъ интеллектуальной эмоціи. Дальнѣйшее развитіе даннаго чувства обнаруживается въ появленіи уже болѣе сложныхъ разновидностей названной эмоціи, въ формѣ любопытства, которое наблюдается у дѣтей также въ раннемъ возрастѣ - двухъ, трехъ, четырехъ лѣтъ и позднѣе. Это пробужденіе интеллекта связано съ цѣлымъ рядомъ дѣйствій ребенка. Прежде всего, нужно имѣть здѣсь въ виду тѣ разнообразныя дѣйствія, тѣ различныя манипуляціи ребенка, которыя мы можемъ наблюдать въ одиночныхъ играхъ ребенка при помощи игрушекъ, когда онъ старается выполнить цѣлый рядъ дѣйствій, оказывающихъ извѣстное впечатлѣніе на его разнообразные органы внѣшнихъ чувствъ. Здѣсь возможно и передвиженіе этихъ игрушекъ, перестановка всякаго рода, возможны и удары (игрушками) и такимъ образомъ полученіе слуховыхъ раздраженій, возможны, далѣе, естественныя воздѣйствія на органы осязанія и мускульнаго чувства, такъ что здѣсь получается цѣлый рядъ впечатлѣній, возникающихъ совершенно естественно, непроизвольно въ связи съ проявленіемъ активности ребенка и въ связи съ разнообразными воздѣйствіями на мозгъ и психику дитяти. Такимъ образомъ, здѣсь получается, какъ говоритъ Прейеръ, своеобразный концентрическій кругъ воспріятій, постепенно расширяющійся, увеличивающійся въ своемъ объемѣ и захватывающій все большее и большее количество предметовъ. Здѣсь то и обнаруживаются постепенно зачатки настоящей пытливости ребенка, какъ такой черты, которая отличаетъ человѣка

отъ животныхъ. Ребенокъ въ самомъ раннемъ возрастѣ обнаруживаетъ именно стремленіе узнать, разобраться, дать отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, чего мы не наблюдаемъ даже у высшихъ животныхъ. Правда, элементъ любопытства, очень похожаго на любопытство ребенка, въ извѣстной стадіи есть у этихъ животныхъ, но мы не наблюдаемъ такого углубленія, стремленія сознательно разобраться въ впечатлѣніяхъ, что такъ ярко выражено у ребенка. Дальнѣйшее развитіе любопытства наблюдается уже въ связи съ развитіемъ рѣчи, когда это любопытство выражается въ цѣломъ рядѣ вопросовъ, особенно столь частыхъ, многочисленныхъ и многообразныхъ у дѣтей въ раннемъ возрастѣ, въ возрастѣ трехъ, четырехъ, пяти лѣтъ и т.п. Но это не есть еще любознательность въ настоящемъ смыслѣ слова, тѣмъ болѣе, что эти вопросы носятъ иногда нѣсколько своеобразный, антропоморфическій характеръ и не всегда служатъ обнаруженіемъ настоящей дѣтской пытливости. Эта пытливость развивается постепенно, и мы можемъ наблюдать ее въ эпоху ранняго школьнаго возраста, даже въ элементарномъ процессѣ обученія чтенію и письму, когда уже есть болѣе сознательная степень этого чувства, когда и здѣсь проявляется извѣстная активность, наблюдается сознательное проявленіе интеллектуальной дѣятельности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ чувству принадлежитъ очень большое значеніе, такъ какъ въ результатѣ овладѣнія извѣстнымъ умственнымъ процессомъ получается пріятное состояніе. Это объясняется тѣмъ, что здѣсь обнаруживается извѣстное творчество, интеллектуальная самостоятельность и, такимъ образомъ, порождается, почти безсознательно, вѣра въ

собственныя силы, въ возможность преодолѣть извѣстныя трудности. Это можно наблюдать даже въ такомъ, ранѣе названномъ, элементарномъ процессѣ, какъ обученіе чтенію, когда предполагается знакомство съ звуками, слогами, соединеніе отдѣльныхъ звуковъ въ слоги, полученіе новыхъ слоговъ, иногда совершенно новыхъ словъ, на почвѣ знакомства съ элементами рѣчи, когда, слѣдовательно, есть нѣкоторые элементы новизны, чего-то такого, что еще не было дано въ непосредственномъ воспріятіи и что является результатомъ извѣстной умственной работы. Все это дѣйствуетъ на дѣтей такимъ возбуждающимъ образомъ и порождаетъ упомянутое мною пріятное состояніе, тѣсно связанное съ процессомъ интеллектуальной работы. Равнымъ образомъ, и въ дальнѣйшемъ процессѣ обученія, на самыхъ различныхъ стадіяхъ этого процесса, мы можемъ встрѣчать развитіе интеллектуальной эмоціи, какъ это можно наблюдать въ эпоху обученія въ средней школѣ, при изученіи опредѣленныхъ предметовъ, когда мы уже встрѣчаемъ настоящую любознательность. Здѣсь мы, прежде всего, видимъ ясно выраженное стремленіе у всякаго нормальнаго ребенка получить какъ можно больше знаній и на почвѣ этихъ знаній расширить свой общій умственный кругозоръ и даже, можетъ быть, выработать извѣстное міросозерцаніе. Здѣсь мы встрѣчаемъ исключительную жажду чтенія, иногда какъ бы проглатываніе книгъ безъ всякаго разбора, въ связи съ тѣми элементами новизны, съ тѣмъ расширеніемъ знаній, которые получаются на почвѣ усвоенія всего прочитаннаго матеріала. Но тутъ же иногда очень рано мы можемъ замѣчать и опредѣленныя симпатіи къ извѣстному виду зна-

ній, къ такому знанію, которое является цѣннымъ съ точки зрѣнія уже сложившихся вкусовъ, влеченій, можетъ быть, иногда въ связи съ извѣстными естественными предрасположеніями. Такимъ образомъ, здѣсь, въ эпоху обученія въ средней школѣ, мы можемъ встрѣчаться съ задатками нѣкоторой спеціализаціи, иногда, можетъ быть, вполнѣ естественной и требующей къ себѣ поощрительнаго отношенія. Затѣмъ, эта любознательность развивается, растетъ въ связи съ общимъ психическимъ ростомъ, когда здѣсь занимаетъ преобладающее мѣсто логическая дѣятельность. Здѣсь предполагается болѣе высокая критическая и синтезирующая работа разсудка, не ограничивающаяся простымъ накопленіемъ знаній, но стремящаяся привести эти знанія въ систему и на почвѣ ихъ выработать цѣлое, связное, законченное міропредставленіе. Но и эта стадія не можетъ считаться окончательной, потому что мы можемъ наблюдать эту жажду знаній и позднѣе, въ періодъ мужества или даже въ болѣе поздній возрастъ, когда мы имѣемъ въ виду уже установившіяся симпатіи, интересъ къ опредѣленному типу знаній, къ такому типу, который является цѣннымъ уже на почвѣ извѣстныхъ сознательныхъ интересовъ, на почвѣ предварительной серьезной оцѣнки различныхъ видовъ знаній. Такого рода жажду знаній, которая не оставляетъ человѣка до самой смерти, мы можемъ наблюдать иногда въ болѣе яркой формѣ у исключительныхъ подвижниковъ науки, гдѣ это стремленіе носитъ характеръ настоящей страсти. Съ этой точки зрѣнія, эти высшія формы духовной дѣятельности, которыя обнаруживаютъ исключительно одаренные, геніальные люди, нельзя разсматривать, какъ проявленіе

чисто-интеллектуальной, абстрактно-холодной работы. Здѣсь есть элементъ страсти, но болѣе высокой, одухотворенной, совершенно не связанной съ какими нибудь чувственными побужденіями, или съ какими-нибудь практическими житейскими интересами. Не въ этихъ послѣднихъ самая суть, самый нервъ извѣстной работы, иногда всей дѣятельности опредѣленнаго человѣка, который весь смыслъ своей жизни видитъ именно въ дѣятельности, направленной на удовлетвореніе потребности, никогда окончательно не удовлетворяющейся, а, можетъ быть, только обостряющейся по мѣрѣ накопленія и расширенія знаній.

Теперь, съ точки зрѣнія этого анализа, преслѣдующаго педагогическія цѣли, намъ важно уяснить отношеніе къ этой эмоціи со стороны воспитателя. Прежде всего, мы должны смотрѣть на это чувство, какъ на чувство безспорно положительное, какъ на такую эмоцію, которая составляетъ отличительное достояніе человѣческой природы и которая возвышаетъ эту природу надъ обычнымъ зоологическимъ существованіемъ. Человѣкъ, по своей общей физической и психической организаціи, есть одно изъ высшихъ животныхъ и именно этимъ интеллектуальнымъ чувствомъ возвышается надъ животными, поскольку у человѣка обнаруживается эта своеобразная жажда знаній, жажда, которая не имѣетъ узко-практическаго характера, а наоборотъ, повидимому, является вполнѣ безкорыстной. Это, нужно сказать о дѣятельности многихъ ученыхъ и даже такихъ, напряженная работа которыхъ приводила къ извѣстнымъ открытіямъ, цѣннымъ съ практической точки зрѣнія и въ высшей степени важнымъ для блага всего человѣчества. Но въ ос-

новѣ этихъ стремленій часто лежали не утилитарныя побужденія, а именно эта безпредѣльная жажда знаній, совершенно безъ яснаго представленія тѣхъ практическихъ результатовъ, которые могутъ получиться на почвѣ такой безкорыстной работы. Конечно, мы едва ли можемъ констатировать въ такой работѣ окончательное удовлетвореніе, наоборотъ, здѣсь можетъ быть цѣлый рядъ разочарованій, когда ясно обнаруживается, что достигнутая ступень оказывается еще очень далекою отъ того, что имѣлось въ виду, что здѣсь предполагается цѣлый рядъ продолжительной напряженной работы, относительно которой еще неизвѣстно, чѣмъ она кончится. Можетъ быть, въ связи съ чисто психологическимъ анализомъ этой дѣятельности, намъ окажутся понятными слова ветхозавѣтнаго мудреца, который говоритъ, что „кто умножаетъ познаніе, тотъ умножаетъ скорбь". Несмотря на это какъ будто непріятное эмоціональное переживаніе, это чувство, это стремленіе является глубоко цѣннымъ и составляющимъ самую существенную особенность человѣческой природы, входящимъ, какъ основной элементъ, въ понятіе достоинства человѣка, такъ что, съ этой точки зрѣнія всѣ эти разочарованія ни въ какомъ случаѣ не могутъ стать выше того чувства душевной удовлетворенности, которое получается здѣсь. Съ другой стороны, и самая неполнота этого удовлетворенія есть залогъ того безконечнаго умственнаго прогресса, который является столь типичнымъ для человѣческаго ума и даже для человѣческаго духа. Такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи о какомъ нибудь другомъ, кромѣ положительнаго, отноше-

ніи къ этой эмоціи. Поэтому и важно опредѣлить, въ чемъ можетъ выражаться это положительное отношеніе со стороны воспитателя. Дѣло въ томъ, что это стремленіе, это чувство, какъ я уже не разъ говорилъ, является эмоціей инстинктивной природы и естественно обнаруживается и развивается у всякаго нормальнаго ребенка. Но тѣмъ не менѣе здѣсь, въ извѣстные моменты развитія, необходимо указать болѣе или менѣе опредѣленное отношеніе, которое можетъ предохранить отъ нѣкоторыхъ нежелательныхъ явленій въ этомъ процессѣ естественнаго роста названной эмоціи. Въ частности, здѣсь заслуживаетъ вниманія тотъ возрастъ, въ который обнаруживается любознательность ребенка, уже въ связи съ развитіемъ его рѣчи, когда эта любознательность выражается въ цѣломъ рядѣ дѣтскихъ вопросовъ, когда дѣти испытываютъ какъ бы своеобразный вопросительный зудъ на почвѣ обостренія интеллектуальнаго чувства. Такого рода явленія въ области дѣтской жизни мы можемъ наблюдать въ эпоху трехъ, четырехъ, пяти лѣтъ и позднѣе, когда здѣсь, дѣйствительно, передъ родителями и воспитателями ставится цѣлый рядъ вопросовъ, повидимому, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ естественному росту дѣтскаго интеллекта. Здѣсь является передъ нами вопросъ, какъ относиться къ этой дѣтской любознательности, къ этой дѣтской вопросительности въ этотъ періодъ: слѣдуетъ ли ее удовлетворять во всѣхъ случаяхъ и если слѣдуетъ, то въ какой формѣ; или, можетъ быть, здѣсь требуется даже извѣстное ограничительное отношеніе, которое и указывается нѣкоторыми педагогами - какъ старыми, такъ и новыми. Дѣло въ томъ, что мы, съ 17-го вѣка,

имѣемъ здѣсь ясно выраженное отношеніе къ этому вопросу, отношеніе, которое мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Локка, въ его извѣстныхъ „Мысляхъ о воспитаніи" Локкъ настаиваетъ на необходимости обострять эту дѣтскую любознательность, обнаруживающуюся въ вопросительности, поддерживать всякаго рода похвалами при другихъ дѣтяхъ, при взрослыхъ, подчеркиваніемъ того, что ребенокъ какъ бы достигаетъ здѣсь степени взрослаго человѣка и можетъ высказывать извѣстныя самостоятельныя сужденія и т.д.На этой почвѣ можетъ формироваться то чувство человѣческаго достоинства, которое является цѣннымъ во всѣ эпохи дѣтскаго развитія. Но нѣсколько позднѣе, въ 18-мъ столѣтіи, мы встрѣчаемъ другое, противоположное отношеніе - у Руссо, который въ своемъ знаменитомъ „Эмилѣ" высказываетъ совершенно противоположныя мысли и подвергаетъ критикѣ приведенное мнѣніе Локка. Руссо настаиваетъ на томъ, что взрослымъ не нужно насильно вторгаться въ процессъ естественнаго развитія дѣтей, надо предоставить ихъ свободному росту, и поэтому всякія искусственныя мѣры обостренія дѣтской любознательности, которыя мы встрѣчаемъ у Локка, оказываются вредными, такъ какъ нарушаютъ этотъ процессъ естественнаго роста, когда сюда вносится нѣчто такое, что само собою не могло бы здѣсь возникнуть на этой ранней стадіи. Что касается этихъ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, то по моему мнѣнію, онѣ обѣ являются крайними, и истина, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, можетъ быть ближе къ серединѣ между этими двумя взглядами. Анализируя этотъ процессъ дѣтской любознательности въ такой ранній періодъ, мы должны

высказать общее положеніе, что всѣ дѣтскіе вопросы должны вызывать къ себѣ очень тщательное отношеніе, т.е. здѣсь не можетъ быть отношенія чисто пассивнаго - не обращенія вниманія и т.д., хотя бы эти вопросы, при болѣе глубокомъ анализѣ, оказались бы не вытекающими изъ настоящей дѣтской пытливости. Во всякомъ случаѣ, этотъ предварительный анализъ долженъ имѣть мѣсто, независимо отъ того, къ какимъ результатамъ онъ приведетъ. Поэтому здѣсь на обязанности родителей и воспитателей лежитъ указанное тщательное отношеніе. Между тѣмъ, обыкновенно мы встрѣчаемъ крайности, указанныя мною, и чаще всего такую крайность, когда на многіе изъ этихъ вопросовъ не обращаютъ никакого вниманія, не желаютъ войти въ положеніе ребенка, не желаютъ обнаружить нѣкотораго напряженія или усилія, необходимаго для разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ или, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы разобраться, изъ какого источника они проистекаютъ. Итакъ, необходимъ предварительный анализъ всѣхъ дѣтскихъ вопросовъ, разъ только они являются и замѣчаются взрослыми. Но, разумѣется, въ результатѣ такого анализа могутъ получаться различные выводы и не только всегда положительные для ребенка. Именно, анализъ этихъ вопросовъ иногда можетъ показать, что ребенокъ при задаваніи этихъ вопросовъ руководится не чисто интеллектуальнымъ чувствомъ, что иногда эти вопросы проистекаютъ не изъ настоящей любознательности, но что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они обязаны своимъ происхожденіемъ какимъ нибудь другимъ чувствамъ, большей частью, эгоистическимъ, когда ребенокъ желаетъ обратить на себя вниманіе, занять взрослыхъ,

когда, слѣдовательно, обнаруживается своеобразное тщеславіе. Часто наблюдаются такіе случаи, что ребенокъ старается задать какъ можно больше вопросовъ и въ то же время не выслушиваетъ даваемыхъ отвѣтовъ. Очевидно, для него важно задать вопросъ, но не важно получить отвѣтъ, для него важнѣе обратить на себя вниманіе, чѣмъ имѣть полное знаніе относительно того, что является предметомъ этихъ вопросовъ. Поэтому не всѣ виды дѣтской вопросительности должны встрѣчать къ себѣ только положительное отношеніе. Въ случаѣ отрицательныхъ явленій, на которыя я указалъ и которыя могутъ требовать къ себѣ соотвѣтствующаго отношенія, здѣсь можетъ имѣть мѣсто и извѣстнаго рода ограниченіе такого рода вопросительности, но тутъ воспитателямъ нужно быть въ высшей степени осторожными и бояться, какъ бы вмѣстѣ съ плевелами не вырвать и пшеницы. Вѣдь большинство дѣтскихъ вопросовъ, несомнѣнно, обязаны своимъ происхожденіемъ естественно развивающейся и постепенно укрѣпляющейся дѣтской любознательности, и поэтому, разумѣется, требуется къ этимъ вопросамъ болѣе тщательное отношеніе съ положительной стороны, т.е. удовлетвореніе ихъ въ той формѣ, въ которой это возможно, соотвѣтственно дѣтскому возрасту. Это удовлетвореніе должно находиться въ связи съ общимъ характеромъ развитія ребенка, такъ какъ здѣсь невозможно удовлетвореніе этой любознательности въ той формѣ, въ какой это приложимо къ взрослымъ людямъ. Дѣти иногда задаютъ цѣлый рядъ такихъ вопросовъ, отвѣты на которые въ сущности могутъ быть имъ совершенно недоступны, такъ какъ для пониманія извѣстнаго явленія требуется такая степень раз-

витія, до которой еще очень далеко маленькому ребенку. Поэтому естественно, что удовлетвореніе этой любознательности должно находиться въ соотвѣтствіи съ общимъ умственнымъ уровнемъ и должно происходить въ такой формѣ, которая является доступной для ребенка, а поэтому иногда это удовлетвореніе будетъ очень элементарнымъ, частичнымъ и неполнымъ. Полное, совершенное познаніе возможно только на болѣе поздней ступени. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ попытками какъ бы провизорнаго, временнаго удовлетворенія любознательности; оно можетъ получить дальнѣйшее развитіе и осложненіе по мѣрѣ общаго духовнаго роста. Что касается этихъ разнообразныхъ вопросовъ, то, хотя они и возникаютъ въ силу естественной пытливости, однако они носятъ часто такой характеръ, который является типичнымъ для дѣтей и который не выражаетъ настоящей природы знанія. Именно эти дѣтскіе вопросы, какъ всѣмъ извѣстно, окрашены своеобразнымъ антропоморфизмомъ, который выражается въ томъ, что дѣти задаютъ такіе вопросы, какъ - „для чего", „кто сдѣлалъ", „откуда" и т.д. Эти вопросы указываютъ на то, что въ дѣтяхъ преобладаетъ антропоморфическое истолкованіе природы, когда самыя разнообразныя явленія, окружающія дѣтей, объясняются послѣдними по типу человѣческой дѣятельности, по тому типу, который болѣе всего извѣстенъ и непосредственно знакомъ самимъ дѣтямъ. Конечно, такая точка зрѣнія является очень несовершенной и элементарной, не соотвѣтствующей настоящему теченію событій, и потому естественно, конечно, ограниченіе этого взгляда, его исправленіе путемъ созданія убѣжденія, что многіе изъ этихъ во-

просовъ являются совершенно неприложимыми къ окружающему міру. Происхожденіе этихъ вопросовъ объясняется тѣмъ, что ребенку и самый міръ представляется какъ большой домъ, какъ произведеніе, созданное лицомъ или существомъ, которое все это сдѣлало для человѣка, которое откуда-то все принесло и все устроило. Разъясненіе неумѣстности и неприложимости этихъ вопросовъ является совершенно неизбѣжнымъ, когда здѣсь оказывается необходимымъ постепенно переводить мышленіе ребенка на путь естественнаго познанія предметовъ и явленій, когда между этими предметами и явленіями устанавливается другая связь, очень далекая отъ тѣхъ связей и отношеній, которыя устанавливаются указаннымъ антропоморфическимъ путемъ. Все это указываетъ на то, что удовлетвореніе дѣтской любознательности въ этомъ раннемъ возрастѣ требуетъ въ высшей степени тщательнаго и внимательнаго отношенія, и здѣсь основнымъ принципомъ должно служить то общее положеніе, чтобы эта любознательность являлась продуктомъ естественнаго органическаго роста, и чтобы не было, слѣдовательно, внушенныхъ знаній, которыя идутъ сверху, а не снизу, которыя пассивно накладываются на душу или на умъ ребенка, а не являются результатомъ естественнаго расцвѣта природныхъ задатковъ, существующихъ у всякаго нормальнаго ребенка.

Здѣсь естественно мы сталкиваемся съ вопросомъ объ удовлетвореніи этой любознательности въ болѣе позднiй періодъ, въ періодъ школьной жизни. Этотъ вопросъ имѣетъ большое практическое значеніе, потому что, какъ показываетъ практика

школьной жизни, не всегда оказывается возможнымъ итти на встрѣчу пробуждающимся запросамъ ребенка, постепенно растущей и развивающейся любознательности. Мы часто наблюдаемъ такіе факты, что дѣти, которыя обнаруживали исключительную любознательность въ дошкольной жизни, поступивши въ школу, оказываются какъ бы потерявшими эту жажду знаній. У нихъ притупляется естественная вопросительность и пытливость. Несомнѣнно, если такія явленія встрѣчаются, то они объясняются тѣмъ, что въ школѣ дѣти не находятъ полнаго удовлетворенія той естественной жажды знаній, которая уже возникла и даже укрѣпилась въ предшествующій періодъ. Причина этого лежитъ въ томъ, что въ условіяхъ школьнаго воспитанія или обученія приходится имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ дѣтей, выросшихъ въ различной обстановкѣ, у которыхъ уже сложились опредѣленные интересы, у которыхъ обнаружились уже извѣстные задатки, иногда, можетъ быть, даже очень исключительныя интеллектуальныя способности. И, конечно, очень трудно пойти навстрѣчу всѣмъ этимъ запросамъ, очень трудно индивидуализировать процессъ воспитанія, а, главнымъ образомъ, обученія, хотя эта индивидуализація, въ извѣстной мѣрѣ, является необходимой. Конечно, она оказывается осуществимой въ зависимости отъ болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условій, когда, напримѣръ, имѣется небольшое количество учащихся въ классѣ, когда есть возможность болѣе подробно изучить ихъ индивидуальныя стремленія, главнымъ образомъ, въ области знанія и пойти навстрѣчу удовлетворенію этихъ естественныхъ индивидуальныхъ задатковъ. Но часто это сдѣлать очень нелегко,

и въ этомъ заключается основной недостатокъ школьнаго обученія, въ особенности въ традиціонныхъ условіяхъ, когда очень трудно осуществить принципъ индивидуализаціи въ той мѣрѣ, въ какой это желательно по существу. Правда, въ послѣднее время мы видимъ попытку осуществить такую индивидуализацію не столько въ нашей русской школѣ, сколько въ западныхъ школахъ, когда мы встрѣчаемъ стремленіе распредѣлять дѣтей, въ предѣлахъ класса, на группы съ точки зрѣнія развитія силъ, способностей, умственныхъ интересовъ, такъ что здѣсь съ извѣстными дѣтьми ведутся особыя своеобразныя занятія, соотвѣтственно ихъ природнымъ задаткамъ. Такого рода раздѣленіе, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ и возможно, но все-таки къ нему нужно относиться съ большой осторожностью. Въ общей формѣ это явленіе допустимо только тогда, когда идетъ рѣчь не о дѣтяхъ нормальной одаренности, но о дѣтяхъ, стоящихъ ниже средняго уровня, ниже нормы, о дѣтяхъ, отсталыхъ въ умственномъ отношеніи. Что касается этого послѣдняго раздѣленія, то оно естественно потому, что въ отношеніи дѣтей, умственно отсталыхъ, требуется гораздо большая интенсивность занятій и цѣлый рядъ своеобразныхъ пріемовъ, которые трудно осуществить въ условіяхъ нормальной школы. Такое выдѣленіе этого контингента лицъ является вполнѣ законнымъ, если это выдѣленіе происходитъ на почвѣ предварительнаго тщательнаго анализа этихъ дѣтей, когда уже путемъ предшествующей учебной практики установлена сравнительно малая одаренность извѣстныхъ дѣтей, ихъ уклоненіе отъ средняго уровня и когда выяснилась необходимость въ болѣе интенсивномъ,

спеціальномъ воздѣйствіи. Но, конечно, можно смотрѣть на дѣло иначе и можно имѣть передъ собою другіе виды этого раздѣленія съ точки зрѣнія способностей, когда идетъ рѣчь не о способностяхъ ниже средняго уровня, а о способностяхъ выше среднихъ и когда есть попытка выдѣлить наиболѣе одаренныхъ лицъ совершенно особо и уже съ ними вести своеобразныя занятія. Такого рода точка зрѣнія, такого рода попытки, конечно, связаны съ цѣлымъ рядомъ нежелательныхъ послѣдствій,. когда предполагается такое раздѣленіе дѣтей, которое не имѣетъ для себя настоящаго объективнаго основанія, когда раздѣленіе по способностямъ съ этой точки зрѣнія можетъ привести къ непріятнымъ результатамъ, въ видѣ недостаточно мотивированнаго возвышенія однихъ надъ другими, когда здѣсь признается окончательно доказаннымъ то, что по существу является очень сомнительнымъ. Мы знаемъ, что иногда это раннее обнаруженіе даровитости впослѣдствіи не подтверждается, съ другой стороны, мы нерѣдко можемъ наблюдать довольно медленное развитіе яркихъ положительныхъ качествъ, которыя болѣе пышно расцвѣтаютъ иногда очень поздно, такъ что, съ этой точки зрѣнія, такое дѣленіе, такая преждевременно принятая классификація можетъ вызвать и нѣкоторыя нежелательныя послѣдствія - въ видѣ возбужденія чувства тщеславія, крайняго самомнѣнія - у однихъ и въ видѣ подавленія вѣры въ собственныя силы - у другихъ, тогда какъ для послѣдняго нѣтъ никакихъ объективныхъ основаній. Все это указываетъ на то, что это разграниченіе дѣтей по разрядамъ, съ этой точки зрѣнія, является не только дѣломъ очень серьезнымъ, но и требующимъ съ себѣ крайне тщательнаго отношенія, а иногда, мо-

жетъ быть, даже опаснымъ при недостаточно глубокомъ, а тѣмъ болѣе поверхностномъ отношеніи къ этому раздѣленію. Здѣсь только можно указать на то, что несмотря на трудность всего этого, самый процессъ извѣстной индивидуализаціи, процессъ, въ силу котораго приходится считаться съ наиболѣе ярко выраженными естественными задатками, такой процессъ является неизбѣжнымъ, и здѣсь приходится, конечно, отмѣчать эти черты исключительной одаренности. При этомъ можетъ наблюдаться нѣкоторое равнодушіе къ другимъ знаніямъ, и съ этимъ обстоятельствомъ нужно считаться, не жертвуя, конечно, необходимою разносторонностью общаго курса. Во всякомъ случаѣ приходится обращать вниманіе на исключительную культуру такихъ задатковъ, которые наиболѣе ярко выражены уже отъ самой природы. Все это указываетъ на то, что въ процессѣ развитія дѣтской любознательности должно принадлежать большое значеніе тому, что мы называемъ интересомъ и что связано съ развитіемъ чувства у дѣтей. Именно этому элементу интереса принадлежитъ большое значеніе на всѣхъ ступеняхъ обученія, и съ этой точки зрѣнія важно считаться съ этими уже сложившимися интересами и вкусами на самыхъ начальныхъ стадіяхъ обученія. Между тѣмъ въ традиціонной школѣ мы наблюдаемъ тотъ существенный недостатокъ, что нерѣдко, въ качествѣ обязательнаго и самаго важнаго и существеннаго матеріала, предлагаются такого рода предметы, которые не имѣютъ никакой связи съ тѣми интересами, какіе являются уже доминирующими у дѣтей опредѣленнаго возраста. На почвѣ такого антипсихологическаго отношенія и могла создаться поговорка, типичная для старой школы, что „корни уче-

нія горьки", когда предполагается, что этотъ первоначальный, исходный процессъ по существу долженъ казаться непріятнымъ, тяжелымъ. Между тѣмъ, такая точка зрѣнія оказывается совершенно неправильной. Преслѣдуя тѣ же элементарныя цѣли, можно сдѣлать этотъ процессъ гораздо болѣе легкимъ, доставляющимъ значительное пріятное чувство успѣшной дѣятельности, какъ это и можно наблюдать въ современныхъ условіяхъ воспитанія и обученія, гдѣ эти трудности существуютъ, но въ очень малой степени, настолько, насколько это необходимо для возбужденія интеллектуальной энергіи дѣтей. Далѣе, разсматривая отношеніе воспитателя къ развитію любознательности въ послѣдующіе періоды, т.е. въ эпоху отрочества и юношества, мы должны обратить вниманіе на такой фактъ, какъ раннее обнаруженіе симпатіи къ какому нибудь занятію, къ какому нибудь опредѣленному предмету, при чемъ эта симпатія связана или съ естественными задатками ребенка или съ цѣлымъ рядомъ другихъ условій, которыя даютъ себя знать очень рано, иногда - въ періодъ еще дошкольной жизни. Съ такого рода симпатіей, конечно, приходится неизбѣжно считаться и необходимо итти ей навстрѣчу, поскольку можно видѣть болѣе глубокіе задатки, болѣе углубленное стремленіе къ изученію опредѣленныхъ предметовъ, что уже наиболѣе ярко выражается позднѣе, въ эпоху сознательной жизни - въ эпоху поздняго юношества и зрѣлаго возраста. Здѣсь только надо имѣть въ виду устраненіе нежелательной и односторонней спеціализаціи, которая нерѣдко можетъ наблюдаться на почвѣ этой симпатіи и которая можетъ выражаться въ равнодушіи и даже пренебреженіи къ другимъ предме-

тамъ общеобразовательнаго цикла, къ такимъ предметамъ, которые не представляютъ тѣсной связи съ этимъ излюбленнымъ занятіемъ, но которые оказываются все-таки цѣнными, въ цѣляхъ наиболѣе полнаго общаго образованія. Такое устраненіе этой односторонности и стремленіе къ расширенію умственнаго кругозора, къ освобожденію отъ этой умственной исключительности является вполнѣ естественнымъ, и на этомъ должна настаивать педагогика. Затѣмъ уже позднѣе мы видимъ постепенно сложившуюся симпатію къ опредѣленнымъ занятіямъ въ высшей школѣ, выборъ которыхъ обуславливается цѣлымъ рядомъ причинъ, но на подробномъ анализѣ послѣднихъ мы не можемъ теперь останавливаться. Здѣсь имѣютъ мѣсто и индивидуальныя природныя предрасположенія и, можетъ быть, предшествующая практика обученія, и различнаго рода соображенія теоретическаго и практическаго характера, которыя складываются у юношей въ этотъ сознательный періодъ жизни. Такого рода спеціализація является совершенно естественной, и здѣсь только важно устраненіе того нежелательнаго практицизма, который нерѣдко создается на почвѣ такого рода стремленій и выражается между прочимъ, въ томъ же отмѣченномъ мною пренебрежительномъ отношеніи къ другого рода знаніямъ и профессіямъ и который видитъ въ опредѣленномъ занятіи нѣчто цѣнное только съ узко-утилитарной точки зрѣнія. Такого рода направленіе умственной дѣятельности является одностороннимъ, и здѣсь важно развивать стремленіе къ знанію въ широкомъ смыслѣ слова, пробуждать жажду знанія ради самого знанія. Съ этой точки зрѣнія, важно устранять опредѣленные принципы, иногда дѣйствующіе та-

кимъ тормозящимъ образомъ при созданіи общаго широкаго міросозерцанія, которое должно отличаться наибольшей терпимостью, рядомъ съ которымъ могутъ допускаться и другія точки зрѣнія, которыя съ перваго раза могутъ показаться мало согласуемыми.

Этимъ я закончу свой анализъ интеллектуальнаго чувства. Мнѣ придется сказать еще нѣсколько словъ о двухъ отрицательныхъ формахъ этого чувства, о которыхъ говорятъ современные психологи - Рибо и нѣкоторые другіе. Это всѣмъ извѣстныя чувства - скептицизма и мистицизма. Что касается перваго изъ этихъ терминовъ, то имъ обозначается состояніе сомнѣнія, какъ такое состояніе, которое характеризуется недостаткомъ вѣры въ себя, въ силу знанія, въ силы нашего ума и нашей познавательной способности вообще. Но понятіе скептицизма, какъ извѣстно, довольно неопредѣленное, расплывчатое. Въ извѣстномъ смыслѣ скептицизмъ является естественнымъ состояніемъ нашего духа, когда подъ нимъ разумѣется критическое отношеніе къ различнаго рода знанію, являющееся даже движущимъ нервомъ всѣхъ научныхъ изслѣдованій. Такого рода скептицизмъ нужно только привѣтствовать, такъ какъ онъ не является безцѣльнымъ, безплоднымъ, а заставляетъ углубляться въ научныя изслѣдованія, и въ результатѣ этихъ изслѣдованій могутъ получаться такія пріобрѣтенія ума, которыя, дѣйствительно, колеблютъ общепринятые принципы. Все это является залогомъ дальнѣйшаго научнаго прогресса. Но когда говорятъ о скептицизмѣ, какъ объ отрицательной формѣ, то предполагаютъ тѣ виды сомнѣнія, которые связаны отчасти съ ослабленіемъ самой познавательной дѣятельности, отчасти съ отсутствіемъ всякой ум-

ственной устойчивости. Въ этомъ случаѣ наблюдается постоянное отчасти интеллектуальное, отчасти эмоціональное волевое колебаніе, когда испытывается то, что Рибо называетъ постояннымъ умственнымъ безпокойствомъ, когда человѣкъ не знаетъ, на чемъ остановиться, когда какъ бы парализуется его непосредственная практическая и теоретическая дѣятельность. Такого рода сомнѣніе является, конечно, отрицательнымъ фактомъ, и если оно проявляется въ рѣзкой, ярко выраженной формѣ, то оказывается патологическимъ, потому что такое состояніе постояннаго сомнѣнія и нерѣшительности совершенно не соотвѣтствуетъ нормальной человѣческой дѣятельности; эта дѣятельность должна въ чемъ либо осуществляться, и если этого осуществленія нѣтъ, то нѣтъ и самой жизни. Слѣдовательно здѣсь, въ основѣ такого рода явленій можетъ лежать какое нибудь патологическое разстройство, болѣзненный процессъ, который требуетъ устраненія въ направленіи развитія дѣятельности, активности вообще, въ смыслѣ конкретнаго обнаруженія своихъ мыслей и чувствъ, а не въ смыслѣ только теоретическаго переживанія. Что касается теперь понятія мистицизма, то это понятіе тоже носитъ различные оттѣнки, и съ этими различіями мы встрѣчаемся и въ области философіи, и въ области религіи и, отчасти, въ области литературы, когда здѣсь обнаруживаются крайне типичныя черты для опредѣленныхъ формъ мистицизма. Все это разнообразіе мистическихъ состояній можетъ характеризоваться нѣкоторыми общими свойствами, къ числу которыхъ можно отнести такую особенность, какъ пониженіе вѣры въ силу логической дѣятельности, въ силу дискурсивнаго ума и въ связи съ этимъ раз-

витіе убѣжденія въ томъ, что возможно постиженіе истины другимъ путемъ, путемъ чувства, путемъ непосредственнаго проникновенія, путемъ своеобразной интуиціи. Причемъ, нерѣдко, въ этомъ процессѣ постиженія истины, предполагается какъ будто помощь какого то высшаго, превосходящаго насъ существа. Это въ особенности наблюдается въ главныхъ формахъ религіознаго мистицизма, гдѣ высшая ступень этого процесса предполагаетъ какъ бы снисхожденіе божества, сліяніе человѣка или человѣческихъ переживаній съ жизнью самого божества. Это мы наблюдаемъ въ различныхъ формахъ религіозной мистики и въ дохристіанскій періодъ, и въ эпоху христіанства. Наиболѣе типичной чертой здѣсь является указанное мной ослабленіе вѣры въ силу разума и повышенная вѣра въ роль чувства, интуиціи. Что касается отношенія къ этому явленію со стороны воспитателя, то, конечно, это состояніе, какъ и состояніе скептицизма, возможно уже въ эпоху зрѣлаго возраста, въ эпоху возмужалости или поздняго юношества. Но здѣсь нужно замѣтить, что, прежде всего, въ понятіи мистицизма необходимо выдѣлить элементъ интуиціи, тотъ элементъ, который имѣетъ большое значеніе въ процессѣ познанія вообще и который наблюдается въ обычной нормальной дѣятельности. Мы разумѣемъ работу творческаго воображенія, когда въ познаніи, уже прошедшемъ чисто-логическую стадію, обнаруживается нѣкоторый элементъ открытія, установленія такихъ связей, которыя не выводятся только логически, но которыя, въ этой послѣдней стадіи, восполняются особымъ напряженіемъ психики, чувства, а, можетъ быть, и воли и вообще

представляютъ собою нѣчто такое, что не можетъ быть строго раціонализировано. Такой элементъ интуиціи является совершенно неизбѣжнымъ во всякомъ процессѣ творчества и, въ частности, научнаго творчества, но онъ имѣетъ положительное значеніе только тогда, когда подготовленъ логически, когда здѣсь уже есть извѣстная почва для того открытія или для того какъ бы наитія, которое совершается здѣсь. И съ этой точки зрѣнія всѣ естественно-научныя и вообще научныя открытія, какъ бы безсознательными ихъ ни считали, всѣ они являются на почвѣ продолжительной предварительной работы или отдѣльнаго индивидуальнаго человѣческаго ума или, можетъ быть, цѣлой генераціи человѣческихъ умовъ. Съ этой точки зрѣнія интуиція является конечной, завершительной стадіей въ очень сложныхъ процессахъ, и здѣсь нѣтъ полнаго противорѣчія между логической дѣятельностью и работой интуиціи. Такого рода интуиція, если ее можно назвать мистицизмомъ, оказывается вполнѣ естественной и встрѣчается въ качествѣ достоянія наиболѣе одаренныхъ умовъ. Но можно говорить о мистицизмѣ и въ другомъ смыслѣ слова, когда понимаютъ этотъ терминъ болѣе широко, когда предполагаютъ возможность для каждаго человѣка - обыкновенныхъ среднихъ способностей - получать путемъ своеобразнаго вдохновенія или откровенія такое знаніе, которое не дается чисто логическимъ путемъ, когда здѣсь предполагаются общее эмоціональное возбужденіе и напряженіе и чисто внутреннія переживанія, не связанныя съ логическими опредѣленіями и планомѣрной ум-

ственной дѣятельностью. Такого рода мистицизмъ, конечно, можетъ разсматриваться часто какъ отрицательное явленіе, выражаясь въ видѣ субъективнаго состоянія, которое, не имѣя никакой объективной цѣнности, можетъ быть даже губительнымъ для самого человѣка, въ особенности въ извѣстные моменты. Здѣсь слишкомъ большой просторъ для произвола и субъективизма, иногда даже - для того, чтобы признать не только свое нормальное состояніе, а можетъ быть даже чисто патологическое переживаніе за какой-то своеобразный высшій процессъ, сопровождающійся озареніемъ или откровеніемъ свыше. Такого рода настроенія едва ли, конечно, являются цѣнными и съ педагогической точки зрѣнія, и съ обще психологической и, конечно, они требуютъ къ себѣ часто, можетъ быть, отрицательнаго отношенія, тѣмъ болѣе, что нерѣдко эти формы мистицизма развиваются на патологической почвѣ. Дѣло въ томъ, что мистицизмъ очень часто встрѣчается у людей не только физически слабыхъ или нервно больныхъ, но иногда и у прямо психически нездоровыхъ. Мало того, многія формы психическихъ заболѣваній характеризуются именно обостреніемъ мистицизма. Здѣсь есть инстинктивное сознаніе слабости своего ума и вѣра въ такія формы своей психики, которыя при нормальныхъ условіяхъ оказываются менѣе цѣнными и контролируемыми дѣятельностью разума. Однако такія иногда безспорно патологическія состоянія принимаются за явленія высшаго типа, за такія исключительныя переживанія, которыя цѣнны и въ познавательномъ смыслѣ. Едва ли, конечно, здѣсь можетъ быть положительное отношеніе ко всему этому съ точки зрѣнія воспитанія, и во всякомъ случаѣ здѣсь

есть нѣкоторое основаніе опасаться, какъ бы нѣкоторыя въ высшей степени болѣзненныя и индивидуальныя проявленія не принимались за то, что является выраженіемъ наиболѣе сложныхъ душевныхъ переживаній, поскольку послѣднія обыкновенно наблюдаются въ совокупномъ дѣйствіи или во взаимодѣйствіи самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашей психики. Съ этой точки зрѣнія важно не ослаблять вѣру въ силу нашего ума, а именно признавать цѣнность этой вѣры, и необходимо, конечно, распространеніе умственнаго контроля и на другія сферы нашего духа. И только тогда, когда уже здѣсь, на почвѣ всесторонняго и широкаго изслѣдованія, можетъ получиться какой нибудь остатокъ, который не вмѣщается въ формы чисто логическаго истолкованія,- только тогда можно говорить о такомъ своеобразномъ интуитивномъ объясненіи. Но принимать все это своеобразное море чувства - очень смутное, неопредѣленное, туманное, иногда даже, можетъ быть, болѣзненное - за выраженіе высшаго откровенія оказывается совершенно неосновательнымъ и, можетъ быть, даже вреднымъ. Слѣдовательно, здѣсь важно различать формы мистицизма, и соотвѣтственно съ этимъ различіемъ устанавливать къ нему своеобразное отношеніе, имѣющее цѣнность и съ точки зрѣнія педагогики.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЧУВСТВО.

Я перехожу теперь къ характеристикѣ эстетическаго чувства. Что касается самой природы эстетическаго чувства съ точки зрѣнія чисто психологической, то это чувство непосредственно извѣстно всѣмъ, какъ своеобразное душевное переживаніе, связан-

ное съ воспріятіемъ прекраснаго. Изъ этого опредѣленія эстетической эмоціи можно видѣть, что, съ одной стороны, она тѣсно связана съ опредѣленными впечатлѣніями на нашу организацію, съ другой стороны, здѣсь имѣетъ мѣсто цѣлый рядъ объективныхъ процессовъ, которые и являются предметами соотвѣтствующихъ воспріятій и вызываютъ извѣстныя эмоціональныя состоянія, пріятныя или непріятныя. Съ внѣшней стороны, съ точки зрѣнія такого общаго выраженія, это чувство имѣетъ различныя формы. Оно можетъ наблюдаться въ видѣ спокойнаго, ровнаго состоянія,- но своеобразныя пріятныя эстетическія переживанія могутъ встрѣчаться и въ болѣе рѣзко выраженной формѣ, когда ясно констатируются извѣстные органическіе процессы, и это проявленіе органической дѣятельности замѣтно и по внѣшности. Такъ, мы наблюдаемъ въ этихъ случаяхъ блескъ глазъ, усиленное кровообращеніе, сами испытываемъ своеобразныя ощущенія - въ видѣ дрожи, мурашекъ, захватыванія дыханія и т.д. Значитъ, это чувство тѣсно связано и съ извѣстными органическими процессами. Относительно возникновенія этого чувства нужно сказать, что если мы будемъ брать это чувство въ болѣе общей, элементарной формѣ, какъ оно встрѣчается у людей, стоящихъ на различныхъ стадіяхъ культуры, у первобытнаго человѣка, у дѣтей и даже у животныхъ, то здѣсь это чувство связано съ двумя основными органами чувствъ: зрѣніемъ и слухомъ. Именно на почвѣ этихъ воспріятій получаются своеобразныя переживанія, которыя мы называемъ эстетическими. Конечно, здѣсь разумѣются только болѣе элементарныя формы этого чувства, которыя затѣмъ постепенно осложняются и къ которымъ присоединя-

ются затѣмъ болѣе высшія проявленія этой эмоціи; въ возникновеніи послѣднихъ принадлежитъ большая роль различнаго рода представленіямъ, ассоціаціямъ представленій, мыслямъ, идеямъ и различнымъ другимъ болѣе сложнымъ интеллектуальнымъ процессамъ. Затѣмъ, что касается объективныхъ причинъ этого рода состояній, какъ эти причины намъ даны въ самомъ процессѣ воспріятія, то, несомнѣнно, въ самихъ предметахъ, которые являются возбудителями этихъ воспріятій, есть уже извѣстныя черты, въ силу которыхъ и получается именно своеобразное пріятное ощущеніе. Намъ трудно дать исчерпывающую характеристику этихъ чертъ и въ особенности тѣхъ предметовъ, которые вызываютъ эстетическое впечатлѣніе. И все-таки въ общей формѣ эти черты можно свести къ явленіямъ ритма и гармоніи, понимаемымъ въ широкомъ смыслѣ слова, поскольку здѣсь предполагаются не только слуховыя, но и зрительныя впечатлѣнія. Здѣсь разумѣется и ритмъ въ области музыкальныхъ воспріятій, и аналогичныя явленія въ сферѣ зрительныхъ ощущеній, поскольку въ послѣднемъ случаѣ имѣется въ виду гармонія въ видѣ соотношенія частей, явленіе симметріи, своеобразная комбинація красокъ, цвѣтовъ, явленіе соотношенія формъ, очертаній предметовъ и т.д., вообще, гдѣ есть извѣстное своеобразное отношеніе или соотношеніе, которое можно свести въ общей формѣ къ такимъ основнымъ процессамъ, какъ ритмъ и гармонія. Это указываетъ на то, что это чувство, въ своихъ элементарныхъ формахъ,- чисто органической природы, поскольку здѣсь въ этихъ явленіяхъ мы можемъ видѣть нѣкоторыя причины пріятности или непріятности переживанія. Тутъ можетъ

быть заданъ вопросъ: почему же именно эти явленія гармоніи, симметріи, явленія ритма въ особенности, кажутся именно пріятными? Причины этого приблизительно могутъ быть указаны въ томъ, что всякаго рода ритмическая, гармоническая и симметрическая дѣятельность является наиболѣе легкой для организма, потому что здѣсь предполагается меньшая затрата силъ въ достиженіи наиболѣе цѣнныхъ результатовъ. Явленіе ритма встрѣчается въ жизни нашего организма вообще,- напримѣръ, въ симметріи частей нашего тѣла, различнаго рода ритмическихъ движеніяхъ, каковы движенія сердца и другихъ органовъ. Какъ мы можемъ наблюдать, это усиленіе ритмической дѣятельности облегчаетъ самый процессъ работы: Это можно сказать и о намѣренныхъ ритмическихъ движеніяхъ, о ритмическомъ пѣніи, когда всѣ такого рода акты облегчаютъ самую работу и дѣлаютъ менѣе ощутимой. Основаніе для этого можетъ лежать въ болѣе легкомъ и свободномъ теченіи общей органической дѣятельности, на почвѣ такого рода гармонизаціи или ритмичности процесса, и этимъ могутъ объясняться тѣ разнообразныя пріятныя переживанія, какія мы испытываемъ въ состояніяхъ, именуемыхъ эстетическими переживаніями. Затѣмъ, что касается участія здѣсь другихъ элементовъ, въ частности интеллектуальныхъ, то, конечно, имъ принадлежитъ большое значеніе. Они имѣютъ мѣсто уже въ непосредственныхъ эстетическихъ переживаніяхъ, въ связи съ зрительными и слуховыми воспріятіями, гдѣ уже есть извѣстный элементъ познавательной дѣятельности. Затѣмъ, осложненіе болѣе высокими интеллектуальными элементами встрѣчается постоянно, въ связи съ постепен-

нымъ ростомъ душевной жизни, когда здѣсь, въ процессѣ возникновенія эстетической эмоціи, принадлежитъ уже извѣстная роль не только непосредственному воспріятію, но и цѣлому ряду представленій или группъ представленій, извѣстнаго рода ассоціаціямъ. На почвѣ этихъ ассоціацій получается своеобразная эстетическая символизація, когда такія элементарныя воспріятія какъ, напр., воспріятіе красокъ, цвѣтовъ могутъ повести къ цѣлому ряду аналогій, имѣющихъ извѣстное эстетическое значеніе. Такъ, напр., красный цвѣтъ можетъ обозначать огонь, кровь, любовь, черный цвѣтъ - ночь, смерть, ужасъ. Здѣсь встрѣчается осложненіе дѣятельности непосредственнаго воспріятія привнесеніемъ извѣстнаго интеллектуальнаго элемента въ видѣ представленій. Затѣмъ, это привхожденіе интеллектуальнаго элемента въ процессъ эстетическихъ переживаній встрѣчается въ большей степени позднѣе, когда мы можемъ наблюдать здѣсь извѣстныя идеи, извѣстные принципы, на почвѣ которыхъ получается болѣе сложное эстетическое воспріятіе. Эти идеи и эти принципы объединяютъ какое-нибудь многообразіе, и здѣсь получается извѣстная цѣльность. Такимъ образомъ, осуществляется гармонія между матеріей и формою, ибо форма дѣйствительно объединяетъ разрозненные случаи и матеріалы, обусловливая собою упомянутое эстетически-цѣльное впечатлѣніе. Это единство въ многообразіи или воспріятіе такого единства требуетъ меньше затраты психической энергіи, чѣмъ воспріятіе разбросаннаго многообразія и, быть можетъ, этимъ и объясняется пріятность эстетическаго переживанія. Все это уже показываетъ намъ, что эстетическое чувство

имѣетъ біологическое происхожденіе, что оно связано съ процессомъ развитія и эволюціей человѣка. Корень его лежитъ очень глубоко, такъ какъ мы наблюдаемъ проявленіе этого чувства не только у людей, но и у высшихъ животныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ это чувство носитъ болѣе элементарный характеръ и связано только съ слуховыми и зрительными впечатлѣніями. Несомнѣнно, уже въ самыхъ объектахъ воспріятія, въ указанныхъ элементахъ ритма и гармоніи, лежитъ основаніе для этой пріятной эмоціи, когда эти воспріятія производятъ соотвѣтственныя измѣненія въ организмѣ, и въ результатѣ получается пріятное и отличное отъ человѣческихъ переживаній, но носящее во всякомъ случаѣ извѣстную эстетическую окраску состояніе, выражаемое цѣлымъ рядомъ процессовъ біологическаго характера. Эта эмоція и трактуется современной наукой, стоящей на эволюціонной точкѣ зрѣнія, - именно на такой біологической основѣ Дарвинъ первый пытался указать огромное значеніе этой эмоціи въ процессѣ развитія, эволюціи животнаго міра, когда большая роль эстетическаго чувства, - конечно, въ его элементарной формѣ - обнаруживается въ явленіи полового подбора. По мнѣнію Дарвина, когда происходитъ борьба между извѣстными особями, на почвѣ чисто біологической, развиваются и укрѣпляются извѣстныя свойства, важныя для нихъ въ этой борьбѣ. Такъ, напримѣръ, появляются у самцовъ нѣкоторыя украшенія, типичныя только для извѣстнаго періода и имѣющія съ этой точки зрѣнія чисто біологическую цѣнность. То же самое Дарвинъ говорилъ о пѣніи, которое встрѣчается у самцовъ и самокъ и получаетъ особый характеръ въ этотъ

періодъ соединенія половъ въ цѣляхъ воспроизведенія потомства, вызываетъ эмоцію, приближающуюся къ эстетической. Инстинктивность этого чувства, его въ этомъ смыслѣ прирожденность, какъ прирожденность многихъ инстинктовъ, которые въ своемъ существѣ могутъ быть связаны съ инстинктомъ самосохраненія или, какъ въ данномъ случаѣ, сохраненія и продолженія рода, такая инстинктивность заключается въ томъ, что это чувство является прирожденнымъ не только для современнаго человѣка, но и вообще для человѣка, независимо отъ степени культуры. Такъ, можно наблюдать проявленіе этого чувства на самыхъ раннихъ стадіяхъ человѣческаго существованія, гдѣ мы видимъ различные виды первобытнаго искусства, которое носитъ совершенно безкорыстный характеръ и, слѣдовательно, изъ котораго человѣкъ не извлекаетъ никакой личной матеріальной пользы. Это искусство проявляется очень рано, на почвѣ зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній, когда, напримѣръ, мы видимъ любовь къ украшеніямъ, а эти послѣднія являются болѣе ранними, чѣмъ одежда, хотя уже очень рано чувствовалась необходимость защищать себя отъ вліяній погоды. Все это указываетъ на изначальность этой эмоціи, на ея біологическій и общечеловѣческій характеръ. На ранней же стадіи человѣческаго существованія вскрывается и соціальное происхожденіе основныхъ элементарныхъ формъ искусства поскольку мы видимъ возникновеніе искусства въ связи съ цѣлымъ рядомъ явленій общежительнаго или соціальнаго характера, въ связи съ явленіемъ игры, но игры не единичной, а общественной, въ связи съ извѣстнаго рода танцами, плясками, пѣснями. Здѣсь чело-

ческая дѣятельность выражается во внѣ, человѣкъ какъ бы чувствуетъ избытокъ силъ и этотъ избытокъ находитъ опредѣленное внѣшнее обнаруженіе, доставляя пріятныя переживанія и тому, кто обнаруживаетъ этотъ избытокъ, и тому, кто является его свидѣтелемъ. На этой почвѣ, какъ вамъ извѣстно, и объясняется самая природа игръ, которыя встрѣчаются не только у человѣка, но и у животныхъ и которыя, съ одной стороны, являются, какъ бы выраженіемъ этого избытка силъ, а, съ другой стороны, все-таки всегда удерживаютъ свою связь съ основными инстинктами человѣческаго рода или животнаго міра - съ инстинктомъ самосохраненія, а отчасти инстинктомъ продолженія рода. Уже высшія животныя въ этихъ случаяхъ выполняютъ здѣсь цѣлый рядъ дѣйствій, которыя являются для нихъ цѣнными и съ точки зрѣнія дальнѣйшаго ихъ существованія и съ точки зрѣнія приспособленія къ той средѣ, въ которой приходится дѣйствовать животнымъ (теперь еще дѣтенышамъ). Такимъ образомъ, здѣсь есть не только одна безпорядочная трата энергіи, но и обнаруживается нѣкоторая связь съ тѣми условіями существованія, которыя являются неизбѣжными для извѣстныхъ животныхъ и къ которымъ эти животныя должны приспособиться. Эстетическое чувство, будучи такого біологическаго происхожденія, постепенно осложнялось и осложняется въ связи съ ростомъ культуры, когда мы можемъ наблюдать усиленіе интеллектуальныхъ элементовъ и когда, съ другой стороны, здѣсь развиваются такія формы этой эмоціи, какихъ мы не наблюдаемъ на болѣе ранней стадіи жизни человѣка. Въ частности, сюда можно отнести такую форму эстетическаго чувства,

какъ любовь къ природѣ, которая, какъ извѣстно, у первобытныхъ людей отсутствуетъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она встрѣчается у культурнаго человѣка, а равнымъ образомъ, ея нѣтъ и у ребенка въ раннемъ возрастѣ. И это, конечно, имѣетъ для себя объясненіе въ цѣломъ рядѣ условій, и не только въ сложности самихъ воспріятій этихъ картинъ природы какъ цѣлаго, но и въ томъ, что природа на этихъ раннихъ ступеняхъ человѣческаго существованія захватывала человѣка болѣе сильно другими своими сторонами, когда она являлась для него не только другомъ, но часто и врагомъ, когда человѣкъ долженъ былъ охранять себя и беречься отъ нѣкоторыхъ разрушительныхъ дѣйствій природы, когда, съ другой стороны, эта борьба за существованіе естественно заставила его сосредоточиться на болѣе близкихъ къ нему явленіяхъ и связывать ихъ съ непосредственными своими нуждами. Какъ бы то ни было, эта форма эстетической эмоціи несомнѣнно развивается гораздо позднѣе, чѣмъ другіе болѣе элементарные виды эстетическихъ переживаній.

Послѣ этой характеристики самыхъ общихъ свойствъ эстетическихъ эмоцій, мы должны перейти къ выясненію особенностей, которыя опредѣляютъ самый характеръ эстетическихъ сужденій, когда произносятся самые приговоры о хорошемъ и дурномъ съ точки зрѣнія эстетическаго чувства, когда, слѣдовательно, здѣсь явленія, воспринимаемыя человѣкомъ, классифицируются какъ прекрасныя или какъ безобразныя. Что касается основанія для этого различія, то по обыкновенному представленію, здѣсь будто бы существуетъ полная субъективность и не можетъ быть никакого согла-

шенія въ этомъ отношеніи, что и выражается въ извѣстномъ изре-
ченіи: „о вкусахъ не спорятъ". Но, конечно, при болѣе внима-
тельномъ разсмотрѣніи оказывается, что нельзя понимать указан-
ное положеніе въ буквальномъ смыслѣ, въ особенности, когда
идетъ рѣчь о болѣе элементарныхъ проявленіяхъ эстетической эмо-
піи, когда эти проявленія вызываются всѣмъ извѣстными, наиболѣе
часто встрѣчающимися возбудителями. Эстетическое сужденіе имѣ-
етъ для себя извѣстное основаніе въ объективномъ раздраженіи,
именно въ ранѣе указанныхъ элементахъ ритма, гармоніи и симмет-
ріи, каковыя свойства уже самымъ своимъ существованіемъ, несо-
мнѣнно, производятъ опредѣленное воздѣйствіе на организмъ и по-
рождаютъ пріятныя или непріятныя эмоціи эстетическаго характе-
ра, хотя, быть можетъ, и довольно элементарныя. Затѣмъ, здѣсь
несомнѣнно принадлежитъ большое значеніе и тому внутреннему на-
строенію, въ которомъ отражаются эти возбудители. По мѣрѣ ослож-
ненія самого воспріятія, по мѣрѣ расширенія самихъ объектовъ
воздѣйствія въ связи съ развитіемъ искусства, конечно, уже го-
раздо большее значеніе принадлежитъ этому субъективному факто-
ру, а не объективному. Далѣе, здѣсь нужно отмѣтить большую роль
въ процессѣ формированія эстетическаго вкуса, привычки, когда
здѣсь, какъ мы хорошо знаемъ, является эстетически цѣннымъ то,
что считается таковымъ въ извѣстныхъ условіяхъ, съ извѣстной
точки зрѣнія. Въ этомъ случаѣ, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, встрѣ-
чаются эстетическія сужденія объ одномъ и томъ же, доходящія до
полной противоположности.- напримѣръ, у культурнаго человѣка и
у дикаря. То, что является безобразнымъ съ точки зрѣнія куль-

турнаго человѣка, имѣетъ эстетическую привлекательность въ глазахъ дикаря, и наоборотъ, то чему придается такая большая эстетическая цѣнность культурнымъ человѣкомъ, можетъ быть совершенно безразличнымъ или даже эстетически непріятнымъ и отталкивающимъ въ глазахъ дикаря. Значитъ, этому элементу привычки, на почвѣ котораго создаются вообще опредѣленные критеріи или масштабы эстетической оцѣнки, принадлежитъ большая роль. Затѣмъ, важно, конечно, отмѣтить уже спеціальное воспитаніе, когда здѣсь идетъ рѣчь о намѣренномъ приспособленіи къ извѣстнымъ вкусамъ, когда дѣти привыкаютъ считать прекраснымъ то, что считаютъ таковымъ взрослые, или когда взрослые заставляютъ дѣтей называть прекрасными тѣ предметы, которые считаютъ красивыми взрослые. Здѣсь, слѣдовательно, идетъ рѣчь о принудительномъ и, можетъ быть, даже не всегда желательномъ воспитаніи эстетическаго вкуса. Однако же мы постоянно имѣемъ дѣло съ такого рода воспитаніемъ, основаннымъ на почвѣ знакомства съ различными произведеніями искусства, явленіями природы, и здѣсь, на почвѣ такого сознательнаго воздѣйствія, постепенно создается то, что мы можемъ называть эстетическимъ вкусомъ, эстетическими сужденіями, уже въ условіяхъ опредѣленнаго культурнаго существованія. Наконецъ, здѣсь необходимо указать еще одинъ элементъ, уже болѣе индивидуальнаго, субъективнаго характера, когда предполагается своеобразная эстетическая одаренность, въ связи съ извѣстными естественными задатками, когда здѣсь можетъ быть такая тонкая исключительная впечатлительность, которая является достояніемъ только, можетъ быть, очень немногихъ лицъ.

Въ силу именно этихъ прирожденныхъ способностей самый процессъ эстетическаго воспріятія можетъ получать своеобразный характеръ, и, благодаря этому своеобразію, можетъ создаваться такая оцѣнка, которая является, можетъ быть, необычайною для человѣка средняго уровня. Все это разнообразіе этихъ явленій и опредѣляетъ то, что обыкновенно называется эстетическимъ вкусомъ или эстетическимъ сужденіемъ. Какъ можно видѣть изъ этихъ замѣчаній, процессъ возникновенія такого сужденія является въ высшей степени сложнымъ, и въ основѣ этого своеобразнаго переживанія имѣютъ значеніе и извѣстныя объективныя воздѣйствія и цѣлый рядъ безсознательныхъ вліяній, и, наконецъ, можетъ быть, довольно продолжительное сознательное воздѣйствіе въ видѣ эстетическаго воспитанія.

Теперь я долженъ перейти къ вопросу о развитіи этого чувства въ условіяхъ индивидуальнаго роста. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ относительно значенія этого чувства въ жизни человѣка вообще, а въ связи съ этимъ и выяснить вопросъ о положительномъ или отрицательномъ отношеніи къ нему - съ точки зрѣнія воспитанія. Что касается роли этого чувства въ жизни человѣка, то роль эта, конечно, очень велика. Я уже не буду распространяться о томъ, что это чувство является прирожденнымъ и инстинктивнымъ, что оно играло и играетъ огромную роль въ жизни человѣчества. Уже чисто исторически оно закрѣпляетъ за собою большую цѣнность, которую, можетъ быть, трудно опровергнуть чисто теоретически. Разумѣется, такое чисто историческое доказательство не можетъ считаться рѣ-

шающимъ, потому что, если бы какое-либо другое основаніе заставило бы насъ отнести это чувство въ разрядъ отрицательныхъ эмоцій, то, конечно, одинъ историзмъ не былъ бы убѣдительнымъ, такъ какъ это чувство могло бы считаться только пройденной стадіей развитія. Но, во всякомъ случаѣ, если обсудить этотъ вопросъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія,- то эстетической эмоціи принадлежитъ, несомнѣнно, огромное значеніе отчасти индивидуальнаго отчасти соціальнаго характера. Уже изъ краткой исторіи происхожденія и развитія этого чувства въ жизни человѣчества можно было замѣтить нѣкоторыя соціальныя черты этой эмоціи. И прежде всего, самое возникновеніе этого чувства связано все-таки съ извѣстными соціальными явленіями - продолженіемъ и сохраненіемъ рода. Равнымъ образомъ, этотъ соціальный элементъ оттѣняется и въ различныхъ видахъ первобытнаго искусства, будетъ ли это пѣніе, пластическое искусство и т.д. Этотъ соціальный характеръ, конечно, можно отмѣтить и теперь, въ современномъ состояніи этой эмоціи, когда мы видимъ соціализирующее значеніе этого рода переживаній, такъ какъ на почвѣ этого чувства возникаетъ общеніе между людьми, которые могутъ раздѣляться различными внѣшними перегородками, будетъ ли это національное раздѣленіе, вѣроисповѣдное, соціальное и т.д. - всѣ эти раздѣленія естественно падаютъ на почвѣ переживанія такой эмоціи, которая является доступной для всѣхъ. Въ этомъ смыслѣ такое соціализирующее значеніе этой эмоціи безспорно; но, конечно, по мѣрѣ развитія и осложненія этого чувства, эта эмоція получаетъ болѣе индивидуалистическій характеръ. Такъ, здѣсь возможны болѣе разнообразныя субъективныя

переживанія на почвѣ воспріятія опредѣленнаго возбудителя, на почвѣ извѣстнаго рода произведеній искусства, картинъ природы и т.д., такія переживанія, которыя могутъ отсутствовать на ранней стадіи культуры. Съ другой стороны, эта субъективность и этотъ индивидуализмъ отличаютъ это чувство отъ моральной эмоціи, которую нерѣдко даже стремятся замѣнить этимъ чувствомъ, поставляя эстетическій критерій на мѣсто этическаго. Этотъ вопросъ придется затронуть болѣе подробно позднѣе, уже при оцѣнкѣ этого чувства съ педагогической точки зрѣнія. Здѣсь я только долженъ замѣтить, что, конечно, это чувство, несомнѣнно, болѣе индивидуалистично, чѣмъ чувство моральное, что замѣна критерія моральнаго критеріемъ эстетическимъ является совершенно невозможною. При положительной оцѣнкѣ эстетическаго чувства можетъ итти рѣчь, прежде всего, объ извѣстномъ индивидуальномъ воздѣйствіи, которое проявляется въ различнаго рода эстетическихъ переживаніяхъ, будетъ ли это собственное индивидуальное творчество, будетъ ли это наслажденіе чужимъ творчествомъ, будетъ ли это такой формой искусства, какъ музыка, поэзія,- огромное облагораживающее и, можетъ быть, морализующее значеніе этого искусства безспорно, хотя эта послѣдняя (этическая) роль этого рода искусства тѣсно связана не съ однимъ настроеніемъ, а именно съ тѣми идеями, съ тѣми принципами, которые не только усваиваются эмоціонально, но которые впослѣдствіи переходятъ въ извѣстную дѣятельность, воплощаются въ опредѣленной активности. Такимъ образомъ, настроеніе здѣсь дѣлается болѣе прочнымъ достояніемъ и нашей психики и даже нашей общей организаціи, и только въ этомъ

смыслѣ можно понять ту высокую оцѣнку различнаго рода искусства - въ особенности музыки и поэзіи, которую мы встрѣчаемъ еще въ древности. Въ частности и Аристотель говорилъ объ извѣстныхъ формахъ моральныхъ переживаній, которыя получаются въ результатѣ эстетически-эмоціональнаго возбужденія, но это возбужденіе имѣетъ значеніе только при условіи соціальнаго выраженія его, т.е.когда оно распространяется на другихъ людей, когда, съ другой стороны, идетъ рѣчь не о чисто теоретическомъ состояніи, а именно о практическомъ закрѣпленіи настроенія, выражающагося въ такой опредѣленной, и, можетъ быть, планомѣрной дѣятельности. Если же здѣсь налицо только настроенія субъективныя, скоро-преходящія, то, конечно, моральное значеніе ихъ ничтожно, а иногда даже и отрицательно. Но къ этому вопросу мнѣ еще придется возвратиться нѣсколько позднѣе, а прежде этого я попытаюсь изложить процессъ развитія этого чувства на разныхъ стадіяхъ индивидуальнаго роста и постараюсь показать, въ чемъ можетъ выражаться воздѣйствіе воспитателя на развитіе этого чувства. Это чувство возникаетъ въ очень раннемъ возрастѣ, въ связи съ зрительными и слуховыми впечатлѣніями. Что касается зрительныхъ впечатлѣній, то здѣсь предполагаются впечатлѣнія элементарнаго характера, когда все свѣтящееся, блестящее, яркое привлекаетъ взоръ ребенка и возбуждаетъ своеобразныя пріятныя состоянія. Затѣмъ, здѣсь имѣютъ мѣсто и болѣе сложныя зрительныя ощущенія, именно уже ощущенія цвѣтовыя, когда предполагаются опредѣленные цвѣта, наиболѣе привлекающіе вниманіе ребенка, или даже комбинаціи этихъ цвѣтовъ, и въ связи съ этими комбинаціями получает-

ся и своеобразное эстетическое чувство. Далѣе можно назвать уже воспріятія формы предмета, воспріятія отношеній между этими формами, воспріятія отношеній движеній. Здѣсь имѣются въ виду такія особенности предмета со стороны формы, какъ напр., круглота, кривизна или какое-нибудь другое отношеніе формы, напр., маленькіе предметы, или такого рода особенности предмета, какъ извѣстное симметрическое расположеніе частей или самихъ предметовъ, симметрія въ сферѣ движенія, какъ это обнаруживается въ такъ называемой граціозности движеній. Всѣ эти воспріятія или, вѣрнѣе, всѣ эти явленія, лежащія въ основѣ зрительныхъ воспріятій, пробуждаютъ соотвѣтственныя эмоціональныя состоянія. Что касается такого рода впечатлѣній, которыя связаны съ болѣе сложными воспріятіями или воспріятіями явленій природы, картинъ природы, ландшафтовъ и т.д. то, какъ извѣстно, эстетическое чувство, въ связи съ этими впечатлѣніями, развивается гораздо позднѣе, и мы не можемъ наблюдать его у дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ, что, конечно, можетъ зависѣть отъ цѣлаго ряда причинъ и, прежде всего, отъ невозможности воспринять ихъ какъ цѣлое, и проявить извѣстный эстетическій критерій, который возникаетъ гораздо позднѣе въ отношеніи явленій природы. Что касается, теперь, слуховыхъ впечатлѣній, которыя лежатъ въ основаніи этихъ элементарныхъ эстетическихъ переживаній, то здѣсь мы имѣемъ передъ собою раннее проявленіе эстетической эмоціи, въ связи съ воспріятіемъ ритма, гармоніи, въ человѣческомъ ли голосѣ, въ звукахъ ли музыкальныхъ инструментовъ и т.п. Затѣмъ здѣсь встрѣчается постепенное осложненіе такого рода эстетиче-

скихъ переживаній на почвѣ опять-таки воспріятія гармоніи, ритма, но въ болѣе сложной формѣ, какъ это мы можемъ наблюдать въ явленіяхъ рифмы, въ явленіяхъ сочетанія словъ на почвѣ звукового сходства. Проявленіе эстетической эмоціи въ этой формѣ встрѣчается въ различнаго рода творчествѣ дѣтей, въ ихъ играхъ, гдѣ нерѣдко принадлежитъ большое мѣсто именно слуховому элементу. Это творчество осложняется впослѣдствіи цѣлымъ рядомъ другихъ, именно интеллектуальныхъ элементовъ, какъ это наблюдается въ явленіи составленія сказокъ, гдѣ предполагается уже не простое воспроизведеніе дѣйствительности, а вымыселъ, иногда носящій характеръ полной непроизвольности, своеобразной дѣтской лжи, которая является результатомъ слишкомъ сильнаго вмѣшательства фантазіи въ истолкованіи дѣйствительности. Далѣе, мы можемъ наблюдать цѣлый рядъ другихъ формъ творчества, въ которомъ находитъ удовлетвореніе эстетическое чувство, когда имѣется въ виду или затрагиваніе опредѣленнаго органа внѣшнихъ чувствъ или возбужденіе цѣлаго ряда психическихъ процессовъ, будетъ ли это составленіе стиховъ, прозы, или творчество въ смыслѣ извѣстнаго драматизированія, когда эстетическое чувство находитъ свое непосредственное конкретное выраженіе на почвѣ затраты уже накопившейся энергіи и ея обнаруженія въ извѣстной формѣ. Затѣмъ, этотъ процессъ развитія эстетическаго чувства имѣетъ мѣсто и позднѣе уже въ эпоху школьной жизни, когда мы наблюдаемъ осложненіе этой эмоціи и въ связи съ общимъ умственнымъ ростомъ, и въ связи съ обнаруженіемъ извѣстныхъ природныхъ предрасположеній, будутъ ли эти предрасположенія въ области музыки или въ

области пластической дѣятельности и т.д. Эта послѣдняя дѣятельность обнаруживается очень рано, и рисованіе встрѣчается на очень ранней стадіи развитія, причемъ рисованіе имѣетъ своеобразный характеръ - отчасти копированія дѣйствительности, отчасти же привнесенія сюда самостоятельнаго творчества и особаго пониманія этой дѣйствительности, которая преломляется черезъ призму дѣтскаго духа. Дальнѣйшій ростъ эстетическаго чувства находится въ тѣсной зависимости отъ цѣлаго ряда естественныхъ предрасположеній и тѣхъ различныхъ воздѣйствій, которыя оказываются на дѣтей, когда мы наблюдаемъ развитіе вкуса, эстетическихъ сужденій на почвѣ увеличенія самихъ эстетическихъ впечатлѣній, на почвѣ разнообразныхъ воспитательныхъ пріемовъ, когда имѣются въ виду опредѣленные образцы вкуса, когда вкусъ взрослыхъ, особенно извѣстныхъ лицъ, считается наиболѣе типичнымъ и является извѣстнымъ оригиналомъ, на почвѣ подражанія которому и вырабатываются постепенно эстетическія сужденія дѣтей. Съ другой стороны, въ этомъ процессѣ выработки эстетическихъ сужденій принадлежитъ большое значеніе элементу непосредственной прирожденности, когда передъ нами своеобразная воспріимчивость въ области того или другого внѣшняго чувства, и на почвѣ этой индивидуальной утонченности эстетическаго характера, возможно, конечно, и своеобразіе эстетическихъ сужденій. Что касается чувства любви къ природѣ, то оно, какъ я уже упоминалъ, является позднѣе, когда уже есть возможность извѣстной оцѣнки и воспріятія явленія, какъ цѣлаго, когда отдѣльныя части, составные элементы этихъ воспріятій не захватываютъ совершенно вниманія восприни-

мающаго человѣка. Здѣсь, отчасти въ связи съ этой формой эстетическаго чувства любви къ природѣ, можно коснуться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, той формы эстетической эмоціи, которая отчасти сближаетъ это чувство съ моральнымъ и съ нѣкоторыми другими формами эмоціональныхъ переживаній и которая извѣстна подъ именемъ чувства великаго или возвышеннаго. Это чувство или эта форма эстетической эмоціи пробуждается такого рода воспріятіями, которыя связаны съ оцѣнкой громадности или исключительнаго, преимущественно количественнаго превосходства тѣхъ элементовъ, которые являются объектами воспріятія. Такимъ образомъ, это чувство великаго или возвышеннаго получается на почвѣ воспріятія громадныхъ періодовъ времени, колоссальныхъ пространствъ или на почвѣ воспріятія физической и духовной мощи человѣка, когда имѣется въ виду нѣчто исключительное, особенное, выходящее изъ средняго уровня обычно воспринимаемаго матеріала. Эта эмоція, съ точки зрѣнія психологическаго анализа, является чувствомъ сложнымъ. Оно отчасти граничитъ съ сознаніемъ собственной ограниченности, когда собственная сила воспринимающаго существа какъ бы подавляется грандіозностью внѣшняго или внутренняго величія. Поэтому, въ этомъ чувствѣ, несомнѣнно, есть и сознаніе собственной ограниченности и сознаніе превосходства того, что является объектомъ воспріятія. Слѣдовательно, здѣсь есть нѣчто похожее на чувство страха, на чувство своеобразной жуткости, но отличіе отъ типичной формы страха заключается въ томъ, что здѣсь присутствуетъ инстинктивное сознаніе собственной безопасности; съ другой стороны, здѣсь есть стремленіе

какъ бы пойти навстрѣчу этому величію, проявить свою энергію, обнаружить наибольшій подъемъ силъ. Такого рода состояніе можетъ порождаться, какъ извѣстно, на почвѣ созерцанія величественныхъ явленій природы, будетъ ли это землетрясеніе, вулканическія изверженія,- если только они въ моментъ созерцанія являются для насъ безопасными. Съ другой стороны, такого рода чувство можетъ возбуждаться воспріятіями и иного рода, напр., воспріятіемъ колоссальныхъ пространствъ, какъ это можно предположить у современныхъ астрономовъ, когда, на почвѣ изученія извѣстныхъ явленій, у этихъ лицъ появляется мысль о грандіозности этихъ явленій, и самое эту грандіозность они представляютъ гораздо яснѣе, опредѣленнѣе, чѣмъ обыкновенный человѣкъ, которому трудно войти въ существо этого представленія. Равнымъ образомъ, это можно сказать и о воспріятіи колоссальныхъ періодовъ жизни, которое возможно предположить, напр., у ученыхъ геологовъ или историковъ, когда идетъ рѣчь о болѣе конкретномъ, живомъ и наглядномъ представленіи исторической жизни, жизни земли или жизни вселенной, когда это созерцаніе, представленіе этой грандіозности временно можетъ порождать своеобразное возвышенное настроеніе. Затѣмъ, такого рода чувствованіе можетъ порождаться созерцаніемъ духовной мощи, будетъ ли это колоссальная умственная сила, исключительный талантъ или геній, будетъ ли это проявленіе нравственной мощи, которая выражается въ какой-нибудь исключительной дѣятельности, въ дѣятельности сопряженной съ извѣстною борьбою, очень, можетъ быть, продолжительною, напр., на почвѣ долга, или аналогичная эмоція, когда мы

наблюдаемъ факты самоотреченія или самопожертвованія. Все это является, съ точки зрѣнія зрителя, несомнѣнно, выходящимъ изъ предѣловъ обычныхъ среднихъ силъ человѣка и естественно внушаетъ или возбуждаетъ такое исключительное чувство сознанія нравственной мощи лица, которое совершаетъ опредѣленныя дѣянія. Вотъ тѣ наиболѣе типичныя формы эстетическаго чувства, а отчасти производныхъ эмоцій, какъ онѣ могутъ наблюдаться въ явленіяхъ индивидуальнаго развитія. Для насъ теперь важно указать отношеніе воспитателей къ этому процессу развитія эстетическаго чувства, поскольку здѣсь предполагается возможность извѣстнаго вмѣшательства, извѣстной активности. Но, можетъ быть, нѣтъ никакой необходимости проявлять такого рода активность и нужно предоставить этотъ процессъ только естественному развитію? Несомнѣнно, главная задача воспитателей должна заключаться, съ самаго ранняго возраста ребенка, въ предоставленіи ему наибольшей свободы въ развитіи этого чувства. Въ связи съ этимъ необходимо и доставленіе соотвѣтственнаго матеріала, на почвѣ котораго можетъ развиваться эстетическая эмоція, имѣя для себя уже извѣстное природное предрасположеніе. Поэтому, съ самаго начала вся обстановка и вся жизнь ребенка должны быть расположены такъ, чтобы доставлялся достаточно обильный и разнообразный матеріалъ для развитія, упражненія и укрѣпленія этой эмоціи. Для этой цѣли могутъ служить, въ самомъ раннемъ періодѣ, различныя игрушки ребенка, а впослѣдствіи имѣетъ огромное значеніе тотъ разнообразный пластическій матеріалъ, на почвѣ котораго можетъ упражняться эстетическое

чувство ребенка. Я разумѣю здѣсь различнаго рода занятія - рисованіе, лѣпку и другія формы такихъ элементарныхъ работъ, которыя являются доступными для всякаго ребенка и которыя, несомнѣнно, служатъ цѣлямъ и эстетическаго развитія, когда здѣсь выражается, въ индивидуальной формѣ, стремленіе воплотить свою внутреннюю жизнь, закрѣпить ее пластически съ помощью соотвѣтствующаго матеріала. Поэтому всѣ эти занятія имѣютъ большое воспитательное значеніе, между прочимъ, и въ отношеніи эстетической эмоціи. Здѣсь важно то, чтобы эти занятія не стѣсняли свободы ребенка и давали возможность проявляться его творческой энергіи въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Конечно, для другихъ цѣлей здѣсь необходима извѣстная систематичность, извѣстный порядокъ, который можетъ служить осуществленію той же эстетической тенденціи,- но, во всякомъ случаѣ, здѣсь важно всегда устанавливать правильныя границы, которыя не нарушали бы иногда ярко выраженныхъ задатковъ дѣтской индивидуальности, обнаруживающихся въ данномъ случаѣ въ формѣ эстетическихъ стремленій. Равнымъ образомъ, здѣсь разумѣются и многія другія формы занятій, которыя уже въ болѣе узкомъ смыслѣ слова могутъ быть названы ручнымъ трудомъ, чѣмъ тѣ занятія, которыя я перечислялъ вамъ. Всѣ эти занятія могутъ содѣйствовать развитію эстетической эмоціи и путемъ подражанія уже извѣстнымъ сложившимся образцамъ, и путемъ непосредственнаго осуществленія тѣхъ идей и тѣхъ образовъ, которые существуютъ въ душѣ ребенка. Затѣмъ, въ слѣдующемъ періодѣ развитія принадлежитъ большое значеніе цѣлому ряду упражненій на почвѣ воздѣйствія уже на опре-

дѣленныя органы чувствъ - и на органъ зрѣнія, и на органъ слуха. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ извѣстно, придается огромное эстетически развивающее значеніе музыкѣ; музыка считается необходимымъ предметомъ общаго образованія, преслѣдующимъ, главнымъ образомъ, эстетическія цѣли или цѣли эстетическаго воспитанія. Конечно, нельзя отрицать огромнаго значенія въ эстетическомъ смыслѣ такого рода занятія; но здѣсь, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ въ отношеніи другихъ занятій, необходимо сообразованіе съ естественнымъ предрасположеніемъ. Насильственное культивированіе эстетическаго чувства на этой почвѣ, безъ достаточно ясно выраженныхъ задатковъ или на почвѣ принудительной формальной работы, можетъ только подавить естественныя эмоціональныя тенденціи, и такого рода занятія могутъ приводить даже къ отрицательнымъ результатамъ, могутъ внушить чувство отвращенія къ этимъ упражненіямъ, хотя въ болѣе элементарной и свойственной ребенку формѣ они могли бы быть въ высшей степени привлекательными и могли бы содѣйствовать болѣе углубленному раскрытію или развитію среднихъ эстетическихъ задатковъ. Нѣчто подобное можно сказать и относительно нѣкоторыхъ другихъ занятій, въ которыхъ выражается творчество ребенка, какъ это можно наблюдать въ различнаго рода литературной дѣятельности, въ творческой работѣ на почвѣ развитія рѣчи и слова у дѣтей въ раннемъ возрастѣ, когда здѣсь предоставленіе свободы является совершенно необходимымъ условіемъ. Едва ли можно сомнѣваться, что развитіе эстетическаго чувства въ значительной степени зависитъ отъ изученія наиболѣе цѣнныхъ образцовъ поэтиче-

скаго творчества, каковое изученіе предполагается въ эпоху обученія въ школѣ - въ средней школѣ, иногда уже въ низшихъ классахъ этой школы. Но что касается этихъ занятій, то опять они требуютъ большой осторожности, когда идетъ рѣчь о воспитаніи эстетическаго чувства. Разумѣется осторожность въ томъ смыслѣ, что здѣсь необходимо, прежде всего, уяснить себѣ, что извѣстное литературное произведеніе, опредѣленными своими свойствами производящее сильное эстетическое впечатлѣніе на взрослаго человѣка, можетъ и не произвести такого или, по крайней мѣрѣ, аналогичнаго впечатлѣнія на ребенка. Съ этой точки зрѣнія, предварительное опредѣленіе эстетической цѣнности извѣстнаго произведенія является совершенно необходимымъ,- иначе цѣль не будетъ достигнута, и эстетическая оцѣнка будетъ носить совершенно внѣшній принудительный или подражательный характеръ, и не будетъ имѣть для себя основанія въ самомъ существѣ ребенка, въ самыхъ его внутреннихъ переживаніяхъ. Поэтому является важнымъ, конечно, и подборъ своеобразныхъ произведеній, и, главнымъ образомъ, ихъ непосредственное воздѣйствіе на психику ребенка. Между тѣмъ изученіе этихъ произведеній въ школѣ иногда бываетъ слишкомъ отрывочное, фрагментарное, когда не схватывается основная идея и даже основная эстетическая концепція этихъ произведеній, когда здѣсь мы имѣемъ дѣло съ разборомъ различнаго рода литературныхъ отрывковъ, которыя нерѣдко подвергаются очень одностороннему (большею частью грамматическому) предварительному анализу, которымъ совершенно скрывается и даже совсѣмъ уничтожается сила непосредственнаго впечатлѣнія. Здѣсь не получается отъ этихъ про-

изведеній впечатлѣнія чего-то цѣльнаго, непосредственно воспринимаемаго, создающаго опредѣленный эстетическій образъ,- наоборотъ, здѣсь передъ нами нерѣдко своеобразный литературный групъ, который, конечно, уже не можетъ пробудить настоящаго живого конкретнаго чувства. Съ этой точки зрѣнія, изученіе литературныхъ образцовъ требуетъ въ высшей степени серьезнаго и осторожнаго отношенія на почвѣ тѣхъ принциповъ, которые я только что отмѣтилъ. Затѣмъ, процессъ развитія эстетической эмоціи происходитъ отчасти въ связи съ воздѣйствіемъ воспитанія, отчасти непосредственно, на почвѣ усиленія естественныхъ задатковъ, когда здѣсь обнаруживается предрасположеніе къ творчеству въ опредѣленномъ отношеніи, будетъ ли это музыкальное творчество, творчество въ сферѣ пластики, или поэзіи. Эта индивидуализація является совершенно неизбѣжной, но требуетъ только поощряющаго, а не ограничительнаго къ себѣ отношенія. Здѣсь же нужно замѣтить, что необходимо, насколько возможно, предоставлять свободу въ развитіи и самого эстетическаго вкуса, когда эта особенность возникаетъ непосредственно, сначала на почвѣ болѣе простыхъ элементарныхъ воспріятій, когда въ самихъ предметахъ уже есть основаніе для той гармоніи, ритма и симметріи, которые являются причинами самого пріятнаго настроенія, оказывая своеобразное воздѣйствіе на нашъ организмъ Затѣмъ, здѣсь можетъ итти рѣчь объ ознакомленіи съ извѣстными образцами искусства, съ болѣе общепризнанными совершенными произведеніями человѣческаго творчества. Но ихъ оцѣнка должна носить извѣстный самостоятельный характеръ, а не имѣть принудительнаго отношенія, въ

смыслѣ взгляда на эти вещи, какъ на обще-признанные шедевры, независимо отъ приложенія къ нимъ собственнаго эстетическаго критерія. Далѣе мы можемъ указать на то развитіе чувства природы, о которомъ я уже упоминалъ и которое какъ я говорилъ, развивается гораздо позднѣе, путемъ непосредственнаго соприкосновенія съ явленіями природы, путемъ отчасти реальнаго изученія этой природы. Это изученіе, если оно носитъ свободный, самостоятельный характеръ, можетъ содѣйствовать и развитію эстетическаго чувства, когда здѣсь, на почвѣ такого глубокаго и тщательнаго изслѣдованія явленій природы, могутъ быть констатированы такія черты, которыя ускользаютъ отъ взгляда неподготовленнаго наблюдателя, но которыя могутъ быть доступны лицу болѣе серьезно и глубоко проникающему въ сущность анализируемыхъ явленій. Что касается такихъ видовъ эстетической эмоціи, которые я характеризовалъ, какъ чувство великаго, возвышеннаго, то само собою понятно, что эта эмоція возникаетъ опять на почвѣ дѣйствительныхъ воспріятій самихъ явленій Если идетъ рѣчь о духовной мощи въ видѣ умственной силы или исключительной нравственной дѣятельности, то тутъ, конечно, самое ознакомленіе съ этими исключительными проявленіями, самое приближеніе къ этимъ своеобразнымъ образцамъ, оказывается въ высшей степени цѣннымъ. На почвѣ этого, несомнѣнно, могутъ возбуждаться и укрѣпляться эмоціи болѣе высокаго типа, эмоціи, находящіяся какъ бы въ серединѣ между чувствомъ эстетическимъ и чувствомъ моральнымъ. Здѣсь, несомнѣнно, можетъ затрагиваться и соціальный элементъ, когда идетъ рѣчь о проявленіяхъ исклю-

чительной нравственной мощи: вѣдь эта нравственная мощь въ своемъ обнаруженіи, конечно, неизбѣжно связана съ отношеніями къ другимъ людямъ, къ ихъ счастью и несчастью, и съ этой точки зрѣнія можетъ быть констатировано соприкосновеніе между эстетической и моральной эмоціями. Но несмотря на это соприкосновеніе, все же нельзя отожествлять эстетическую эмоцію съ нравственной, а потому не можетъ быть и рѣчи о замѣнѣ нравственнаго критерія критеріемъ эстетическимъ. Между тѣмъ нерѣдко можно встрѣчаться съ такого рода утвержденіемъ, что эстетическое развитіе можетъ достигнуть высшей степени, когда оно дѣйствуетъ и морально-облагораживающимъ образомъ, и въ такомъ случаѣ замѣнить моральный критерій. Такая точка зрѣнія является несостоятельной при болѣе глубокомъ анализѣ, хотя она высказывалась лицами, которыя оставили очень значительный слѣдъ въ исторіи развитія человѣческой мысли. Такъ Гете говорилъ, что онъ съ гораздо большей легкостью перенесетъ несправедливость, чѣмъ потерпитъ безпорядокъ (т.е. предпочтетъ эстетическій критерій моральному). Такой же родъ своеобразнаго эстетизированія жизни можно наблюдать и у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ мыслителей - у Ренана, у Ницше, гдѣ эстетическій критерій считался болѣе цѣннымъ, чѣмъ всѣ другія формы сужденій, гдѣ устранялась совсѣмъ необходимость чисто-моральной оцѣнки. Но тотъ анализъ этой эмоціи, который мнѣ пришлось сдѣлать, и дальнѣйшее углубленіе въ изслѣдованіе этого чувства не можетъ оправдать такой точки зрѣнія, именно потому, что эстетическое чувство не является соціальнымъ чувствомъ въ той мѣрѣ, въ какой оказывается таковымъ моральное чувство. Послѣднее и по

самому своему происхожденію, и по всѣмъ своимъ разнообразнымъ проявленіямъ, въ связи съ постояннымъ осложненіемъ его природы по мѣрѣ человѣческаго прогресса, именно обнаруживаетъ соціальный элементъ, постоянно увеличивающійся и укрѣпляющійся. Между тѣмъ въ эстетическомъ чувствѣ этотъ соціальный элементъ, по мѣрѣ роста культуры, постоянно отходитъ на задній планъ. Правда, эстетическая эмоція въ своемъ возникновеніи также можетъ быть связана съ цѣлымъ рядомъ соціальныхъ явленій, на что я уже указывалъ; но въ связи съ прогрессомъ человѣчества мы видимъ постепенную индивидуализацію этой эмоціи, и возможно даже порожденіе въ высшей степени своеобразнаго эстетическаго чувства, которое является доступнымъ, можетъ быть, отдѣльнымъ лицамъ и которое, во всякомъ случаѣ, не запечатлѣвается какимъ-нибудь соціальнымъ выраженіемъ, какъ это можно сказать о моральной дѣятельности. Дѣло въ томъ, что моральное чувство тѣсно связано съ самой дѣятельностью, когда здѣсь разумѣется не только моральное настроеніе, но и извѣстные результаты этого настроенія, которые конкретно воплощаютъ это настроеніе въ цѣломъ рядѣ поступковъ. Что же касается эстетической эмоціи, то здѣсь имѣется въ виду настроеніе въ значительной степени индивидуальное или даже индивидуалистическое, и самое происхожденіе этого настроенія, а, главнымъ образомъ, его выраженіе совершенно не предполагаетъ той соціальной связи, того соціальнаго конкретнаго воплощенія, какъ это мы видимъ въ отношеніи моральнаго чувства. Наоборотъ, здѣсь мы встрѣчаемъ индивидуализмъ, по существу совершенно противоположный основнымъ тенденціямъ соціальной жизни, какъ этотъ

индивидуализмъ культивируется нѣкоторыми современными эстетами. Съ этой точки зрѣнія, никакимъ образомъ нельзя этотъ эстетическій критерій, какъ онъ встрѣчается именно теперь, возводить на степень болѣе общаго универсальнаго и тѣмъ болѣе моральнаго принципа. Я уже не говорю о томъ, что и самое эстетическое переживаніе не носитъ въ себѣ слѣдовъ того непосредственнаго активнаго элемента, который мы видимъ въ моральномъ чувствѣ. Слѣдовательно, здѣсь нѣтъ той дѣятельности, той стимулирующей активной силы, которая связана съ моральнымъ чувствомъ и которая конкретно выражается въ планомѣрной, настойчивой активности и поэтому, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ отожествленіи этихъ эмоцій по самому существу или о замѣнѣ моральнаго критерія критеріемъ эстетическимъ.

МОРАЛЬНОЕ ЧУВСТВО.

Я перехожу теперь къ анализу одного изъ слѣдующихъ высшихъ чувствъ, которое извѣстно подъ именемъ чувства моральнаго или нравственнаго. Что касается самаго опредѣленія этого чувства, то оно можетъ быть формулировано съ нѣкоторымъ трудомъ въ виду различія понятій о нравственномъ или хорошемъ въ нравственномъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, психологически это чувство извѣстно всѣмъ непосредственно, когда подъ нимъ разумѣются своеобразныя переживанія, пріятныя или непріятныя, которыя связаны съ осуществленіемъ поступковъ или дѣйствій, называемыхъ хорошими или дурными. Дальше, конечно, можетъ быть цѣлый рядъ споровъ и раз-

ногласій относительно того, что мужно понимать подъ самымъ терминомъ „хорошее". Но прежде, чѣмъ переходить къ этому, важно уяснить съ внутренней субъективной стороны характеръ этого чувства, когда здѣсь предполагается пріятное или непріятное состояніе въ зависимости отъ совершенія или несовершенія извѣстныхъ дѣйствій, которыя предполагаются внутренне обязательными для насъ. Здѣсь имѣется въ виду пріятное чувство удовлетворенія, чувство исполненнаго долга, когда идетъ рѣчь о совершеніи нравственно хорошаго поступка, а затѣмъ непріятное, тяжелое чувство раскаянія, угрызенія совѣсти, чувство неисполненія долга, когда мы не совершили того, что считается для насъ внутренне обязательнымъ, внутренне принудительнымъ. И на почвѣ этого всѣмъ извѣстнаго анализа можно сдѣлать такое заключеніе, что типичной чертой этого чувства является сознаніе внутренней обязательности, внутренней принудительности, которая для насъ лично имѣетъ своеобразный внутренній характеръ, а не объясняется исключительно какими нибудь внѣшними предписаніями или требованіями. Эти же черты или, вѣрнѣе, эти особенности названнаго чувства свидѣтельствуютъ о томъ, что это чувство находится въ тѣсной связи съ другими сферами нашей жизни - интеллектуальной и волевой. Связь съ интеллектомъ обнаруживается въ самомъ этомъ чувствѣ или въ нравственномъ состояніи, которое мы наблюдаемъ здѣсь, когда предполагается, что мы отвѣтственны за поступки, сознательно совершенные, когда мы, слѣдовательно, предполагаемъ возможность разбираться и въ мотивахъ нашей дѣятельности и въ оцѣнкѣ этихъ мотивовъ, когда мы сознаемъ, что могли бы поступить иначе, чѣмъ

мы поступили. Слѣдовательно, здѣсь уже указывается на тѣсную связь этого чувства съ нашей волей. Это подтверждается и тѣмъ, что здѣсь имѣетъ мѣсто не намѣреніе только, не одно теоретическое настроеніе, а именно извѣстная дѣятельность, воплощеніе этого намѣренія въ совершеніи извѣстнаго акта. Значитъ элементъ активности выступаетъ здѣсь на видное мѣсто и является одной изъ существенныхъ особенностей этого своеобразнаго переживанія. Я не буду здѣсь возбуждать вопросъ, насколько мы не только сознательны, но и свободны въ этого рода дѣятельности. Но фактъ этой внутренней свободы является для всѣхъ вполнѣ очевиднымъ, поскольку мы сознаемъ то, на что я указывалъ, т.е. возможность поступить иначе, чѣмъ мы поступили. На этой почвѣ у насъ возникаетъ чувство раскаянія, чувство сознанія своей ошибки или вины, когда мы обвиняемъ себя не только за неосмотрительность, но и за то, что сознательно поступили такъ, а не иначе. Это чувство нравственной отвѣтственности, нравственнаго самообвиненія является совершенно неизбѣжнымъ въ процессѣ моральной дѣятельности, и оно, конечно, вполнѣ объяснимо, какъ вамъ хорошо извѣстно, и съ признаніемъ детерминизма въ области волевой дѣятельности, когда, съ одной стороны, предполагается зависимость нашихъ дѣйствій отъ предшествующихъ причинъ, а, съ другой стороны, все-таки вполнѣ возможенъ фактъ нравственной отвѣтственности. Это, я думаю, не требуетъ особыхъ разъясненій, когда все дѣло сводится къ наибольшей силѣ извѣстнаго мотива, а самая сила этого мотива находится въ нашей власти - въ томъ смыслѣ, что этотъ

мотивъ получилъ силу именно благодаря тому, что онъ чаще выдвигался нами въ качествѣ главнаго стимула и, такимъ образомъ, оказался самымъ сильнымъ среди всѣхъ другихъ мотивовъ. Мы это ясно сознаемъ, и на почвѣ этого сознанія и получается чувство нравственной отвѣтственности, когда мы чувствуемъ, что мы могли бы усилить другіе мотивы, могли бы дать перевѣсъ другимъ стимуламъ - и однако, не сдѣлали этого. И здѣсь, конечно, имѣются въ виду именно тѣ стимулы, которые находятся въ болѣе тѣсной связи съ самимъ существомъ моральныхъ принциповъ. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о самыхъ существенныхъ свойствахъ этого чувства, насколько обнаруживается его тѣсная связь съ интеллектомъ и волей, здѣсь необходимо указать на универсальность этой эмоціи въ томъ смыслѣ, что она проявляется у всѣхъ людей, такъ какъ у всѣхъ людей мы можемъ находить это сознаніе различія между хорошимъ и дурнымъ, должнымъ и недолжнымъ, сознаніе того, что нужно исполнить и чего не нужно исполнять - именно съ точки зрѣнія моральной. Повидимому, универсальности этого чувства противорѣчитъ фактъ различной моральной оцѣнки у людей, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ культуры. Такъ, напр., у первобытнаго человѣка считаются въ высшей степени моральными такія явленія, какъ убійство, особенно убійство врага, нѣкоторыя своеобразныя формы сексуальныхъ отношеній, между тѣмъ, какъ эти явленія съ точки зрѣнія культурнаго человѣка разсматриваются, какъ отрицательныя, какъ антиморальныя по преимуществу, и въ этомъ смыслѣ, повидимому, не можетъ быть рѣчи объ универсальности моральныхъ принциповъ и моральнаго чувства. Но это возраженіе является, какъ всѣмъ извѣст-

но, мнимымъ, потому что здѣсь идетъ рѣчь о различіи самаго содержанія нравственности, содержанія нравственныхъ принциповъ, а не объ отрицаніи ихъ въ формальномъ смыслѣ, потому что и у человѣка, стоящаго на первобытной ступени культуры и совершающаго такія дѣйствія, которыя для него кажутся наиболѣе моральными, существуетъ самое чувство обязанности и долга, именно сознаніе, что есть хорошее и дурное, есть такое, что нужно совершать, а есть и такое, чего совершать не нужно, отъ чего нужно воздержаться. Это сознаніе есть у всѣхъ людей, когда здѣсь предполагается необходимость оцѣнки явленій, какъ должныхъ и недолжныхъ, необходимыхъ или ненужныхъ, и поэтому здѣсь въ такой общей формѣ и можно говорить объ универсальности морального чувства или объ универсальности моральныхъ принциповъ вообще. Съ другой стороны, эти же факты указываютъ на то, что это чувство и тѣ основные критеріи или масштабы оцѣнки являются относительными, потому что они мѣняются въ связи съ условіями культурной жизни, культурнаго развитія. Этимъ же оттѣняется соціальный характеръ этой эмоціи, моральное чувство и моральные принципы являются неизбѣжнымъ продуктомъ общественной жизни; они могутъ возникать, развиваться и укрѣпляться только въ условіяхъ соціальнаго существованія. Поэтому даже индивидуалистическое толкованіе этой эмоціи едва ли можетъ обойтись безъ соціальной основы, на которой создалось это чувство и выросли эти принципы. Здѣсь прежде всего нужно замѣтить, что это чувство, если идетъ рѣчь о его возникновеніи не въ условіяхъ только индивидуальнаго роста, но и въ жизни всего человѣчества, развива-

лось на почвѣ извѣстныхъ инстинктовъ, прирожденныхъ задатковъ, прежде всего, инстинкта самосохраненія и сохраненія рода, когда самое обнаруженіе или осуществленіе этого инстинкта происходило въ условіяхъ общественнаго существованія, когда здѣсь необходимой являлась извѣстная связь, соединеніе между людьми, сначала на почвѣ сексуальныхъ отношеній, хотя бы и въ формѣ смѣшаннаго полового сожительства. Въ этихъ же условіяхъ развитія или въ этихъ же элементарныхъ формахъ соціальнаго существованія мы встрѣчаемся съ неизбѣжнымъ обнаруженіемъ эгоистической природы въ инстинктѣ самосохраненія, когда здѣсь, въ то же время, происходитъ взаимное столкновеніе этихъ эгоистическихъ тенденцій, и въ результатѣ этого столкновенія неизбѣжно извѣстное ограниченіе или самоограниченіе этого естественнаго эгоизма. Такимъ образомъ, на почвѣ эгоистическихъ или отчасти симпатическихъ задатковъ, поскольку симпатическія тенденціи связаны съ самымъ существованіемъ человѣка, именно съ самимъ инстинктомъ продолженія и сохраненія рода, на почвѣ борьбы этихъ инстинктовъ, несомнѣнно, и возникаютъ болѣе сложныя формы моральныхъ отношеній, создаются тѣ моральные принципы, которые мы встрѣчаемъ въ условіяхъ уже культурнаго общежитія. Въ частности, такого рода генезисъ моральныхъ принциповъ и моральнаго чувства подтверждается и анализомъ такого рода соціальныхъ добродѣтелей, которыя имѣютъ очень большое индивидуальное значеніе, какъ добродѣтель справедливости. Вѣдь это качество или это свойство предполагаетъ установленіе взаимныхъ отношеній между другими людьми, причемъ они постепенно возни-

кали на почвѣ болѣе элементарныхъ явленій, которыя связаны съ инстинктомъ самосохраненія и которыя можно свести къ такимъ процессамъ или къ такимъ элементамъ, какъ элементъ мести, непосредственной реакціи на ущербъ, причиненный опредѣленному человѣческому индивидууму. Такимъ образомъ, эта месть сначала, несомнѣнно, носила личный характеръ, характеръ непосредственной реакціи; затѣмъ она постепенно осложнилась цѣлымъ рядомъ другихъ элементовъ, когда получила характеръ уже возмездія, но такого возмездія, когда уже устанавливается извѣстное взаимоотношеніе между причиненнымъ ущербомъ и той реакціей, которая слѣдуетъ на этотъ ущербъ. Здѣсь естественно ограниченіе собственнаго эгоизма и признаніе правъ другихъ людей, такое признаніе, которое носитъ сначала нѣсколько грубый, практическій, утилитарный характеръ и которое имѣетъ въ виду предоставленіе чисто внѣшнихъ правъ и преимуществъ одному лицу, но такъ, чтобы здѣсь не нарушались естественныя стремленія и другого человѣка. Далѣе мы видимъ здѣсь постепенное осложненіе этого чувства, когда сюда примѣшиваются болѣе возвышенные мотивы, которые носятъ отчасти моральный характеръ, отчасти даже прикрѣпляются къ біологической основѣ, когда имѣется въ виду уже признаніе равенства всѣхъ людей съ точки зрѣнія ихъ чисто біологическаго происхожденія, когда всѣ люди могутъ претендовать на свои естественныя права, когда, слѣдовательно, этотъ принципъ справедливости получаетъ для себя иное основаніе, еще не сознанное человѣчествомъ на тѣхъ крайнихъ ступеняхъ своего существованія, когда здѣсь мы видимъ происхожденіе справедливости изъ

мести и возмездія. Все это, слѣдовательно, указываетъ на то, что основные моральные принципы имѣютъ свое происхожденіе въ условіяхъ общественнаго существованія человѣка въ связи съ различными видоизмѣненіями человѣческой жизни, начиная отъ самыхъ элементарныхъ формъ и восходя къ болѣе сложнымъ проявленіямъ культурной жизни. Такимъ образомъ, общественный характеръ этого чувства вскрывается безъ затрудненій на почвѣ анализа этихъ моральныхъ принциповъ, въ условіяхъ развитія человѣчества или человѣческаго рода вообще. Этотъ же соціальный характеръ вскрывается и на почвѣ анализа самихъ критеріевъ, нравственныхъ масштабовъ, нравственной оцѣнки, когда мы встрѣчаемся какъ бы съ фактомъ неизбѣжной относительности, и когда эта относительность указываетъ на то, что, дѣйствительно, эта оцѣнка мѣнялась и мѣняется въ различныя эпохи существованія человѣка, въ зависимости отъ цѣлаго ряда соціальныхъ условій. Мы можемъ сказать, что это измѣненіе, конечно, совершается и теперь, и что оно тѣсно связано иногда съ извѣстными различіями въ условіяхъ общественной жизни, даже въ опредѣленную эпоху, у опредѣленной нації, народа, и въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ нравственными сужденіями, которыя обнаруживаютъ на первый разъ такое поразительное разнообразіе. Если мы возьмемъ отношеніе къ такому факту, какъ, напр., фактъ убійства, лишеніе жизни человѣка, то это - такой фактъ, который съ перваго раза можетъ вызвать непосредственное инстинктивное отвращеніе къ себѣ, удерживающее всякаго культурнаго человѣка отъ совершенія его; однако же въ дѣйствительности, въ условіяхъ совре-

меннаго существованія оцѣнка его очень различна. Если мы имѣемъ предъ собою различные виды лишенія жизни - будетъ ли это, напр., лишеніе жизни на войнѣ, на дуэли, то хотя въ общей формѣ всѣ эти виды убійства могутъ считаться и должны считаться явленіями антиморальными, однако же, какъ извѣстно, въ дѣйствительности мы не видимъ такой согласной оцѣнки, и недостатокъ этого единодушія въ оцѣнкѣ и объясняется именно тѣмъ различіемъ соціальныхъ, политическихъ и другихъ взглядовъ, которые мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности и которые указываютъ на тѣсную связь моральныхъ сужденій съ цѣлымъ рядомъ соціальныхъ, политическихъ и другихъ фактовъ. Но здѣсь мы опять вскрываемъ тѣсную связь моральной оцѣнки съ соціальными элементами въ прямомъ смыслѣ, когда мы можемъ видѣть, какъ вырабатываются эти моральные принципы, какъ эти моральные принципы возникаютъ въ связи съ мнѣніемъ общества или извѣстной части общества, когда это мнѣніе большинства или, можетъ быть, меньшинства - случайно доминирующей группы общества - закрѣпляется положительно, въ видѣ опредѣленнаго законодательства, когда, слѣдовательно, здѣсь извѣстные сначала общественные взгляды, создавшіеся на почвѣ общественнаго мнѣнія, возводятся въ принципъ положительнаго законодательства и признаются уже обязательными для всѣхъ, независимо отъ индивидуальной моральной оцѣнки. Эта послѣдняя, т.е. индивидуальная моральная оцѣнка, можетъ и не соглашаться съ этими установленіями положительнаго законодательства; возможно здѣсь ставить и болѣе высокіе, именно, моральные идеалы,- но эти моральные идеалы опять находятся въ тѣсной связи съ извѣст-

ными общественными взглядами, съ извѣстнымъ общественнымъ уровнемъ, когда они или приходятъ съ ними въ извѣстное соглашеніе, или же когда они остаются несогласными, возвышающимися надъ этимъ уровнемъ. Съ этой точки зрѣнія, и тотъ моральный принципъ, который не является еще общепризнаннымъ, въ своемъ происхожденіи тѣсно связанъ съ тѣми воздѣйствіями среды, общества въ широкомъ смыслѣ слова. Это можно сказать даже о такихъ проявленіяхъ моральной дѣятельности, которыя, повидимому, носятъ совершенно индивидуальный характеръ, выражающійся, напр., въ актѣ индивидуальнаго моральнаго совершенствованія, когда идетъ рѣчь о противопоставленіи себя обществу, какъ это, напр., можно сказать о нѣкоторыхъ формахъ христіанства, которыя приходятъ въ столкновеніе съ важнѣйшими принципами культурной жизни. Но даже и здѣсь, при оцѣнкѣ этого идеала, а главнымъ образомъ при разсмотрѣніи самаго генезиса, мы можемъ видѣть извѣстную связь съ обществомъ, когда эта связь обнаруживается въ томъ, что этотъ идеалъ личнаго совершенствованія, несомнѣнно, возникъ на почвѣ сознанія неудовлетворенности того соціальнаго принципа, который могъ считаться общепринятымъ, такъ что этотъ новый моральный принципъ выдвигается въ противовѣсъ уже существующему, - но самое его возникновеніе возможно только въ связи съ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда соціальныхъ фактовъ. Такимъ образомъ, соціальный элементъ является основнымъ въ этомъ чувствѣ, и именно на почвѣ его и создается то, что мы называемъ моральными принципами, критеріемъ моральнаго сужденія. Съ другой стороны, въ связи съ этимъ понятіемъ должнаго и недолжнаго выроста-

етъ то, что мы называемъ моральнымъ чувствомъ, конкретно переживаемымъ при совершеніи моральныхъ актовъ.

Послѣ этого краткаго выясненія общей природы моральнаго чувства, мы должны обратиться къ вопросу о развитіи этого чувства въ условіяхъ индивидуальнаго роста, такъ какъ этотъ процессъ представляетъ для насъ наибольшую важность съ точки зрѣнія воспитанія. Что касается этого развитія, то оно происходитъ на почвѣ тѣхъ естественныхъ задатковъ, на которые я уже указывалъ, именно, задатковъ эгоистическаго и симпатическаго типа. Здѣсь, прежде всего, разумѣются элементарныя эмоціи, которыя связаны съ сознаніемъ своей силы, которыя біологически могутъ прикрѣпляться къ чувству гнѣва и цѣлому ряду производныхъ чувствованій, которыя имѣютъ связь окончательную или основную съ инстинктомъ самосохраненія. Съ другой стороны, здѣсь нужно имѣть въ виду тѣ же элементарные задатки симпатической эмоціи, эмоніи, также въ ранней стадіи эгоистической, иногда даже глубоко эгоистической и также связанной отчасти съ инстинктомъ самосохраненія, а отчасти съ инстинктомъ сохраненія и продолженія рода. На почвѣ извѣстнаго взаимоотношенія между этими основными тенденціями, какъ онѣ здѣсь проявляются въ условіяхъ общественнаго существованія, а именно въ условіяхъ сначала семейной жизни, и возникаетъ это чувство нравственности, чувство должнаго и недолжнаго, которое и требуетъ къ себѣ положительнаго отношенія. Здѣсь на самой ранней ступени, когда дѣятельность ребенка еще не является вполнѣ сознательной, сама оцѣнка носитъ чисто пассивный подражательный харак-

теръ, и здѣсь нѣтъ нравственной дѣятельности въ собственномъ смыслѣ, потому что тѣхъ элементовъ сознательнаго отношенія, которые мы констатировали въ настоящемъ моральномъ чувствѣ, конечно, у ребенка быть не можетъ. Въ самомъ раннемъ возрастѣ - года въ два или три - мы можемъ, конечно, видѣть различіе хорошаго и дурного, но это различіе прежде всего возникаетъ на почвѣ авторитета, когда со стороны взрослыхъ, со стороны окружающихъ ребенка лицъ, всѣ разнообразныя явленія, или многіе поступки классифицируются какъ хорошіе или дурные, и когда эти самыя явленія, съ этой точки зрѣнія, разсматриваются какъ такія, къ которымъ нужно стремиться, которыхъ нужно достигнуть, или отъ которыхъ нужно удаляться или устраняться. Съ этой точки зрѣнія, еще болѣе грубая или элементарная форма моральной оцѣнки наблюдается въ видѣ запрещенія и дозволенія, когда то, что дозволено, или то, что рекомендовано, является наиболѣе цѣннымъ съ моральной точки зрѣнія, и когда то, что запрещено, является недолжнымъ, такимъ, что не должно быть выполнено. Все это создается благодаря воздѣйствію со стороны взрослыхъ, когда предполагается вѣра въ ихъ авторитетъ, и эта вѣра поддерживается тѣми разнообразными формами симпатическихъ переживаній, которыя обнаруживаются въ этомъ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, когда въ лицѣ взрослыхъ дѣти видятъ такихъ людей, которые являются необходимыми для сохраненія самаго существованія ребенка, въ силу естественной безпомощности его природы, на этой ранней ступени его жизни. Такого рода дѣятельность, конечно, не носитъ настоящаго моральнаго характера въ виду от-

сутствія указанныхъ мною болѣе сложныхъ и глубокихъ элементовъ, но въ ней, несомнѣнно , есть зачатки для этой дѣятельности въ смыслѣ уже различенія явленій, какъ хорошихъ или какъ дурныхъ. Дальнѣйшія формы различенія, дальнѣйшіе виды моральныхъ критеріевъ или моральной оцѣнки развиваются уже въ связи съ болѣе непосредственными воздѣйствіями извѣстныхъ предметовъ и явленій на психику ребенка или на его организмъ, когда получаются опредѣленныя пріятныя или непріятныя ощущенія, пріятныя именно для ребенка. Причемъ эта пріятность можетъ быть скоропреходящей или сравнительно длительной, такъ что они могутъ имѣть болѣе объективную цѣну и могутъ даже совпадать съ понятіемъ пользы именно здѣсь, еще въ раннемъ періодѣ жизни ребенка. Ребенокъ естественно встрѣчается съ такимъ явленіемъ, что его непосредственный эгоизмъ, связанный съ инстинктомъ самосохраненія, приходитъ въ столкновеніе съ эгоизмомъ другихъ лицъ и другихъ дѣтей. Такого рода столкновенія встрѣчаются часто въ явленіяхъ общенія между дѣтьми, когда здѣсь ребенокъ проявляетъ въ полной мѣрѣ свой эгоизмъ, вызывая соотвѣтственную реакцію на почвѣ такого же эгоизма со стороны другихъ дѣтей, и результатомъ этого столкновенія является извѣстное ограниченіе или самоограниченіе, въ смыслѣ признанія эгоизма другихъ лицъ, въ данномъ случаѣ - другого ребенка. Здѣсь-то, въ такого рода неизбѣжномъ самоограниченіи, обнаруживающемся на почвѣ всѣмъ извѣстныхъ явленій дѣтской жизни, и лежитъ зародышъ извѣстныхъ соціальныхъ отношеній, когда здѣсь мы встрѣчаемся уже съ непосредственнымъ признаніемъ полезности этого ограниченія, такъ

какъ оно сопровождается ограниченіемъ эгоизма другихъ лицъ, и наоборотъ, упорство въ этомъ эгоизмѣ можетъ вызвать соотвѣтственную, очень непріятную и тяжелую реакцію со стороны эгоистическихъ стремленій другихъ лицъ или другихъ дѣтей. Такимъ образомъ, въ этихъ элементарныхъ формахъ дѣтскаго общенія мы можемъ видѣть постепенную выработку моральныхъ принциповъ въ формѣ скорѣе утилитарной, когда здѣсь почти инстинктивно или полуинстинктивно, а затѣмъ уже сознательно получается нѣкоторое ограниченіе эгоизма, и на почвѣ этого ограниченія постепенно закладывается основаніе для болѣе поздно расцвѣтающихъ соціальныхъ качествъ, какъ они болѣе ярко обнаруживаются въ дальнѣйшемъ періодѣ развитія, именно, въ періодѣ еще дошкольной жизни и затѣмъ въ эпоху обученія въ школѣ. Въ этомъ процессѣ дальнѣйшаго роста моральнаго чувства принадлежитъ большое значеніе симпатической эмоціи - въ широкомъ смыслѣ слова, когда на почвѣ этой эмоціи устанавливаются разнообразныя отношенія между дѣтьми, когда здѣсь мы видимъ такія формы этого чувства, какъ симпатія, чувство товарищества, дружбы, когда здѣсь, слѣдовательно, возникаютъ естественныя соціальныя требованія, которыя являются очень цѣнными для развитія болѣе высокихъ формъ моральной эмоціи. Здѣсь играетъ большую роль и интеллектъ, поскольку для пониманія состоянія другого лица является необходимость проникнуть въ эти чужія переживанія. Въ этомъ случаѣ предполагается наличность своеобразнаго эмоціональнаго воображенія, способность ясно представлять себѣ состояніе другого лица и сдѣлать оцѣнку этого

состоянія, какъ пріятнаго или непріятнаго, тяжелаго или легкаго, и на почвѣ этого установить извѣстное отношеніе къ этимъ чужимъ переживаніямъ. Затѣмъ, дальнѣйшій ростъ моральнаго чувства находится въ зависимости отъ различныхъ представленій моральнаго характера, когда мы имѣемъ дѣло уже съ сознательной оцѣнкой этихъ представленій, когда понятіе хорошаго и дурного здѣсь часто, въ періодъ сознательной жизни, въ періодъ юношества подвергается иногда полной переоцѣнкѣ. На почвѣ этой переоцѣнки вырабатываются своеобразныя, иногда, совершенно новыя представленія о нравственности, въ связи съ которыми развивается и укрѣпляется самое чувство. Здѣсь мы можемъ постепенно наблюдать преобладаніе другихъ элементовъ, именно интеллектуальныхъ, волевыхъ, когда, съ одной стороны, здѣсь являются ясныя и отчетливыя представленія въ видѣ сознанія долга, представленія о томъ, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ, что является цѣннымъ съ моральной точки зрѣнія и что является противорѣчащимъ моральному идеалу; съ другой стороны, здѣсь предполагается постоянная связь съ активностью, съ обнаруженіемъ этого чувства вовнѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ поступковъ, вытекающихъ изъ отношеній къ другимъ лицамъ. Здѣсь можно наблюдать наиболѣе сильное ограниченіе эгоистическихъ тенденцій и, наоборотъ, развитіе и укрѣпленіе соціальныхъ стремленій, которыя запечатлѣваются уже чѣмъ нибудь конкретнымъ, а не существуютъ только въ видѣ пассивнаго настроенія, которое также можетъ характеризовать эту эмоцію, но которое не указываетъ на наиболѣе существенный эле-

ментъ этого чувства. Такимъ образомъ, мы можемъ наблюдать болѣе высокое развитіе или высшую ступень этой эмоціи, когда здѣсь предполагается и существованіе своеобразнаго эмоціональнаго воображенія въ высшей степени, и когда здѣсь мы имѣемъ въ виду постоянное конкретное обнаруженіе этого чувства въ цѣломъ рядѣ дѣйствій. Эти дѣйствія связаны съ нашими разнообразными отношеніями къ другимъ людямъ, независимо отъ родственныхъ или какихъ-нибудь другихъ связей, когда здѣсь предполагается признаніе человѣческаго достоинства въ всѣхъ лицахъ безъ исключенія, отвлекаясь отъ всѣхъ случайныхъ внѣшнихъ различій. Все это указываетъ на сложность этой эмоціи, особенно ея высшей формы, и, съ другой стороны, это же оттѣняетъ постоянно соціальный элементъ такого чувствованія и, наконецъ, указываетъ на огромное значеніе этой эмоціи въ жизни человѣка и въ жизни человѣчества вообще. О положительномъ значеніи этого чувства, поскольку оно развивается на почвѣ соціальныхъ отношеній и представляется совершенно неизбѣжнымъ въ условіяхъ человѣческаго существованія - о такомъ значеніи едва ли есть нужда распространяться, такъ какъ фактъ такого огромнаго значенія этого чувства является для всѣхъ, я думаю, безспорнымъ. Правда, мы можемъ видѣть своеобразное направленіе въ философіи, отчасти и въ педагогикѣ, которое можно назвать имморальнымъ или аморальнымъ, которое повидимому, принципіально отрицаетъ значеніе моральнаго чувства, какъ такового. Въ качествѣ такого рода противниковъ этого чувства, связаннаго съ понятіемъ долга, чувства внутренней принудительности, часто называютъ такихъ лицъ, какъ

Ницше и Гюйо. Здѣсь предполагается своеобразный индивидуализмъ Ницше, который старается поставить себя выше тѣхъ соціальныхъ требованій, которыя лежатъ въ основѣ моральной эмоціи. Что же касается Гюйо, то онъ разсматривается какъ отрицатель той внутренней принудительности, которая является существенной чертой въ понятіи долга. Но всѣ эти ссылки едва ли могутъ быть убѣдительными, потому что въ указанныхъ направленіяхъ нѣтъ отрицанія цѣнности моральнаго элемента вообще. Если имѣть въ виду Ницше, то здѣсь мы встрѣчаемся съ своеобразнымъ индивидуализмомъ, который является противорѣчащимъ требованіямъ обычной морали, выдвигающей на первый планъ альтруистическія тенденціи, особенно, какъ это мы встрѣчаемъ въ морали христіанства. Такимъ образомъ, здѣсь есть отрицаніе только опредѣленной формы морали, а не морали вообще, поскольку здѣсь указываются, какъ идеальныя, такія черты, которыя возвышаютъ даннаго человѣка надъ другими людьми и въ силу которыхъ предполагается для него возможность иного образа дѣйствій, чѣмъ какой является естественнымъ для всѣхъ обычныхъ людей. Слѣдовательно, здѣсь самое понятіе о должномъ не уничтожается совсѣмъ, а только для него дѣлается извѣстное ограниченіе, въ связи съ своеобразною оцѣнкою дѣятельности исключительныхъ лицъ. Если мы будемъ имѣть въ виду ученіе Гюйо, то здѣсь мы встрѣчаемся, повидимому, съ совершенно противоположнымъ взглядомъ, поскольку здѣсь соціальность или соціализированіе всей жизни выступаетъ на первый планъ. Но и въ этомъ случаѣ громадное значеніе моральнаго элемента признается Гюйо вполнѣ,- его отрицаніе касается только

той внѣшней принудительности, которая связывается иногда съ понятіемъ долга, и того обоснованія понятія долга, когда здѣсь все сводится къ воздѣйствію авторитета. Гюйо является противникомъ такого объясненія и, по его мнѣнію, какъ это всѣмъ, несомнѣнно, хорошо извѣстно, человѣкъ по самому существу своей природы является созданіемъ соціальнымъ, когда онъ можетъ непосредственно, какъ бы инстинктивно наблюдать или чувствовать въ себѣ избытокъ силъ, и этотъ избытокъ, не вмѣщаясь въ границы опредѣленнаго индивидуума неизбѣжно какъ бы переливается вовнѣ, и такимъ естественнымъ путемъ человѣкъ связывается съ жизнью и дѣятельностью другихъ людей. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ только предполагается своеобразное происхожденіе моральнаго чувства, даже моральной обязательности на почвѣ избытка этой природной духовной энергіи, когда въ силу этого избытка является неизбѣжнымъ общеніе между людьми, которое и ведетъ къ установленію различныхъ моральныхъ отношеній. Послѣдовательно проведенный индивидуализмъ съ этой точки зрѣнія является не осуществимымъ. Изъ этихъ замѣчаній о такихъ крайнихъ взглядахъ въ области этическихъ теченій мы можемъ несомнѣнно заключить, что этому чувству и тѣмъ понятіямъ, съ которыми связано это чувство, принадлежитъ огромное значеніе въ жизни человѣка. И разъ человѣкъ существуетъ неизбѣжно въ условіяхъ общежитія, соціальныхъ отношеній, то развитіе и укрѣпленіе этой эмоціи является совершенно необходимымъ. Поэтому я теперь долженъ перевести ваше вниманіе на то, въ чемъ же можетъ выражаться роль воспитателя въ процессѣ развитія этого чувства.

Здѣсь, прежде всего, можетъ возникнуть вообще вопросъ, принадлежитъ ли воспитанію, въ смыслѣ намѣреннаго сознательнаго воздѣйствія, какое нибудь положительное значеніе въ процессѣ развитія этой эмоціи, или же это чувство развивается вполнѣ естественно и нужно предоставить ребенка этому процессу естественнаго роста, совершенно не осложняя и не нарушая этого процесса никакимъ внѣшнимъ сознательнымъ вмѣшательствомъ, отъ кого бы оно ни исходило. Мы увидимъ скоро, что воспитанію принадлежитъ огромное значеніе въ процессѣ формированія этой эмоціи, какъ она развивается на почвѣ естественныхъ задатковъ. Правда, можно указать цѣлый рядъ соображеній, которыя нерѣдко приводятся въ доказательство того, что роль наслѣдственной основы здѣсь очень велика и будто бы этимъ природнымъ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ опредѣляется развитіе и дальнѣйшее теченіе роста этой эмоціи. Указываютъ здѣсь, прежде всего, на то, что въ человѣческой природѣ, какъ мы ее наблюдаемъ на извѣстной намъ опредѣленной ступени культуры, сформировалась извѣстная эмоція соціальнаго типа, которая сама по себѣ можетъ одержать верхъ надъ болѣе эгоистическими стремленіями, надъ болѣе индивидуалистическими потребностями человѣческой природы. Въ доказательство этого ссылаются на то, что если разсмотрѣть духовную организацію современнаго культурнаго человѣка или дикаря, то можно увидѣть постепенное преобладаніе, въ связи съ ростомъ культуры, соціальныхъ качествъ, ослабленіе такихъ проявленій, какъ жестокость, свирѣпость и т.п., такъ что здѣсь передъ нами естественный пере-

вѣсъ въ природѣ человѣка соціальныхъ свойствъ. Съ этой точки зрѣнія предоставленіе полной свободы развитію этой эмоціи является вполнѣ естественнымъ, и поэтому нѣтъ нужды въ какомъ либо сознательномъ вмѣшательствѣ. Далѣе указываютъ еще на то, что уже отъ природы есть извѣстныя различія между людьми, различія въ самой физической или психофизической организаціи, когда у однихъ людей можно видѣть обиліе чувства, у другихъ - меньшій запасъ этой чувствительности, и поэтому дальнѣйшее развитіе моральнаго чувства и должно итти на почвѣ этихъ природныхъ различій эмоціональнаго характера, и едва ли здѣсь можетъ принадлежать большое значеніе сознательному вмѣшательству, которое не въ силѣ ослабить этихъ естесгвенныхъ задатковъ, но должно только давать возможность развиться имъ болѣе широко. Если въ результатѣ такого процесса получаются извѣстныя различія въ отношеніи моральной чуткости, то, быть можетъ, это является неизбѣжнымъ и неустранимымъ, и все это, конечно, ослабляетъ и умѣряетъ значеніе воспитательнаго воздѣйствія. Наконецъ, ссылаются на то, что мы нерѣдко можемъ наблюдать явленія еще болѣе рѣзкой противоположности, не столько въ положительную, сколько въ отрицательную сторону, когда здѣсь имѣемъ дѣло съ фактомъ прирожденной аморальности, съ явленіемъ природнаго стремленія къ поступкамъ безнравственнымъ, которое обнаруживается у дѣтей очень рано и у взрослыхъ наблюдается, какъ явленіе, совершенно немотивированное, несмотря на цѣлый рядъ различныхъ воспитательныхъ воздѣйствій на протяженіи длиннаго процесса развитія. Это обстоятельство, будто бы, въ значительной степени ослабля-

етъ силу воспитанія и, можетъ быть, даже заставляетъ отказаться отъ самой попытки проявлять какую нибудь активность, а, можетъ быть, даже рекомендуетъ новый способъ отношеній и полную свободу развитія. Вотъ тѣ замѣчанія, которыя могутъ выдвигаться противъ принципа активнаго воздѣйствія въ процессѣ моральнаго воспитанія. Можно было бы здѣсь указать и еще нѣкоторыя другія точки зрѣнія, о которыхъ я упомяну дальше и которыя связаны съ огромнымъ значеніемъ среды, окружающей обстановки, когда послѣдняя сама по себѣ оказываетъ сильное воздѣйствіе на развитіе моральной эмоціи въ высшей степени, независимо отъ сознательнаго вмѣшательства. Это послѣднее возраженіе я разовью нѣсколько позднѣе, а теперь остановлю ваше вниманіе на тѣхъ аргументахъ противъ необходимости моральнаго воздѣйствія, которые я изложилъ выше. Что касается всѣхъ этихъ замѣчаній, то они едва ли могутъ быть убѣдительными, потому что, если имѣть въ виду первое, т.е. то, что здѣсь путемъ уже самой эволюціи постепенно укрѣпляются соціальныя основы человѣческаго существа, то это замѣчаніе является справедливымъ только отчасти, потому что если мы будемъ разсматривать современное состояніе психики человѣка, то увидимъ все-таки у него огромную силу эгоистическихъ тенденцій, связанныхъ съ инстинктомъ самосохраненія. Здѣсь предполагается сила эгоистическихъ инстинктовъ, повидимому, враждебныхъ самому существу соціальныхъ стремленій, и едва ли, конечно, убѣдительно указывать на уменьшеніе жестокости, озлобленія, чувства мести и т.д.: если мы можемъ наблюдать такое смягченіе эгоизма, то это есть лишь устраненіе болѣе грубыхъ и рѣзкихъ формъ эгоизма, ко-

торый самъ по себѣ является еще очень сильнымъ, очень крѣпко осѣвшимъ въ человѣческой природѣ и требующимъ, конечно, сильной борьбы съ собою. И дѣйствительно, на мѣстѣ грубыхъ формъ первобытной животной жестокости, у современнаго человѣка мы встрѣчаемъ болѣе утонченныя формы - и индивидуализма и эгоизма, которыя ослабляются различными факторами культурнаго воздѣйствія и которыя, однакожъ, указываютъ на глубоко лежащія залежи эгоистическихъ тенденцій, борьба съ которыми является неизбѣжной. И въ этомъ случаѣ нельзя представлять современнаго человѣка или ребенка въ такомъ видѣ, чтобы здѣсь, независимо отъ всей совокупности этого рода сознательныхъ вліяній, эти соціальные задатки непремѣнно одержали побѣду надъ эгоизмомъ, безъ всякаго вмѣшательства воспитателя. Что касается второго замѣчанія относительно того, что между людьми по самой природѣ есть существенное различіе и въ этомъ смыслѣ есть указаніе на то, что одинъ будетъ болѣе нравственнымъ, другой менѣе нравственнымъ, то и это замѣчаніе не можетъ считаться убѣдительнымъ, потому что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о различіи не въ области моральной эмоціи, а о различіи между обиліемъ или недостаткомъ природной чувствительности, въ связи съ различной организаціей, и такого рода различія мы, конечно, можемъ наблюдать между людьми, и эти различія должны быть использованы въ процессѣ моральнаго воспитанія. Эта природная чувствительность, какъ я уже раньше говорилъ при анализѣ чувства симпатіи, можетъ носить ярко выраженный индивидуалистическій характеръ и можетъ проявляться въ очень эгоистическомъ сантиментализмѣ, совершен-

но чуждомъ самому существу моральной эмоціи. Для того, чтобы образовалась эта послѣдняя, нужно, конечно, существованіе болѣе тонкой нравственной чуткости, которая предполагаетъ присутствіе своеобразнаго эмоціональнаго воображенія и которая имѣетъ въ виду, конечно, извѣстное умственное развитіе, когда здѣсь, на почвѣ сочетанія этихъ фактовъ - умственнаго развитія и воображенія - возможно представить состояніе другого человѣка. Въ то же время здѣсь необходима активность, когда въ силу такого живого представленія послѣдуютъ далѣе и дѣйствія, направленныя на ослабленіе собственнаго эгоизма и на облегченіе тяжелаго состоянія другихъ людей. Если этого не послѣдуетъ, то, несомнѣнно, на почвѣ такого обилія природнаго чувства не получится ничего, похожаго на настоящую моральную эмоцію. Если, наконецъ, имѣть въ виду послѣднее возраженіе, которое указываетъ какъ бы на фактъ природной безнравственности, на отсутствіе нравственнаго чувства, то такого рода возраженіе также не можетъ быть вполнѣ убѣдительнымъ аргументомъ противъ необходимости моральнаго воспитанія. Дѣло въ томъ, что мы не можемъ говорить, конечно, о прирожденности нравственности или безнравственности въ собственномъ смыслѣ слова и не можемъ говорить объ этомъ потому, что нравственная эмоція является соціальнымъ фактомъ, обнаруживаясь и устанавливаясь въ связи съ развитіемъ интеллекта, въ связи съ оцѣнкой своихъ отношеній къ другимъ людямъ, потому что здѣсь принимаетъ участіе цѣлый рядъ другихъ элементовъ, которые непосредственно не могутъ быть прирожденными. Прирожденнымъ можетъ считаться извѣстное элементарное чувствованіе, которое можетъ

быть выражено нѣкоторымъ перевѣсомъ въ сторону эгоизма или альтруизма, въ смыслѣ преобладанія индивидуалистическихъ или соціальныхъ качествъ,- но въ самой незначительной степени. Причемъ, далѣе это явленіе безнравственности, на которое ссылаются, объясняется уже недостаткомъ или отсутствіемъ послѣдующаго интеллектуальнаго развитія или же недостатками чисто органическаго характера, когда, въ связи со всѣмъ этимъ, мы наблюдаемъ явленіе нравственной неустойчивости. И это явленіе, когда оно усиливается извѣстными соціальными отношеніями, естественно, конечно, создаетъ почву для очень нежелательнаго въ моральномъ смыслѣ способа дѣйствія, когда, дѣйствительно, здѣсь есть стремленіе противодѣйствовать опредѣленнымъ требованіямъ, когда это противодѣйствіе носитъ иногда безсознательный характеръ и когда причина здѣсь лежитъ въ чисто органическихъ явленіяхъ патологическаго характера. Здѣсь возможна борьба на почвѣ общаго укрѣпленія организма, въ особенности нервной системы и въ частности мозга, ~~когда~~ здѣсь, слѣдовательно, также необходимо воспитаніе, но еще наиболѣе активное и интенсивное, для ослабленія этихъ природныхъ задатковъ и для созданія той моральной устойчивости, которая требуется для того, чтобы общая дѣятельность носила сознательный, планомѣрный характеръ, опредѣляясь извѣстными моральными принципами. Такимъ образомъ, и это возраженіе не является вполнѣ убѣдительнымъ. Все это, въ связи съ ранѣе произведеннымъ анализомъ моральнаго чувства, указываетъ на необходимость воспитательно-сознательнаго отношенія къ развитію этой эмоціи, принимая во вниманіе въ этомъ процессѣ развитія всю совокупность

условій, которыя содѣйствуютъ или мѣшаютъ развитію этого чувства.

Прежде, чѣмъ переходитъ къ этимъ воздѣйствіямъ, которыя должны носить сознательный и планомѣрный характеръ, начиная съ самаго ранняго возраста, мы должны разобрать еще одно мнѣніе, примыкающее къ ранѣе указаннымъ мною возраженіямъ, когда здѣсь, въ качествѣ наиболѣе сильнаго и цѣннаго - съ педагогической точки зрѣнія - средства развитія моральнаго чувства, какъ чувства соціальнаго попреимуществу, выдвигается дисциплина естественныхъ послѣдствій, когда предполагается возможность развитія этого чувства и своеобразной моральной чуткости путемъ непосредственнаго ознакомленія дѣтей, съ самаго ранняго возраста, со всѣмъ разнообразіемъ жизненныхъ отношеній, когда здѣсь элементъ авторитета совершенно устраняется. Эта точка зрѣнія, какъ извѣстно, наиболѣе ярко выражена въ исторіи педагогики Руссо, Спенсеромъ, отчасти она защищалась также Толстымъ. И здѣсь, прежде всего, указывается цѣлый рядъ аргументовъ, въ пользу того положенія, что такого рода естественныя воздѣйствія оказываются болѣе прочными, чѣмъ воздѣйствія сознательнаго характера. Именно, указываютъ на то, что здѣсь такимъ путемъ, когда за опредѣленнымъ поступкомъ человѣка - въ данномъ случаѣ ребенка - слѣдуетъ тотъ или иной результатъ, устанавливается болѣе тѣсная связь между поступками и слѣдствіями, чѣмъ какая можетъ быть установлена искусственнымъ путемъ теоретическихъ разъясненій или убѣжденій. Здѣсь - непосредственная реакція, слѣдующая со стороны другихъ дѣтей или людей, когда, напр., по-

ступокъ крайне эгоистическаго характера можетъ вызвать нежелательную реакцію для самого ребёнка, и здѣсь получится болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ какія бы то ни было настоятельныя и разнообразныя разъясненія. Далѣе, здѣсь указываютъ на то, что въ этомъ случаѣ естественныхъ послѣдствій сама связь можетъ быть болѣе тѣсной и неизбѣжной, когда здѣсь должны устраняться всякое пристрастіе и несправедливость, что такъ нерѣдко наблюдается въ отношеніяхъ родителей или воспитателей къ дѣтямъ. Такимъ образомъ, въ формѣ естественнаго воздѣйствія со стороны другихъ лицъ возможно большее соотвѣтствіе между совершеннымъ поступкомъ и вызваннымъ имъ результатомъ. Наконецъ, указываютъ на то, что на почвѣ такихъ разнообразныхъ воздѣйствій - въ видѣ естественныхъ послѣдствій, могутъ впослѣдствіи постепенно выработаться болѣе совершенныя понятія о хорошемъ и дурномъ, какъ эти понятія существуютъ въ извѣстномъ обществѣ, въ извѣстной обстановкѣ, среди которой придется жить самому ребенку. Такимъ путемъ здѣсь можетъ быть достигнуто наибольшее приспособленіе къ средѣ, которое съ точки зрѣнія сторонниковъ этого воспитанія является самой главной задачей воспитанія; приспособившись къ этой средѣ, ребенокъ будетъ чувствовать себя болѣе легко, свободно, болѣе счастливымъ, чѣмъ если ему послѣ, путемъ сознательной дѣятельности, придется устанавливать свое отношеніе къ этой средѣ, когда онъ будетъ вынужденъ отказаться отъ цѣлаго ряда привычекъ, взглядовъ, неподходящихъ къ той обстановкѣ, въ какой ему нужно будетъ дѣйствовать. Вотъ тѣ разнообразные аргументы, которые нерѣдко приводятъ въ защиту этого рода

воздѣйствій, и которые стремятся, если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, значительно ослабить роль всякихъ авторитетныхъ воздѣйствій съ самаго ранняго возраста. Но едва ли эта система, проведенная вполнѣ послѣдовательно, могла бы служить достаточнымъ средствомъ для воспитанія моральнаго чувства. Если эта система и имѣетъ воспитательное значеніе, то уже въ болѣе позднiй періодъ развитія, когда уже предполагается болѣе сознательное отношеніе къ окружающимъ условіямъ, когда уже становится возможнымъ дѣлать оцѣнку всѣхъ этихъ воздѣйствій и на почвѣ этой оцѣнки сознательно устанавливать свое личное отношеніе къ тѣмъ разнообразнымъ реакціямъ, которыя встрѣчаетъ ребенокъ или человѣкъ со стороны другихъ людей - въ отвѣтъ на свои дѣйствія. Если же взять болѣе ранній возрастъ, то такого рода воспитаніе оказывается очень несовершеннымъ - съ точки зрѣнія педагогическихъ принциповъ, прежде всего, потому, что здѣсь такого рода уроки могутъ покупаться очень дорогой цѣной, когда могутъ быть случайными и непропорціональными тѣ реакціи, которыя должны вызывать поступки ребенка, въ особенности, когда эти реакціи слѣдуютъ со стороны неодушевленныхъ предметовъ или со стороны животныхъ. Далѣе на ранней стадіи моральнаго воспитанія въ дошкольный періодъ, а отчасти во время пребыванія ребенка въ начальной школѣ это воздѣйствіе является недостаточнымъ потому, что благодаря неполному, несовершенному развитію интеллекта, очень трудно установить настоящую связь между поступками и слѣдствіями, трудно понять, что эти - слѣдствіе и результатъ являются пропорціональными дѣйствіямъ ре-

бенка, что здѣсь дѣйствительно существуетъ полное соотвѣтствіе. Здѣсь необходимо болѣе серьезное, углубленное пониманіе явленій, которое предполагаетъ установленіе извѣстныхъ взаимоотношеній между явленіями, а для этого требуется болѣе высокая степень интеллектуальнаго развитія. Наконецъ, самый существенный недостатокъ этой системы заключается въ томъ, что такимъ путемъ не могутъ быть установлены или выработаны настоящіе моральные идеалы, настоящіе моральные принципы, которые по самому ихъ существу едва ли можно отожествлять съ совокупностью тѣхъ обычныхъ представленій о нравственномъ или безнравственномъ, которыя являются господствующими въ извѣстномъ обществѣ, въ извѣстной средѣ - въ опредѣленную эпоху. Дѣло въ томъ, что если провести эту систему послѣдовательно, то возможно достигнуть приспособленія къ средѣ, возможна эта болѣе легкая форма существованія, въ виду согласованія стремленій ребенка съ тѣмъ, что является цѣннымъ съ точки зрѣнія опредѣленнаго общества. Но этотъ результатъ едва ли можетъ считаться удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія болѣе высокихъ моральныхъ идеаловъ. Здѣсь будетъ только приспособленіе къ средѣ, къ среднему уровню, который оказывается типичнымъ для извѣстнаго общества - въ опредѣленную эпоху. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія моральнаго воспитанія, необходимо, конечно, созданіе болѣе высокихъ нравственныхъ идеаловъ, которые никогда не осуществляются вполнѣ, которые превышаютъ эту среду, и задача воспитанія заключается не въ томъ, чтобы эти идеалы принижались до среды, а въ томъ, чтобы самая среда постепенно повышалась до такого болѣе высокаго мо-

ральнаго уровня. И вотъ, съ этой-то точки зрѣнія, на почвѣ только такого рода воздѣйствія никогда не можетъ быть достигнута наиболѣе высшая форма нравственнаго воспитанія, ибо здѣсь не создается представленія о необходимости безостановочнаго нравственнаго прогресса, а, наоборотъ, есть мысль о какомъ-то опредѣленномъ максимумѣ, на которомъ можно остановиться. Все это еще разъ приводитъ насъ къ тому убѣжденію, которое высказывалось не разъ, именно, что здѣсь необходимо сознательное интенсивное воздѣйствіе на ребенка съ самаго ранняго возраста. Что касается формъ такого воздѣйствія, то онѣ уже указываются тѣмъ, что я говорилъ относительно процесса развитія нравственнаго чувства въ жизни индивидуумовъ. Именно, здѣсь является, на самой ранней стадіи, конечно, воздѣйствіе путемъ авторитета, когда понятіе хорошаго или дурного устанавливается самими взрослыми; когда такая оцѣнка признается дѣтьми потому, что она считается наиболѣе совершенною именно тѣми лицами, которыя пользуются наивысшимъ авторитетомъ въ глазахъ дѣтей. Такая точка зрѣнія является неизбѣжной особенно въ періодъ, когда еще слабо дѣйствуетъ интеллектъ. И лишь послѣ, когда усиливается работа интеллекта, необходимо сознательное воздѣйствіе въ томъ смыслѣ, чтобы дѣти сами удовлетворяли свою моральную любознательность, чтобы они сами привыкали дѣлать различіе между хорошимъ и дурнымъ, или вѣрнѣе, привыкали давать себѣ отчетъ, почему именно одно хорошо, а другое дурно. Такого рода оцѣнка является совершенно неизбѣжною и очень важною потому, что здѣсь моральная дѣятельность ребенка принимаетъ болѣе сознательный ха-

рактеръ, а не характеризуется тою пассивностью, которая встрѣчается на этой первой ступени чисто авторитетнаго воздѣйствія. Далѣе, такого рода воспитаніе происходитъ на почвѣ развитія опредѣленныхъ эмоцій, на почвѣ установленія равновѣсія между эмоціями эгоистическаго и альтруистическаго типовъ, когда встрѣчается цѣлый рядъ явленій, которыя заставляютъ ребенка обнаруживать именно соціальныя эмоціи, когда самая нравственность и соціальность являются неизбѣжными въ силу условій общежитія, которыя заставляютъ устанавливать взаимодѣйствіе между собственными эгоистическими стремленіями и аналогичными стремленіями другихъ людей. Такимъ образомъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ утилитарной точкой зрѣнія въ морали. Но затѣмъ, постепенно, на почвѣ общаго умственнаго развитія и пробужденія болѣе высокихъ соціальныхъ качествъ, можетъ укрѣпиться болѣе высокая форма моральнаго чувства, именно - въ видѣ сознанія долга, нравственной отвѣтственности, когда здѣсь предполагается уже понятіе о человѣческой личности, какъ личности свободной, сознательно дѣйствующей и потому несущей отвѣтственность за свою дѣятельность. Это чувство слагается постепенно, на почвѣ цѣлаго ряда соціальныхъ воздѣйствій, и соціальный элементъ здѣсь является никогда неустранимымъ; и если говорятъ о чувствѣ отвѣтственности передъ самимъ собою,, передъ своею совѣстью, не считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ, то все-таки безспорно, что самое происхожденіе этого чувства связано съ цѣлымъ рядомъ соціальныхъ отношеній. Этотъ соціальный элементъ является неустранимымъ и въ болѣе высокихъ формахъ моральной эмоціи, когда мы

встрѣчаемся съ явленіемъ самоотреченія, самоотверженности, когда ему предшествуетъ очень продолжительная борьба, и въ результатѣ этой борьбы торжествуетъ, повидимому, соціальная тенденція, которая имѣетъ въ виду благо другихъ людей. Такимъ образомъ, на этой высшей стадіи нравственнаго развитія необходимо установить извѣстное согласованіе между наиболѣе цѣнными вопросами нашей собственной личности и между соціальными требованіями, поскольку послѣднія связаны съ извѣстнымъ ограниченіемъ личности въ пользу соціальной тенденціи. Эта задача рѣшается уже въ сознательный періодъ жизни и рѣшается, разумѣется, всегда относительно, субъективно, и едва ли здѣсь можетъ быть какой-нибудь абсолютный критерій, какой-нибудь непогрѣшимый масштабъ. Рѣшеніе это является особенно важнымъ въ жизни каждаго человѣка - при выработкѣ міросозерцанія и, главнымъ образомъ, въ періодъ установленія характера своей дѣятельности, когда имѣется въ виду согласованіе этого индивидуализма съ этими общественными задачами. Здѣсь, конечно, съ точки зрѣнія воспитанія, важно только предохранить отъ тѣхъ крайностей индивидуализма, которыя мы встрѣчаемъ очень нерѣдко и которыя особенно усиливаются въ связи иногда съ разочарованіемъ въ извѣстныхъ соціальныхъ стремленіяхъ, что, напр., наблюдается въ наши дни. Здѣсь возможно встрѣтить односторонній индивидуализмъ, совершенно нежелательный, и, можетъ быть, очень узкій, когда въ этомъ индивидуализмѣ культивируются и оттѣняются совсѣмъ не самыя цѣнныя черты человѣческой личности. Значитъ, съ этой точки зрѣнія возможенъ протестъ противъ индивидуализма - въ

такой крайней и односторонней формѣ, причемъ этотъ протестъ нисколько не отрицаетъ цѣнности другихъ, наиболѣе высокихъ стремленій человѣческой личности, которыя могутъ быть согласованы съ этими общественными требованіями. Этимъ же указывается еще и на то обстоятельство, что, безспорно, въ этомъ процессѣ развитія, совершенствованія нравственнаго чувства и въ этой высшей стадіи, общественному и соціальному элементу принадлежитъ огромное значеніе, и процессъ только чисто индивидуальнаго совершенствованія едва ли оказывается здѣсь достаточнымъ, вполнѣ исчерпывающимъ самую задачу нравственнаго прогресса. Я имѣю въ виду своеобразное направленіе въ области современнаго моральнаго воспитанія, одной изъ существенныхъ особенностей котораго, въ отношеніи развитія моральнаго чувства, является принципъ личнаго совершенствованія, принципъ, конечно, глубоко цѣнный и совпадающій съ лучшими завѣтами обще-философской и въ особенности религіозной морали, принципъ, которому всегда должно принадлежать огромное значеніе въ процессѣ сознательной дѣятельности человѣка. И, конечно, если бы принципъ этотъ возможно было осуществить, т.е. если возможно было бы представить себѣ, что каждый человѣкъ только заботился бы о личномъ совершенствованіи и если бы онъ достигъ этой наивысшей ступени, то, конечно, тогда не нужны были бы тѣ внѣшнія усовершенствованія, тѣ разнообразные, очень крупные, иногда катастрофическіе перевороты, которые мы встрѣчаемъ въ явленіяхъ общественно-политической жизни. Но дѣло въ томъ, что здѣсь такого рода личное совершенствованіе, теоретически будучи, дѣйствительно, универ-

сальнымъ средствомъ, практически никогда не осуществляется - - именно въ связи съ еще очень сильными задатками эгоистическаго характера въ человѣческой природѣ, которые не даютъ возможности, у большинства людей, одержать побѣду надъ этими эгоистическими тенденціями соціальнымъ стремленіямъ, и поэтому, конечно, здѣсь нужно всегда имѣть въ виду и самое совершенствованіе соціальныхъ отношеній, поскольку здѣсь это совершенствованіе находится въ связи съ различными формами соціальнаго прогресса. Иначе здѣсь могло бы получиться очень нежелательное явленіе своеобразнаго квіетизма на индивидуалистической почвѣ, когда могла бы укрѣпиться такая точка зрѣнія, что, оставаясь на почвѣ личнаго совершенствованія, можно быть совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, которыя содѣйствуютъ моральному прогрессу. Опасность этого квіетизма наблюдается въ отношеніи многихъ философскихъ и религіозныхъ ученій, отчасти и въ отношеніи христіанства, а также и - ученія Толстого, если имѣть въ виду опредѣленную сторону этого ученія, когда недостаточно подчеркивается активный элементъ въ человѣческой личности, которая должна бороться за этотъ соціальный прогрессъ на почвѣ личнаго совершенствованія. Слѣдовательно, едва ли можно практически стать на такую точку зрѣнія и представить себѣ такое состояніе, когда дѣйствительно, люди совершенно преобразятся, достигнутъ этой высшей ступени моральнаго совершенства, и когда не будетъ чувствоваться нужды въ борьбѣ за соціальныя реформы. Такого рода точка зрѣнія является односторонней, потому что здѣсь не подчеркивается тотъ элементъ соціальной ак-

тивности, борьбы съ внѣшними препятствіями, которыя стоятъ на пути къ личному совершенствованію и къ тому, чтобы это совершенствованіе носило болѣе соціальный характеръ и распространялось на другихъ лицъ. Поэтому, едва ли можно согласиться съ представителями такого взгляда въ педагогикѣ, что здѣсь, прежде всего, нужно создать такихъ въ высшей степени морально настроенныхъ лицъ, и они уже осуществятъ всѣ необходимыя соціальныя реформы. Дѣло въ томъ, что едва ли эти лица могутъ даже создаться среди тѣхъ условій, которыя часто являются тормозящими и самый процессъ индивидуальнаго совершенствованія, въ его жизненно-конкретномъ проявленіи. Слѣдовательно, здѣсь, въ конечномъ результатѣ, мы приходимъ къ тому выводу, что въ процессѣ развитія нравственнаго чувства, съ точки зрѣнія личнаго совершенствованія, всегда удерживается тѣсная связь съ цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ явленій, которыя или могутъ быть препятствіями къ этому совершенствованію или иногда могутъ служить, - главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія моральнаго идеала, - цѣннымъ орудіемъ того же личнаго совершенствованія. Слѣдовательно, здѣсь мы видимъ совмѣщеніе моральнаго индивидуализма съ такими же неустранимыми требованіями соціальнаго прогресса.

РЕЛИГІОЗНОЕ ЧУВСТВО.

Я перехожу теперь къ характеристикѣ религіознаго чувства. Что касается самаго существа этого чувствованія, то, повидимому, оно непосредственно извѣстно намъ изъ личныхъ переживаній, но болѣе глубокій анализъ вскрываетъ сложность этой эмоціи и

даже трудность ея опредѣленія. Обыкновенно религіозное чувство или религіозная эмоція опредѣляется какъ своеобразное душевное переживаніе, пріятное или непріятное, имѣющее особый характеръ, который связанъ съ представленіемъ высшаго существа, и - часто - высшаго существа личнаго характера. Но такого рода опредѣленіе религіознаго чувства едва ли можетъ считаться вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности и обнимающимъ всѣ разнообразныя религіозныя переживанія. Дѣло въ томъ, что, конечно, можетъ быть, большая часть религіозныхъ чувствованій возникаетъ въ связи съ представленіемъ опредѣленнаго существа высшаго типа и даже существа личнаго характера, какъ это можно наблюдать во многихъ историческихъ религіяхъ, въ частности - - въ христіанской, но въ то же время можетъ быть религіозное чувство, не связанное съ представленіемъ этого существа, въ особенности - существа личнаго. Могутъ быть религіозныя чувствованія, которыя могутъ носить пантеистическій и даже космическій характеръ, будучи не связаны съ представленіемъ такого личнаго существа, какъ это мы наблюдаемъ въ нѣкоторыхъ исторически извѣстныхъ религіяхъ, напр., въ браминской религіи. Слѣдовательно, здѣсь нужно выбрать какое нибудь общее опредѣленіе, которое указывало бы на наиболѣе существенныя черты этихъ чувствованій и которое распространялось бы на самыя разнообразныя формы религіозныхъ переживаній, какъ мы ихъ наблюдаемъ въ жизни всего человѣчества. Если стать на такую, болѣе широкую точку зрѣнія, то здѣсь, я думаю, наиболѣе существеннымъ

элементомъ въ религіозныхъ чувствованіяхъ будетъ считаться сознаніе собственной ограниченности, сознаніе, которое влечетъ за собою представленіе о какой то высшей силѣ, гдѣ находитъ восполненіе эта ограниченность, не зависимо отъ того, какая эта сила космическая или личная. Здѣсь, прежде всего, есть сознаніе собственной ограниченности, а затѣмъ уже представленіе о чемъ то такомъ, что превышаетъ, превосходитъ эту ограниченность, сознаніе, что существуетъ какая то болѣе высшая сила, будетъ ли она матеріальною или духовною, личною или безличною. Вотъ это и является, какъ справедливо подмѣтилъ философъ Шлейермахеръ, типичнымъ для различныхъ формъ религіозныхъ переживаній, возьмемъ ли мы наиболѣе элементарныя формы, какъ онѣ встрѣчались и встрѣчаются у первобытнаго человѣка, будемъ ли имѣть болѣе сложныя формы, какъ онѣ создаются, развиваются на почвѣ опредѣленной исторической религіи, или какъ онѣ возникаютъ у современнаго человѣка. Но, конечно, это опредѣленіе или этотъ признакъ не является единственнымъ и исчерпывающимъ, потому что дальнѣйшій анализъ религіозныхъ переживаній можетъ указать на цѣлый рядъ другихъ чувствованій, которыя заключаются въ этихъ переживаніяхъ и которыя сближаютъ религіозную эмоцію съ чувствами болѣе элементарными и намъ уже хорошо извѣстными. Среди этихъ другихъ элементовъ, которые имѣютъ болѣе общій, обще-человѣческій или даже обще-біологическій характеръ, нужно, прежде всего, назвать чувство страха, которому принадлежитъ такое большое значеніе въ болѣе элементарныхъ формахъ религіозныхъ переживаній, какъ это мы наблюдаемъ у первобытна-

го человѣка, какъ это встрѣчаемъ и у нѣкоторыхъ представителей современнаго человѣчества, руководящихся въ своей жизни и дѣятельности религіозными представленіями. Этому чувству, конечно, принадлежитъ большое значеніе въ процессѣ возникновенія религіозной эмоціи, когда эта эмоція у первобытнаго человѣка появлялась и укрѣплялась въ связи съ различными явленіями природы, которыя дѣйствовали, прежде всего, такимъ устрашающимъ образомъ, подвергая опасности самое существованіе этого человѣка. Здѣсь имѣется въ виду цѣлый рядъ разрушительныхъ явленій природы - громъ, молнія, землетрясеніе, вулканическія изверженія,- такія явленія, которыя естественно должны были внушать чувство ужаса, связанное съ сознаніемъ своей слабости и безпомощности, и въ результатѣ этого сознанія, конечно, являлось представленіе о какой-то высшей силѣ, которая въ данномъ случаѣ, въ данный моментъ являлась разрушительной для человѣка. Поэтому мы и встрѣчаемъ своеобразныя религіозныя представленія натуралистическаго типа, когда эти явленія природы одухотворялись и оживлялись, когда здѣсь предполагалось присутствіе высшей силы, значительно превосходящей ограниченныя силы человѣческаго существа. Самое божество представлялось силой всемогущей, грозной, мстительной, иногда жестокой, требующей къ себѣ отношенія умилостивленія, жертвъ, отреченія отъ того, что является иногда болѣе цѣннымъ для человѣка на извѣстной стадіи его существованія. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ разнообразныя представленія о божествѣ, возникшія именно на этой почвѣ. Но затѣмъ такія представленія постепенно смягчались и видоизмѣнялись въ связи съ другими эмоціями, которыя входили,

въ качествѣ элементовъ, въ эту идею о божествѣ. Прежде всего сознаніе собственной ограниченности и слабости принимаетъ болѣе одухотворенныя формы, когда сохраняется представленіе и высшемъ существѣ, какъ о высшей силѣ, превосходящей силы обыкновеннаго человѣка, вызывающей къ себѣ своеобразное чувство въ видѣ трепета, благоговенія, а не только въ формѣ страха, доходящаго до ужаса. Затѣмъ это представленіе о высшей силѣ постепенно осложняется другими элементами, которые имѣютъ свой источникъ въ чувствахъ, не лишенныхъ эгоизма и связанныхъ съ сознаніемъ нашего „я", съ инстинктомъ самосохраненія, но не въ такой степени, какъ чувство страха. Я разумѣю здѣсь различные виды симпатической эмоціи, когда здѣсь предполагается представленіе о высшей силѣ, о божествѣ, какъ о такомъ существѣ, которое вызываетъ не только чувство ужаса, но и чувства благодарности, любви, чувство влеченія, слѣдовательно, чувства, которыя носятъ симпатическую природу, причемъ здѣсь всегда есть мысль о высшемъ существѣ, въ которомъ мы находимъ для себя извѣстную опору. Значитъ, здѣсь нѣтъ еще полнаго устраненія элемента эгоизма, который проявляется въ болѣе сильной степени въ ранѣе указанной формѣ эмоціи. Такого рода чувствованіе несомнѣнно опять связано съ воздѣйствіями со стороны природы, поскольку здѣсь въ явленіяхъ природы, въ ихъ отношеніи къ человѣческой жизни, мы видимъ цѣлый рядъ такихъ фактовъ, которые вызываютъ эту эмоцію. Здѣсь можно указать на разнообразныя благотворныя явленія природы, будетъ ли это дѣйствіе солнца, дождя, рѣкъ и т.д. Въ этихъ явленіяхъ видятъ силы, превосходящія обычныя силы человѣ-

ка, вслѣдствіе чего онѣ и возводятся въ божества, требующія къ себѣ соотвѣтствующаго отношенія. Затѣмъ постепенно сюда привходятъ и другіе элементы, которые имѣютъ начало въ условіяхъ человѣческаго существованія - въ обществѣ, когда здѣсь имѣются въ виду люди, которые оказали какія нибудь существенныя услуги опредѣленному обществу, опредѣленному племени, и которые впослѣдствіи, постепенно, часто - по мѣрѣ отдаленія отъ эпохи ихъ реальнаго существованія,- также возводятся въ рангъ исключительныхъ существъ, полубожествъ или настоящихъ божествъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ эти элементы симпатической эмоціи являются, несомнѣнно, преобладающими и вызываютъ своеобразное отношеніе къ божеству, когда здѣсь предполагаются уже не только умилостивленіе, но и прославленіе, благодарность, различнаго рода хвалебные гимны. Здѣсь же можно назвать своеобразное религіозное состояніе, въ формѣ экстаза, когда здѣсь предполагается какъ бы соединеніе съ божествомъ, полное сліяніе индивидуальности съ такой высшей, иногда личной или безличной высшей силой, когда въ этомъ процессѣ исключительнаго подъема религіознаго чувства наблюдается какъ бы полное забвеніе собственной личности или поглощеніе ея божествомъ. Все это указываетъ на разнообразіе тѣхъ элементовъ, по преимуществу эмоціональныхъ, которые входятъ въ составъ религіозной эмоціи. Изъ этой характеристики, прежде всего можно видѣть, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-то своеобразнымъ эмоціональнымъ переживаніемъ и съ конкретно выраженнымъ цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ обнаруженій, какъ это встрѣчается въ различныхъ, всѣмъ извѣстныхъ фактахъ религіозна-

го богопочитанія. Но здѣсь уже нужно отмѣтить, что въ этомъ чувствѣ принадлежитъ большое значеніе интеллектуальному элементу, поскольку этотъ интеллектуальный элементъ затрагивается въ различныхъ стадіяхъ развитія этого чувства. Такъ, если мы возьмемъ наиболѣе ранній періодъ развитія этой эмоціи, какъ она встрѣчается въ жизни всего человѣчества, въ жизни еще некультурнаго человѣка, то мы увидимъ привлеченіе религіи для объясненія самыхъ разнообразныхъ явленій, когда религія является и наукой и философіей, когда ею даются отвѣты на самые разнообразные вопросы, возникающіе передъ человѣческимъ умомъ. Отвѣты эти даются въ духѣ естественнаго для первобытнаго мышленія анимистическаго міропредставленія, когда міровыя явленія объясняются на почвѣ предположенія, что существуютъ извѣстныя духовныя силы или духи, которые являются главными виновниками всѣхъ этихъ процессовъ. На почвѣ такого рода анимистическихъ представленій мы и можемъ наблюдать возникновеніе разнообразныхъ формъ религіознаго вѣрованія, будетъ ли это фетишизмъ, политеизмъ или монотеизмъ, гдѣ, несомнѣнно, вторгается этотъ интеллектуальный элементъ, который старается дать окончательное объясненіе самымъ различнымъ запросамъ человѣческаго духа, или въ данномъ случаѣ, человѣческаго ума. Этотъ интеллектуальный элементъ, именно, съ такой религіозной окраской, можетъ быть присущимъ и болѣе высокимъ формамъ культуры, когда здѣсь предполагаются, на почвѣ религіи, такіе отвѣты, которые не могутъ считаться строго научными. Необходимость въ такого рода отвѣтахъ, носящихъ нѣкоторый религіозный колоритъ,

объясняется тѣмъ, что мы не можемъ получить вполнѣ удовлетворяющаго отвѣта въ опредѣленной области знанія, благодаря несовершенству этихъ знаній, неполнотѣ собранныхъ результатовъ, иногда недостатку самаго метода изслѣдованія. На почвѣ всѣхъ этихъ дефектовъ естественно встрѣчаются извѣстные пробѣлы, неполнота, которые требуютъ своего заполненія, въ силу неизбѣжнаго стремленія человѣческаго духа къ полной законченности міросозерцанія, гдѣ давались бы отвѣты, удовлетворяющіе самымъ различнымъ требованіямъ нашего духа. И съ этой точки зрѣнія, извѣстный религіозный элементъ можетъ быть присущъ и научному знанію, когда здѣсь этотъ элементъ предполагается въ видѣ вѣры, конечно, носящей субъективный характеръ и однако же находящейся въ тѣсной связи съ извѣстными научными данными. Эти научныя данныя обнаруживаютъ тѣ пробѣлы, на которые я указывалъ, и заставляютъ пополнить ихъ въ цѣляхъ выработки міросозерцанія. Здѣсь естественно является мысль о ~~насл[illegible]дственности~~, глубинѣ и необъятности тѣхъ явленій, которыя оказываются объектомъ изученія; здѣсь иногда неизбѣжно вторгается представленіе объ ограниченности самаго человѣческаго существа, объ ограниченности познавательныхъ силъ человѣка, и въ связи съ этимъ невольно можетъ пробуждаться мысль о существованіи силы, которая обладаетъ въ гораздо большей степени всѣми способностями, которыя мы находимъ у человѣка. Такимъ образомъ, здѣсь можетъ быть своеобразное представленіе о божествѣ, можетъ быть, еще далекое отъ теизма, т.е. отъ представленія о личномъ Богѣ. Можетъ быть, это представленіе носитъ пантеисти-

ческій характеръ, поскольку среди природы, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, можно видѣть отраженіе такой безконечной и неопредѣляемой мощи, которая не выражается вполнѣ въ жизни отдѣльныхъ людей и жизни всего человѣчества и, можетъ быть, въ жизни той части природы, которая только и подлежала нашему изслѣдованію. Здѣсь есть, такимъ образомъ, извѣстный элементъ вѣры, но вѣры, какъ мы увидимъ, очень своеобразной, которая отличается отъ той, которая встрѣчается въ опредѣленныхъ формахъ историческихъ религій. Все это указываетъ на то, что религіозному чувству присущъ интеллектуальный элементъ и что этотъ элементъ является естественнымъ въ этомъ случаѣ. Въ связи съ этимъ наблюдаются постепенныя измѣненія или извѣстная ~~эмоція~~ Feeling въ религіозномъ чувствѣ, по мѣрѣ общаго развитія человѣческаго духа или, въ частности, человѣческаго ума. Затѣмъ здѣсь, конечно, мы можемъ отмѣчать и элементъ активности, который выражается конкретно въ различнаго рода осуществленіяхъ этого религіознаго настроенія, этихъ религіозныхъ представленій. Мы разумѣемъ здѣсь религіозный культъ, самую жизнь, самый строй жизни, тѣсно связанный съ извѣстными религіозными представленіями. Все это для насъ ясно обнаружится, если мы будемъ имѣть передъ собою конкретную форму религіознаго чувства, какъ эта форма обыкновенно выражается въ извѣстныхъ религіяхъ. Составъ каждой религіи, какъ цѣлаго, довольно разнообразный, но во всякомъ случаѣ, здѣсь можно указать нѣкоторые, наиболѣе существенные элементы. Именно, къ такимъ элементамъ можно, прежде всего, отнести совокупность опредѣленныхъ религіозныхъ представленій о божествѣ, о свойствахъ этого

божества, слѣдовательно, совокупность извѣстныхъ религіозныхъ ученій, которыя выражаются нерѣдко въ видѣ догматовъ, т.е. такихъ положеній, которыя являются какъ бы заранѣе общепризнанными, абсолютно безспорными и требуютъ къ себѣ полнаго подчиненія, хотя бы въ нихъ и не было полной согласованности съ основными принципами человѣческаго ума. Затѣмъ, въ каждой религіи можно наблюдать извѣстные моральные принципы, которые требуютъ соотвѣтствующаго образа жизни и, конечно, опираются на извѣстныя теоретическія представленія. Наконецъ, въ каждой религіи мы можемъ видѣть и такія внѣшнія, конкретныя формы ея обнаруженія, когда она выражается въ культѣ, когда это внѣшнее выраженіе предполагаетъ болѣе прочное запечатлѣніе религіознаго чувства на почвѣ извѣстной дѣятельности. Такимъ образомъ, часто весь строй жизни опредѣленнаго человѣка или извѣстнаго общества носитъ религіозную окраску и здѣсь религія является основнымъ принципомъ не только мысли, но и дѣятельности. Въ нашу задачу не можетъ входить полная и всесторонняя оцѣнка религіи, поскольку она заключаетъ въ себѣ всѣ указанные элементы и поскольку здѣсь религія представляетъ изъ себя извѣстное историческое явленіе, выражаясь въ видѣ вѣрованій, облеченныхъ въ извѣстныя системы, соединяющихся съ извѣстнымъ моральнымъ ученіемъ и закрѣпляющихся опредѣленной религіозной практикой. Во всякомъ случаѣ, если идетъ рѣчь о значеніи религіи въ исторіи культуры, то это значеніе, безспорно, очень велико, какъ съ положительной, такъ и съ отрицательной стороны. Нѣсколько словъ объ этомъ значеніи, можетъ быть, придется сказать и теперь, въ

виду того, что здѣсь необходимо будетъ указать свое отношеніе къ вопросу о воспитаніи религіознаго чувства, а это воспитаніе предполагаетъ уже извѣстную оцѣнку самой религіозной эмоціи, тѣсно связанной въ своемъ проявленіи съ извѣстными формами религіозныхъ вѣрованій. Едва ли, конечно, можно отрицать положительное значеніе нѣкоторыхъ историческихъ религій, когда религія на самыхъ раннихъ стадіяхъ культуры замѣняла для человѣка все - не только вѣру, но и знаніе и философію, когда ею давались здѣсь окончательные и вполнѣ удовлетворяющіе отвѣты на самые различные запросы человѣческаго духа. Далѣе, можно указать на положительное значеніе историческихъ религій въ отношеніи роста моральныхъ принциповъ, когда въ религіи указывался высшій авторитетъ, когда на религію опиралось законодательство - - при условіи, конечно, если всѣ эти моральные принципы являются цѣнными съ точки зрѣнія тѣхъ позднѣйшихъ критеріевъ, какіе мы встрѣчаемъ у культурнаго человѣчества. Въ частности, здѣсь заслуживаетъ вниманія высокая оцѣнка человѣческой личности, которая встрѣчается въ нѣкоторыхъ религіяхъ, въ особенности въ раннемъ христіанствѣ. Здѣсь предполагается исключительно высокое понятіе человѣческой личности, съ точки зрѣнія ея духовныхъ обнаруженій, и духовная индивидуальность получаетъ здѣсь такую чрезвычайную оцѣнку, какой она не имѣла въ античномъ мірѣ, гдѣ принципъ личности подавлялся либо принципомъ государственности, либо принципомъ общественности - въ такомъ внѣшнемъ принудительномъ смыслѣ. Все это указываетъ на безспорное значеніе нѣкоторыхъ формъ историческихъ религій, въ

особенности, если имѣть въ виду опять отдѣльныя религіи, въ частности ту же христіанскую религію въ раннюю эпоху существованія, когда предполагалось такое единство религіознаго настроенія, которое вело за собою полное осуществленіе принципа братства. Но, указывая эти положительныя черты, необходимо отмѣтить и цѣлый рядъ отрицательныхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ въ религіяхъ, какъ чисто историческихъ явленіяхъ. Здѣсь, прежде всего, нужно отмѣтить тотъ абсолютизмъ въ притязаніяхъ религій, когда предполагается существованіе только одной истинной религіи, когда всякое другое исповѣданіе, несогласное съ этой абсолютно притязающей религіей, признается ложнымъ и требуетъ къ себѣ отрицательнаго отношенія. Въ связи съ этимъ предполагается нетерпимость къ свободному знанію, которое развивалось на почвѣ положительной науки и постепенно изгоняло сверхъестественный элементъ изъ научнаго обихода. На почвѣ этого отношенія мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ глубоко печальныхъ явленій, видимъ мучениковъ науки, которые являются жертвами религіознаго абсолютизма, религіознаго изувѣрства. И, дѣйствительно, эти черты фанатизма, изувѣрства являются очень типичными для различныхъ формъ религіозныхъ вѣрованій, поскольку здѣсь имѣется въ виду односторонность религіозной эмоціи, поскольку здѣсь эта эмоція возводится въ самый высшій рангъ и требуетъ себѣ полнаго подчиненія. Это же самое можно сказать и о тѣхъ разнообразныхъ суевѣріяхъ, которыя имѣли и даже теперь имѣютъ такую большую силу и которыя безспорно являются тормозомъ на пути прогресса. Эти явленія подчеркивались очень давно не только въ

новое время, но еще и въ античномъ мірѣ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія тотъ сильный протестъ противъ античныхъ религій, который мы встрѣчаемъ у Лукреція въ его знаменитой поэмѣ „De rerum natura", гдѣ онъ говоритъ о тѣхъ потокахъ крови, которые проливались и проливаются во имя религіи, о тѣхъ искаженныхъ представленіяхъ о самомъ человѣческомъ существѣ, о задачахъ его существованія здѣсь на землѣ, которыя содержаться въ различныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Все это, конечно, является въ значительной степени справедливымъ въ отношеніи не только античныхъ религій, но и въ отношеніи многихъ позднѣйшихъ вѣрованій. На этой почвѣ мы видимъ односторонніе эмоціи грубо эгоистическаго характера, когда передъ нами выступаютъ чувства злобы, ожесточенности - въ связи съ различнаго рода религіозными преслѣдованіями. Въ этомъ случаѣ совершенно забываются важнѣйшіе завѣты евангельскаго христіанства, когда впослѣдствіи въ нѣдрахъ этой религіи возникаютъ инквизиція и цѣлый рядъ другихъ извращенныхъ формъ религіозной жизни. Съ этой точки зрѣнія понятно, конечно, отрицательное отношеніе, все усиливающееся, къ религіозному элементу въ жизни человѣчества, въ особенности когда религія, притязая на такой абсолютизмъ, въ то же время сама подпадаетъ подъ власть государства, сама является орудіемъ еще болѣе внѣшнихъ общественныхъ или политическихъ соображеній. Въ связи съ этимъ находится постепенное паденіе авторитета религіи, въ новое время, въ особенности, начиная съ эпохи 18 ст., когда мы видимъ здѣсь крушеніе нѣкоторыхъ традиціонныхъ вѣрованій и когда въ связи съ этимъ наблю-

даемъ стремленіе совсѣмъ изгнать религію изъ обихода человѣческой жизни и замѣнить ее культомъ одного разума. Такого рода отношеніе психологически можетъ казаться тоже односторонниимъ въ томъ смыслѣ, что здѣсь мы видимъ игнорированіе другихъ сторонъ человѣческой психики, которыя тоже требуютъ извѣстнаго удовлетворенія и которыя не могутъ быть удовлетворены на почвѣ одной интеллектуальной дѣятельности. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ психологической неизбѣжностью извѣстной вѣры, поскольку эта вѣра признается, какъ извѣстный субъективный процессъ необходимый для выработки міровоззрѣнія на почвѣ научныхъ данныхъ. Но эта вѣра отличается существенными чертами отъ той вѣры, которая носитъ узко религіозный характеръ. Та вѣра, которую мы встрѣчаемъ въ современной наукѣ, является только несовершеннымъ знаніемъ, которое носитъ болѣе гипотетическій характеръ и не можетъ быть выражено въ формулахъ точной науки. Такимъ образомъ, здѣсь вѣра является неизбѣжнымъ добавленіемъ къ этому знанію, и она здѣсь не претендуетъ на то абсолютное значеніе, которое мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ историческихъ религіяхъ, такъ какъ извѣстно, что вѣра тамъ разсматривается, какъ нѣчто такое, что въ самомъ существѣ своемъ стоитъ выше человѣческаго разума. И если между этой религіозной вѣрой и разумомъ встрѣчались противорѣчія, то защитники вѣры утверждали, что все-таки эта вѣра должна имѣть высшее значеніе. Мы должны вѣрить въ извѣстныя истины, хотя бы онѣ были совершенно безсмысленными. Именно, такое значеніе имѣло выраженіе Тертуліана, учителя Церкви во 2-мъ вѣкѣ „credo quia aosurdum". Здѣсь именно говорится о томъ, что

можетъ быть вѣра, противорѣчащая разуму, и однако послѣдній долженъ подчиниться этой вѣрѣ. Теперь, конечно, мы уже не встрѣчаемъ такого отношенія, и если въ наши знанія вторгается элементъ вѣры, то эта вѣра носитъ гипотетическій, субъективный характеръ, совершенно непритязающій на то исключительное абсолютное признаніе, которое мы видѣли раньше. Все это указываетъ на то, что этому религіозному элементу можетъ, конечно, принадлежать извѣстное мѣсто въ жизни и современнаго человѣчества, въ жизни и отдѣльныхъ людей, поскольку здѣсь всегда можетъ существовать сознаніе собственной ограниченности, въ связи съ стремленіемъ найти успокоеніе въ какой-нибудь высшей силѣ, иногда безъ яснаго и точнаго опредѣленія того, что же именно представляетъ изъ себя эта высшая сила. Это стремленіе возникаетъ и укрѣпляется въ связи съ общимъ духовнымъ ростомъ, и въ этомъ случаѣ можетъ быть большое различіе между людьми. Такъ, мы можемъ встрѣчать лицъ, которыя, можетъ быть, совершенно не обнаруживаютъ этого чувства и которыя, дѣйствительно, считаютъ возможнымъ найти удовлетвореніе для себя и на почвѣ другихъ эмоцій, на почвѣ дѣятельности ума и воли, совершенно не испытывая этой потребности въ высшемъ успокоеніи, высшей опорѣ. Съ другой стороны, могутъ быть натуры, которыя, въ силу особенностей своей духовной организаціи, особенностей своего духовнаго роста, могутъ испытывать своеобразныя религіозныя переживанія, которыя не исчерпываются другими родственными эмоціями, напримѣръ, эмоціями - моральной или эстетической. Слѣдовательно, все это указываетъ на извѣстную субъективность этого чувства,

хотя бы къ нему примѣшивался и индивидуальный активный элементъ. И этимъ опредѣляется отношеніе къ этому чувству со стороны воспитателя. Здѣсь намъ важно, конечно, установить болѣе объективную точку зрѣнія, когда предполагается естественное возникновеніе этой эмоціи на почвѣ общаго духовнаго роста. И поэтому необходимо здѣсь сдѣлать краткія замѣчанія о процессѣ развитія этого чувства въ условіяхъ индивидуальнаго роста и указать, въ чемъ можетъ выражаться вмѣшательство воспитателя въ процессъ развитія этой эмоціи. Причемъ, заранѣе можно сказать, что главнымъ принципомъ здѣсь должно считаться предоставленіе наибольшей свободы въ развитіи и удовлетвореніи этого чувства, съ устраненіемъ тѣхъ разнообразныхъ принудительныхъ воздѣйствій, которыя нерѣдко встрѣчаются въ обычномъ традиціонномъ религіозномъ воспитаніи.

Что касается развитія религіознаго чувства въ условіяхъ индивидуальнаго роста, то это чувство развивается у современнаго человѣка или, вѣрнѣе, у современнаго ребенка нѣсколько иначе, чѣмъ мы это наблюдаемъ въ жизни первобытнаго взрослаго человѣка. Дѣло въ томъ, что какъ мнѣ приходилось указывать, существеннымъ свойствомъ этой эмоціи является сознаніе собственной ограниченности и признаніе такой силы, которая должна была бы какъ бы ослабить эту ограниченность, быть защитой, опорой и т.д. Такого рода чувство, конечно, не можетъ явиться у ребенка въ самомъ раннемъ возрастѣ, и если нѣчто подобное бываетъ, то оно не носитъ религіознаго характера. Разумѣется сознаніе своей безпомощности, слабости, инстинктивно постоянно

чувствуется, но это сознаніе находитъ для себя поддержку въ различныхъ дѣйствіяхъ взрослыхъ людей, которые, со всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ развитія своихъ духовныхъ и физическихъ силъ, являются лицами или существами, достаточно поддерживающими и укрѣпляющими ребенка. Поэтому, если идетъ рѣчь о религіозномъ чувствѣ, связанномъ съ мыслью о какой нибудь высшей силѣ, превосходящей человѣка или даже человѣчество, то здѣсь такого рода чувство возникаетъ уже въ связи съ опредѣленными религіозными представленіями. Эти представленія усваиваются дѣтьми, конечно, отъ взрослыхъ, на почвѣ тѣхъ разнообразныхъ впечатлѣній, которыя получаются дѣтьми еще въ раннемъ возрастѣ, въ связи съ извѣстными словами, понятіями, которыя встрѣчаются въ обыденномъ семейномъ языкѣ, въ связи съ обнаруженіемъ религіозной жизни у взрослыхъ людей. Несомнѣнно, главное значеніе здѣсь принадлежитъ не непосредственному чувству, а тѣмъ представленіямъ, на почвѣ которыхъ возникаетъ и сама эмоція. Возникновеніе такихъ представленій или, вѣрнѣе, усвоеніе такихъ представленій мы наблюдаемъ въ очень раннемъ возрастѣ. Иногда здѣсь проявляется активное участіе взрослыхъ, когда послѣдніе сами сообщаютъ эти представленія дѣтямъ въ интересахъ воспитательнаго воздѣйствія, когда здѣсь предполагается, что долженъ быть какой то болѣе высшій авторитетъ, чѣмъ авторитетъ обыкновеннаго человѣка. Такимъ образомъ, къ такимъ религіознымъ представленіямъ прибѣгаютъ, какъ къ послѣднему наивысшему стимулу, который можетъ оказать болѣе сильное воздѣйствіе на психику ребенка. Такого рода воздѣйствіе едва ли

можетъ считаться вполнѣ цѣлесообразнымъ съ педагогической точки зрѣнія - по самымъ разнообразнымъ соображеніямъ. Дѣло въ томъ, что при еще слабо развитомъ интеллектѣ усвоеніе такихъ представленій можетъ не сопровождаться яснымъ и отчетливымъ пониманіемъ самаго существа того, къ чему относятся эти представленія. Это въ особенности можно сказать о тѣхъ представленіяхъ о божествѣ, которыя извѣстны подъ именемъ догматовъ; послѣдніе предполагаютъ заранѣе непонятность ихъ не только для дѣтскаго, но и для болѣе развитого человѣческаго ума. Такимъ образомъ, здѣсь есть обращеніе къ высшему интеллектуальному авторитету, который нерѣдко сказывается въ подавленіи естественной дѣтской пытливости, когда здѣсь есть ссылки на это высшее начало, не имѣющее для себя никакого дальнѣйшаго объясненія, когда здѣсь ребенкомъ усваиваются только одни слова - безъ яснаго и отчетливаго представленія того, что обозначается этими словами. Здѣсь могутъ быть отмѣчены нѣкоторыя отрицательныя вліянія такого рода обращенія къ этой высшей силѣ, какъ къ конечному авторитету, и въ другомъ смыслѣ, поскольку здѣсь искажаются естественные мотивы моральной дѣятельности, когда вмѣсто того, чтобы указать наиболѣе естественныя ближайшія санкціи моральнаго чувства въ связи съ извѣстными дѣйствіями, имѣетъ мѣсто обращеніе къ такой высшей силѣ, которая по существу является трудно представима и конкретное вліяніе которой едва ли можетъ быть очень значительно. Послѣдствіемъ такого воспитанія является отрицательное вліяніе

на ребенка, когда здѣсь не исключается возможность фаталистическаго отношенія: здѣсь возможно предположеніе иногда полной зависимости свободной человѣческой дѣятельности отъ этой высшей силы, а иногда, можетъ быть, и немотивированный отказъ отъ своихъ собственныхъ способностей въ связи съ недостаткомъ законной вѣры въ свои личныя силы. Все это, слѣдовательно, указываетъ на то, что на этой ранней стадіи развитія едва ли можно говорить объ активномъ религіозномъ воспитаніи, въ смыслѣ обязательнаго сообщенія религіозныхъ представленій и введенія этихъ представленій въ самый обиходъ дѣтской жизни. Затѣмъ, если мы будемъ далѣе прослѣживать процессъ воспитательнаго воздѣйствія въ отношеніи религіознаго чувства, то здѣсь встрѣтимся нерѣдко съ такимъ явленіемъ, когда въ силу высокой оцѣнки религіознаго элемента со стороны самихъ родителей наблюдается стремленіе создать и укрѣпить это чувство на почвѣ принудительныхъ дѣйствій, связанныхъ съ культомъ опредѣленной религіи. Здѣсь имѣется цѣлый рядъ пріемовъ, которые ставятъ своей задачей воспитаніе этого чувства путемъ религіозныхъ упражненій, предполагающихъ тѣсную связь съ самимъ чувствомъ. Но и такого рода отношеніе едва ли можетъ быть вполнѣ оправдано съ педагогической точки зрѣнія, если здѣсь нѣтъ настоящаго чувства, а только внѣшняя принудительность, которая, по мѣрѣ общаго развитія, можетъ настраивать на скептическое отношеніе, на извѣстный протестъ противъ этой принудительности и можетъ, въ концѣ концовъ, содѣйствовать полному искорененію этой эмоціи, вмѣсто того, чтобы ее укрѣпить. Мы часто можемъ наблюдать, какъ

на почвѣ этой принудительности культа вмѣсто горячаго религіознаго чувства вырабатывается противоположное отношеніе отрицательнаго характера, граничащее съ кощунствомъ. Все это указываетъ на то, что это чувство имѣетъ болѣе глубокій, интимный характеръ и едва ли можетъ прикасаться одними внѣшними воздѣйствіями, если нѣтъ основаній для проявленія и культивированія этой эмоціи въ самомъ существѣ ребенка. Затѣмъ, анализируя дальнѣйшій процессъ развитія и воспитанія этого чувства, мы должны отмѣтить исключительный періодъ въ жизни ребенка: эпоху поздняго отрочества или, вѣрнѣе, юношества, гдѣ чаще всего наблюдаются своеобразныя религіозныя, иногда, быть можетъ, антирелигіозныя переживанія, которыя характеризуются даже полнымъ отрицаніемъ тѣхъ разнообразныхъ религіозныхъ представленій, традицій, какія были усвоены въ эпоху ранняго дѣтства. Это явленіе оказывается очень типичнымъ для большинства дѣтей юношескаго возраста, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда предшествующій періодъ развитія заключалъ въ себѣ это своеобразное принудительное религіозное воспитаніе. Отмѣченныя особенности этого періода объясняются тѣмъ, что въ это время уже въ очень значительной степени пробуждается интеллектуальная дѣятельность, которая выражается въ критическомъ отношеніи къ самымъ различнымъ принципамъ, прежде усвоеннымъ чисто традиціоннымъ путемъ. Этотъ критицизмъ и своеобразный скептицизмъ распространяются на всѣ представленія, не исключая и религіозныхъ, и здѣсь нерѣдко мы видимъ полное отрицаніе тѣхъ принциповъ, которые ранѣе считали наиболѣе цѣнными. Это отрицательное отношеніе имѣ-

етъ основаніе для себя въ такомъ интенсивномъ сознаніи органической силы, которое является типичнымъ для этого періода. Этотъ расцвѣтъ физическихъ силъ и связанный съ нимъ общій духовный подъемъ служитъ обнаруженіемъ такой внутренней силы, которая не всегда мирится съ представленіемъ собственной слабости, какъ однимъ изъ элементовъ религіозной эмоціи. Анализъ этого періода вскрываетъ именно тѣ безспорныя черты религіозной эмоціи, которыя я уже не разъ подчеркивалъ, именно то чувство зависимости, нашей ограниченности, которое является основнымъ для нашей эмоціи и которое меньше всего подходитъ къ этому возрасту, гдѣ чувствуется полный расцвѣтъ юношескихъ силъ. Это бросаетъ косвенный свѣтъ на такое явленіе, что усиленіе религіознаго чувства нерѣдко наблюдается въ эпоху уже гораздо болѣе позднюю, часто уже въ послѣднюю эпоху жизни человѣка, въ старчествѣ - все равно, какъ мы наблюдаемъ нерѣдко особенную интенсивность религіозной эмоціи въ нѣкоторыхъ явленіяхъ нервнаго или душевнаго заболѣванія, когда здѣсь уже создан извѣстный фонъ для этого чувства слабости, зависимости, когда на почвѣ такого фона возникаютъ опредѣленныя чувствованія и среди нихъ - ярко выраженная религіозная эмоція. Конечно, такого рода факты не ведутъ за собой чисто патологическаго объясненія всѣхъ формъ религіозной эмоціи. Они свидѣтельствуютъ только о томъ, что, несомнѣнно, въ этотъ періодъ общаго упадка духа это чувство можетъ усиливаться, а равнымъ образомъ, въ періодъ подъема, какъ это мы наблюдаемъ въ эпоху юношества, это чувство можетъ ослабляться. Все это является цѣн-

нымъ для уясненія самого существа тѣхъ психическихъ переживаній, которыя наблюдаются въ эпоху юношества. Въ данномъ случаѣ, намъ важно указать отношеніе со стороны воспитателя въ этотъ періодъ, поскольку здѣсь, естественно, предполагается предоставленіе свободы, извѣстной самостоятельности, когда на почвѣ такого своеобразнаго религіознаго кризиса можетъ выработаться новое и болѣе устойчивое міросозерцаніе, такое міросозерцаніе, которое можетъ включить, въ качествѣ основного, иногда важнѣйшаго элемента, элементъ религіозный, уже подвергшійся самостоятельной переработкѣ. Съ точки зрѣнія воспитателя, здѣсь является цѣннымъ самый процессъ выработки этого самостоятельнаго міросозерцанія, на почвѣ отрицанія однихъ принциповъ и на почвѣ установленія новыхъ началъ, которыя являются болѣе согласными уже съ этой болѣе поздней ступенью развитія нашего духа. И здѣсь, можетъ быть, очень полезно вмѣшательство воспитателя, поскольку желательно ослабленіе остроты этого кризиса. Съ другой стороны, едва ли возможно то чисто насильственное вторженіе въ эти своеобразныя интимныя переживанія, которое встрѣчается нерѣдко въ условіяхъ обычнаго традиціоннаго воспитанія и которое вызываетъ иногда по отношенію къ себѣ очень сильную реакцію. Здѣсь важно замѣтить, что это крайне осторожное отношеніе къ религіозной эмоціи, какъ наиболѣе глубокой, интимной, должно характеризовать весь періодъ дѣтскаго развитія, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ мы часто встрѣчаемся здѣсь съ очень нежелательными крайностями. Послѣднія выражаются не только принудительностью въ отношеніи къ

традиціонной религіи, въ отношеніи къ выполненію обрядовъ, но и обратно, въ очень легкомысленномъ отношеніи къ религіознымъ обнаруженіямъ другихъ людей со стороны родителей, которые иногда слишкомъ открыто выражаютъ свои, въ иныхъ случаяхъ очень поверхностно-вольнодумные, взгляды. Такого рода явленіе нежелательно потому, что здѣсь можно видѣть непризнаніе субъективной цѣнности религіозной эмоціи у тѣхъ лицъ, для которыхъ это чувство является очень дорогимъ и цѣннымъ. Поэтому здѣсь необходима извѣстная осторожность, которая можетъ выражаться въ признаніи цѣнности всѣхъ формъ религіозной эмоціи, независимо отъ опредѣленнаго религіознаго выраженія. Это чувство у ребенка является вполнѣ естественнымъ въ періодъ болѣе поздняго развитія на почвѣ уже сформировавшейся психики, и этотъ процессъ естественнаго роста долженъ происходить вполнѣ свободно. Здѣсь только важно предохранить отъ той формы этой эмоціи, когда послѣдняя получаетъ нѣсколько патологическій характеръ, когда она выражается въ односторонней формѣ мистицизма, въ своеобразной экстатичности, когда такого рода односторонность религіозной эмоціи въ переходный возрастъ можетъ повести за собою цѣлый рядъ болѣзненныхъ проявленій Но если это чувство является вполнѣ естественнымъ, если оно въ своемъ развитіи связано съ наиболѣе существенными элементами другихъ высшихъ эмоцій - эстетической и, особенно, моральной - то едва ли можно, въ сущности, возражать что нибудь противъ этого чувства, тѣмъ болѣе, что развитіе и укрѣпленіе этой эмоціи, въ ея высшихъ формахъ, относится уже къ болѣе поздней ступени разви-

тія, когда является возможность самостоятельно управлять своими дѣйствіями, чувствами и мыслями. Конечно, на практикѣ мы всегда будемъ встрѣчать значительныя различія въ силѣ этой эмоціи, которыя будутъ находиться въ зависимости отъ особенностей йндивидуальности. Въ однихъ случаяхъ мы можемъ наблюдать преобладаніе этой эмоціи надъ другими чувствами, въ другихъ -- можетъ встрѣчаться даже полное отсутствіе этой эмоціи, когда, это религіозное чувство будетъ какъ бы распредѣляться между эстетическимъ и моральнымъ чувствами. Несомнѣнно, тѣ формы эмоціональныхъ переживаній, которыя были охарактеризованы при анализѣ эстетическаго чувства, какъ, напр., чувство возвышеннаго при созерцаніи космической безпредѣльности, сближаются съ этой религіозной эмоціей, такъ какъ и тамъ есть сознаніе безграничности вселенной, иногда сознаніе безпредѣльной силы. То же самое можно сказать и о моральномъ чувствѣ, которое въ самыхъ наиболѣе глубокихъ, высшихъ проявленіяхъ можетъ свидѣтельствовать о глубинѣ моральнаго закона, о томъ, что этотъ моральный законъ не находитъ своего полнаго осуществленія, что, можетъ быть, эта невозможность его осуществленія находится въ тѣсной связи съ самой ограниченностью человѣческой природы, которая предполагаетъ и болѣе совершенное развитіе самой себя и, можетъ быть, бытіе такого существа, которое по своей природѣ значительно превосходитъ человѣка. Всѣ такого рода переживанія и всѣ представленія, возникающія на почвѣ этихъ переживаній, конечно, носятъ субъективный характеръ и не могутъ претендовать на ту абсолютность, которая нерѣдко выдвигалась сторонни-

ками исторической формы религіознаго сознанія. Несомнѣнно, наиболѣе высокая форма религіознаго настроенія и находится въ тѣсной связи съ развитіемъ ранѣе упомянутыхъ мною эмоцій эстетическаго и моральнаго типа, когда эти формы эмоціональныхъ переживаній находятъ свое завершеніе въ религіозномъ чувствѣ, когда здѣсь достигается то настроеніе, о которомъ говорилъ Кантъ въ своей „Критикѣ практическаго разума". Какъ, вѣроятно, многимъ изъ васъ хорошо извѣстно, по словамъ Канта есть двѣ вещи, которыя могутъ поднять человѣка до высоты такихъ исключительныхъ настроеній: это созерцаніе безпредѣльнаго неба внѣ насъ и углубленіе въ природу нравственнаго закона - внутри насъ. Если созерцаніе небеснаго свода вскрываетъ передъ нами нашу физическую ограниченность - по сравненію съ громадностью вселенной, когда предполагается, что наше тѣлесное существованіе - лишь временное и преходящее, что наше тѣло можетъ разложиться на тѣ элементы, которые даны въ обыкновенныхъ физическихъ тѣлахъ,- то, съ другой стороны, углубленіе въ сущность нравственнаго закона даетъ намъ право считать себя существами исключительной природы, поскольку здѣсь мы всегда сознаемъ высоту этого моральнаго закона, его превосходство передъ всѣми другими формами бытія. Съ этой точки зрѣнія можетъ существовать своеобразное духовное удовлетвореніе въ видѣ особаго настроенія, которое получается на почвѣ такого наиболѣе углубленнаго анализа человѣческой природы. Все это, слѣдовательно, указываетъ на сложность этой религіозной эмоціи въ ея высшей формѣ, когда здѣсь обнаруживается тѣсная связь съ эмоціями эстетиче-

скаго и моральнаго характера и когда, слѣдовательно, самая цѣнность этой эмоціи поставляется въ зависимость отъ того, насколько это чувство приходитъ въ согласіе съ наиболѣе высокими стремленіями человѣческаго существа, независимо отъ того освященія ихъ сверхъестественнымъ авторитетомъ, какое мы находимъ въ обычныхъ историческихъ религіяхъ.

-.-.-.-.-.-.-.-.-

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

Понятіе объ эмоціяхъ. Теорія эмоцій Джемса-Ланге. Особенности дѣтскихъ чувствованій. Значеніе чувства въ общей экономіи человѣческой жизни. Классификація чувствованій. 3

Чувство страха 44

Чувство гнѣва и производныя эмоціи 68

Чувство застѣнчивости и стыда. 92

Чувство симпатіи 104

Интеллектуальное чувство 121

Эстетическое чувство 146

Моральное чувство 175

Религіозное чувство. 208

Библиотека ООН
Академіи Наукъ СССР